

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Взятие Коринфа в античной литературной и исторической традиции

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Классическая филология
(древнегреческий и латинский языки;
античная литература)»

очной формы обучения
Старикова Арина Олеговна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Казанская М. Н.

Рецензент:
к.ф.н., доц. Тахтаджян С. А.

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Вступление.....	3
Глава I. Античные источники о причинах взятия Коринфа.....	8
I.1. Политические фигуры.....	8
I.2. Роль народа.....	39
I.3. Общий ход истории и разрушение Коринфа.....	48
Глава II. Оценки разрушения Коринфа у античных авторов.....	65
II.1. Κόρινθος ἄφνειός.....	65
II.2. Коринф как вторая Троя.....	78
II.3. Образ театра в описаниях разрушения Коринфа.....	81
Заключение.....	85
Index locorum.....	88
Список источников и литературы.....	89

ВСТУПЛЕНИЕ

Взятие и разрушение Коринфа римлянами в 146 г. до н.э. было одним из важнейших событий в истории отношений греков и римлян. Столкновение двух тесно связанных культур, разрешившееся жестоким разрушением города, не могло не привлекать внимания античных авторов, и коринфская трагедия нашла отклик как в греческих, так и в римских источниках: грекам в целом необходимо было осмыслить то, что произошло с одним из самых видных и богатых греческих городов; римлянам необходимо было понять, как относиться к решению сжечь и разграбить один из старейших городов Греции с богатейшей культурой. Данная работа ставит себе целью рассмотреть и сопоставить отношение греческих и римских авторов к событиям 146 г., проследить, как это отношение со временем менялось, и как обе стороны объясняли себе то, что произошло.

Осаде и взятию Коринфа предшествовал целый ряд событий и решений, которые прямо или косвенно привели к трагедии. Мы вкратце изложим основные факты, на данном этапе не обсуждая античные свидетельства, а ориентируясь на то, как события восстанавливаются в современной историографии. После битвы при Пидне (168 г.), в которой македонский царь Персей потерпел поражение от Эмилия Павла, римский сенат стал оказывать все большее влияние на внутреннюю политику греческих городов¹. Необходимо оговорить, что определенное влияние на Ахейский союз оказывалось и раньше: греки и сами регулярно обращались к авторитету римского сената для решения внутренних конфликтов, а Рим выступал внешним арбитром, рекомендуя, кому поручить решение вопроса: так, в 164 г. решение территориального вопроса между Спартой и Мегалополем Гай

---

¹ A. Piganiol. *La conquête romaine*. Paris. 1940. P. 236. А. Я. Тыжов. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. *Всеобщая история* / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. СПб. 1994. С. 11.

Сульпиций Галл передал Калликрату². В 167 г., через год после поражения Македонии, тысяча ахейцев была отправлена Персеем в Рим, среди которых был и Полибий, начавший там труд, призванный объяснить возвышение Рима. Многие из заложников в 150 г. вернулись на родину, благодаря заступничеству Сципиона Эмилиана, однако сам Полибий остался в Риме³.

В 149 г. в Македонии поднял восстание Андриск, выдававший себя за сына Персея Филиппа. Он занял Македонию и вторгся в Фессалию, но был разгромлен в 148 г. претором Квинтом Цецилием Метеллом, и Македония окончательно получила статус провинции Римской империи⁴.

В Ахейском союзе в тот момент стратегом был Диэй (150–149 гг.). При нем ахейцы начали войну против Спарты, которая продолжалась и на следующий год, когда на должности стратега находился Дамокрит (149–148 гг.), и во время следующего срока Диэя (148–147 гг.). Римляне попытались вмешаться и остановить эту войну. Летом 147 г. прибывший из Рима Аврелий Орест объявил, что Коринф, Спарта, Аргос и Гераклея должны выйти из Ахейского союза⁵, но коринфяне в ответ заключали под стражу всех спартанцев, бывших тогда в Коринфе; предполагается, что могло быть нанесено оскорбление и самому римскому посольству. Осенью того же 147 г. римляне отправили послом в Ахейский союз Секста Юлия Цезаря, который должен был призвать ахейцев к повиновению сенату и к прекращению столкновений со Спартой. На встрече, состоявшейся в Тегее, Критолай, сменивший Диэя на посту стратега, сославшись на отсутствие полномочий, отказался действовать без решения народного собрания, и Сексту Юлию пришлось вернуться в Рим⁶.

---

² P. S. Derow. Rome, the Fall of Macedon and the Sack of Corinth // The Cambridge Ancient History / Ed. A. E. Astin, F. W. Walbank, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie. 1989 (1930). Vol. VIII. P. 300, 320. E. S. Gruen. The Origins of the Achaean War // JHS. Vol. 96 (1976). P. 50.

³ P. S. Derow. Op. cit. P. 319. A. Piganiol. Op. cit. P. 237. А. Я. Тыжов. Указ. соч. С. 10. E. S. Gruen. Op. cit. P. 49–50.

⁴ A. Piganiol. Op. cit. P. 237–238.

⁵ P. S. Derow. Op. cit. P. 322. A. Piganiol. Op. cit. P. 238. E. S. Gruen. Op. cit. P. 57. B. Niese. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Teil III. Darmstadt. 1963. S. 339–342.

⁶ P. S. Derow. Op. cit. P. 322. E. S. Gruen. Op. cit. P. 62. B. Niese. Op. cit. S. 343–344.

Весной 146 г. Критолай, заручившись поддержкой народа, объявил войну Спарте, что фактически означало прямой конфликт с Римом⁷. Посланники Метелла Гней Папирий и Попилий Ленат, призывавшие ахейцев отказаться от войны, были выгнаны из собрания. Консул 146 г. Луций Муммий двинулся с войском из Рима. Критолай, отвергнув призыв Метелла к миру и его предложение исключить спартанцев из Ахейского союза, осадил Гераклею, пожелавшую выйти из союза, но войско под его предводительством потерпело поражение в Скарфее со стороны римлян под командованием Метелла⁸. Далее Метелл разбил аркадян в битве при Херонее и направился к Фивам: Фивы, покинутые жителями, сдались без боя, равно как и Мегары. Критолай же погиб (возможно, покончил с собой).

После гибели Критолая его место занял Дизей, которому необходимо было пополнить армию и казну: соответственно, он освободил двенадцать тысяч рабов и вооружил их, ввел новые налоги и начал активно готовиться к войне; на предложение Метелла заключить мир он ответил отказом. К тому времени прибывший на Пелопоннес Луций Муммий, сменивший Метелла, которого отправил в Македонию, одержал победу над войском Дизея при Левкопетре на Истме. Дизей бежал в Мегалополь и там отравился. Через несколько дней Муммий разрушил Коринф по указанию сената и увез в Рим предметы искусства⁹. Из Рима прибыли десять уполномоченных для установления нового порядка: все племенные греческие союзы были распущены, демократический строй упразднен, Греция должна была выплачивать Риму налог, а ахейцы вдобавок – компенсацию Спарте¹⁰; в этой комиссии принимал участие и Полибий, он же следил за сохранностью произведений искусства¹¹. В результате реформ Ахея полностью потеряла

---

⁷ A. Piganiol. Op. cit. P. 238. P. S. Derow. Op. cit. P. 322. E. S. Gruen. Op. cit. P. 64. B. Niese. Op. cit. S. 346.

⁸ A. Piganiol. Op. cit. P. 238. P. S. Derow. Op. cit. P. 323. E. S. Gruen. Op. cit. P. 65–66. B. Niese. Op. cit. S. 346–347.

⁹ A. Piganiol. Op. cit. P. 238. E. S. Gruen. Op. cit. P. 69. B. Niese. Op. cit. S. 348–350.

¹⁰ P. S. Derow. Op. cit. P. 323. B. Niese. Op. cit. S. 351.

¹¹ А. Я. Тыжов. Указ. соч. С. 17. B. Niese. Op. cit. S. 354.

независимость: в составе Римской империи Ахея не имела статуса отдельной провинции, а подчинялась проконсулу Македонии¹².

В современных исследованиях взятие Коринфа освещается в основном с исторической точки зрения. Из многочисленных работ об Ахейской войне стоит отметить «Исторический комментарий к Полибию» Ф. Уолбэнка¹³, служивший нам важнейшим подспорьем на протяжении работы, и важную статью Э. Груэна о причинах Ахейской войны¹⁴, который критически подходит к Полибию и совмещает исторический и филологический подход в толковании античных свидетельств. Однако для целей данной работы – изучения отношения греков и римлян к разрушению Коринфа – невозможно было ограничиться одними историографическими источниками. Среди наиболее важных для данной работы исторических источников следует упомянуть Полибия, Павсания, Периоху 52 книги Тита Ливия и «Эпитому римских деяний» Луция Аннея Флора, которые не только обсуждают события 146 г., но и оценивают меру ответственности участников конфликта. Одновременно личное отношение греков и римлян ко взятию Коринфа выражается в ряде литературных произведений (назовем, в качестве примера, эпиграммы Антипатра и Полистрата, AP IX, 151 и VII, 297 соответственно, или «Застольные беседы» Плутарха (Plut. Quaest. Conv. 737a), которые не скрывают сожаления о разрушении Коринфа). Стоит отметить, что в некоторых случаях провести грань между историческим подходом и литературным откликом оказывается нелегко: так, в «Эпитоме» Флора изложение исторического материала подвергается столь сильной риторической отделке, что автор занимает пограничное положение между историографом и оратором.

Конкретизируя наш подход к античным источникам, отметим, что, поставив целью определить отношение античных авторов к разрушению Коринфа, мы будем, с одной стороны, обращать внимание на то, как

---

¹² A. Piganiol. Op. cit. P. 239. P. S. Derow. Op. cit. P. 323. B. Niese. Op. cit. S. 358.

¹³ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979.

¹⁴ E. S. Gruen. The Origins of the Achaean War // JHS. Vol. 96 (1976). P. 46–69.

объяснялось произошедшее: будут рассмотрены три вида объяснений (действия отдельных политических деятелей; поддержка их народом, и общее поведение народа; общий ход истории, который привел к подавлению Римом конкурента, или, более поэтически, рука судьбы). С другой стороны, будет рассмотрен ряд постоянных мотивов и образов, которые регулярно присутствуют в описаниях разрушения Коринфа (такие как противопоставление былого богатства Коринфа и его полного разрушения; представление о Коринфе как о второй Трое или втором Карфагене; идея о взятии Коринфа как трагедии в самом буквальном смысле и образ театра, который возникает в описаниях его разрушения).

ГЛАВА I. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПРИЧИНАХ ВЗЯТИЯ КОРИНФА

I.1. Политические фигуры

Данная глава посвящена конкретным историческим фигурам, - стратегам Критолаю, Диэю и Калликрату, - на которых античные авторы возлагают ответственность за падение Коринфа. Будут разобраны действия, которые ставятся им в вину, степень возлагаемой ответственности, а также описание их характеров; при этом особое внимание будет обращать на негативно коннотированные выражения, а также на пословицы. Анализируя действия стратегов, мы будем опираться в первую очередь на оценку античных авторов, используя и комментарий современных исследователей¹⁵.

Основными источниками сведений о стратегах являются Полибий (Polyb. XXXVIII), Павсаний (Paus. VII), Ливий (Liv. Perioch. LII) и Флор (Flor. II, 16); отдельно будет рассмотрена оценка Павсания, который, углубляясь в историю ухудшения отношений между греками и римлянами, называет началом бедствий (ἀρχὴ κακῶν) македонского царя Персея (Paus. VII, 10, 5). Наибольшую ценность представляют сведения Полибия. Современник Ахейской войны, он был в Карфагене со Сципионом Эмилианом (Polyb. XXXVIII, 22), а после падения Карфагена отправился в Коринф, где ему было поручено обеспечить политическую реорганизацию и, в частности, переход на римское законодательство (Polyb. XXXIX, 5, 1–5). Несмотря на то, что при самом разрушении Коринфа Полибий не присутствовал, он видел последствия подчинения Ахеи, и 38 книга его «Истории», несомненно, во многом основана на показаниях очевидцев¹⁶, т.к. настроение народа и действия отдельных представителей Ахейского союза до разрушения Коринфа описаны подробно и с деталями, которые

---

¹⁵ Более подробный обзор событий Ахейской войны см. у Ф. Уолбэнка (F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979) и Э. Груэна (E. S. Gruen. The Origins of the Achaean War // JHS. Vol. 96 (1976). P. 46–69).

¹⁶ А. Я. Тыжов. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. СПб. 1994. С. 19. На это указывают и античные источники (ср. Oros. Hist. V, 3, 3: Polybius Achivis quamvis tunc in Africa cum Scipione fuerit, tamen quia domesticam cladem ignorare non potuit: «Полибий, хотя в то время был в Африке со Сципионом, не мог не знать о гибели родины»).

свидетельствуют о непосредственном знакомстве с ситуацией: так, в 39 книге «Истории» Полибий сообщает о том, что сам видел, как римские солдаты играют в кости на сорванных картинах (Polyb. XXXIX, 2, 1–3= Strab. VIII, 6, 23). Следует сразу оговорить, что описание самого взятия Коринфа у Полибия напрямую не сохранилось. Согласно Ф. Уолбэнку, оно должно было быть описано в 38 книге, а разрушение города, после совещания с римскими послами, в 39¹⁷; однако 38 и 39 книги дошли в эксцерптах Константина Багрянородного в трактате *De virtutibus et vitiis*¹⁸, а последняя, 40 книга, не сохранилась вовсе. Примечательно, что историк доводит повествование до разрушения Карфагена и Коринфа, считая эти события поворотным моментом, после которого устанавливается новый миропорядок; о цели сочинения – показать, как мир оказался под властью Рима – Полибий говорит в самом начале своего труда (Polyb. I, 2, 7–8).

Остальные источники в той или иной степени зависят от Полибия. Так, Павсаний, не упоминая Полибия в качестве источника, повторяет некоторые оценки стратегов, данные Полибием¹⁹; Тит Ливий, напротив, ссылается на Полибия²⁰, однако сложность заключается в том, что Ахейская война сохранилась в периихе 52 книги, составитель которой допускает неточности в изложении событий. Ливий, в свою очередь, послужил источником для эпитомы Флора, однако Флор не просто сделал выдержку из Ливия, но подверг значительной литературной обработке, так что «Эпитома римских

---

¹⁷ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979. P. 47.

¹⁸ Примечательно, что главы о разрушении Коринфа и подчинении Ахейского союза приведены в трактате «О добродетелях и пороках»: вероятно, сочинение Полибия было процитировано там благодаря характеристикам выдающихся деятелей, из которых одни стремились к миру с римлянами, а другие проявили себя как демагоги; к тому же, именно Полибий больше, чем другие авторы, уделяет внимание действиям и мотивам частных людей Ахейского союза.

¹⁹ «Bien que Polybe ne soit jamais non plus mentionné expressément comme source, le texte des *Histoires* semble bien être à la base du *logos* consacré par Pausanias à l'histoire de l'Achaïe à l'époque hellénistique et, souvent, le témoignage du Périégète s'accorde avec celui de l'écrivain mégalo-politain»: Y. Lafond. Pausanias. Description de la Grèce. T. VII. Paris. 2000. P. 20.

²⁰ Liv. XXX, 45, 5; XXXIV, 50, 6; XXXVI, 19, 11; XXXIX, 52, 1; XLV, 44, 19. Особенно Ливий подчеркивает важность Полибия как источника о событиях в Греции: *Polybium secuti sumus, non incertum auctorem cum omnium Romanarum rerum tum praecipue in Graecia gestarum*: «Мы следуем Полибию, автору вовсе не недостоверному, как в римских делах, так и, главным образом, в греческих» (Liv. XXXIII, 10, 10).

деяний» представляет собой самостоятельное риторическое сочинение на историческую тему²¹.

Диэй и Критолай были стратегами в последние годы существования Ахейского союза: Критолай в 147–146 гг., Диэй в 150–149 гг., 148–147 гг. и в 146 г.²². Поэтому большинство античных авторов возлагают ответственность за падение Коринфа именно на них, обоих или по отдельности. Несмотря на то, что сначала стратегом был Диэй, мы начнем с Критолая, так как описание его деятельности хорошо сохранилось в выдержках из Полибия.

1.1.1. Критолай

Полибий дает наиболее подробные сведения о Критолае (Polyb. XXXVIII, 11, 6–9; 12, 7–10; 13, 6–7; 16, 11–12). Помимо Полибия, будет также учитываться рассказ о Критолае у Павсания (Paus. VII, 14, 4; 6), опиравшегося на труд Полибия, а также к одной речи Критолая, которая приводится у Диодора Сицилийского (Diod. XXXII, 26, 4–5). Из римских источников о Критолае упоминает Флор, который возлагает на него ответственность за взятие Коринфа, называя его *causa belli* (Flor. Epit. II, 16 Lemaire), а также Цицерон в трактате «О природе богов» (Cic. De nat. deor. III, 91–92).

У Полибия, насколько можно судить по эксцерптам, Критолай характеризовался как напрямую в авторском повествовании, так и косвенно, через пересказ речей, произнесенных им перед римскими посланниками и народным собранием (Polyb. XXXVIII, 11, 6–9; 12, 7–10; 13, 6–7). В связи с этим встает вопрос о подлинности речей Критолая и о возможности применять их для характеристики стратега. Сам Полибий заявляет, что в историческом сочинении должны быть только действительно произнесенные

---

²¹ Florus. Œuvres. T. I / Ed. P. Jal. Paris. 1967. P. 25–26, 39.

²² W. Kroll. Kritolaus // RE. Bd. XI (1922). Sp. 1930. J. Deininger. Diaios // RE. Supplbd. XI (1968). Sp. 521.

речи²³; Ф. Уолбэнк отмечает, что речи могли основываться на документах (и тогда они соответствовали действительно сказанному) или же на устной традиции и литературных источниках (в таком случае речи содержат общие места)²⁴. К сожалению, плохая сохранность последних книг «Истории» не позволяет с уверенностью судить о том, какими источниками пользовался Полибий при передаче речей Критолая. Дополнительную сложность создает отрывочность повествования 38 книги (главы сохранились в эксцерпте Константина Багрянородного *De legationibus*): так, один из пассажей (Polyb. XXXVIII, 16, 11–12) современные комментаторы относят к рассказу о Критолае, однако Константин Багрянородный приводит его в главе о Дизе²⁵.

Полибий охарактеризовал Критолая как безумца, настраивавшего ахейцев против римлян: пообещав римлянам решить конфликт с лакедемонянами в Тегее, Критолай, прибыв туда, отказался что-либо предпринимать, и римское посольство вынуждено было покинуть Тегею. Полибий резюмирует события так:

διὸ σαφῶς ἐπιγνόντες οἱ περὶ τὸν Σέξτον ἐθελοκακοῦντα τὸν Κριτόλαον καὶ δυσχεραίνοντες ἐπὶ τοῖς ἀπαντωμένοις τοὺς μὲν Λακεδαιμονίους ἀπέλυσαν εἰς τὴν οἰκείαν, αὐτοὶ δ' ἐπανῆγον εἰς τὴν Ἰταλίαν, κατεγνώκότες ἄγνοιαν καὶ μανίαν τοῦ Κριτόλαου. ὁ δὲ Κριτόλαος χωρισθέντων τούτων ἐπιπορευόμενος κατὰ τὸν χειμῶνα τὰς πόλεις ἐκκλησίας συνῆγε, προφάσει μὲν χρώμενος ὅτι βούλεται τὰ ῥηθέντα πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους καὶ πρὸς τοὺς ἐν τῇ Τεγέᾳ διασαφεῖν αὐτοῖς, τῇ δ' ἀληθείᾳ κατηγορίαν ποιούμενος Ῥωμαίων καὶ πᾶν τὸ λεγόμενον ὑπ' ἐκείνων ἐπὶ τὸ χεῖρον ἐκδεχόμενος, ἐξ ὧν δυσμένειαν καὶ μῖσος ἐνεργάζετο τοῖς ὄχλοις.

«Приближенные Секста, поняв по этому, что Критолай строит козни, и сердясь на выступивших против них, отпустили лакедемонян домой, а сами вернулись в Италию, осознав безумие и сумасшествие Критолая. Критолай же, когда они

²³ ...ὁ δὲ καὶ τοὺς ῥηθέντας λόγους καὶ τὴν αἰτίαν παρασιωπῶν, ψευδῇ δ' ἀντὶ τούτων ἐπιχειρήματα καὶ διεξοδικοὺς λέγων λόγους, ἀναίρει τὸ τῆς ἱστορίας ἴδιον: «А замалчивающий и сказанные речи, и причину, вместо них произносящий ложные умозаключения и пространные речи, уничтожает сущность истории» (Polyb. XII, 25b, 4).

²⁴ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. P. 13–14.

²⁵ См. раздел о гибели Критолая.

удалились, проезжая осенью²⁶ по городам, созывал народные собрания под тем предлогом, что хочет изложить сказанное лакедемонянам и бывшим в Тегее, а в действительности обвиняя римлян и все, сказанное ими, обращая к худшему, чем вселил в толпы вражду и ненависть» (Polyb. XXXVIII, 11, 6–9 = Const. Porphyg. De legat. 63).

Пассаж изобилует негативно коннотированными характеристиками стратега. Во-первых, поведение Критолая характеризуется глаголом ἐθέλοκακέω. Формально, он отложил рассмотрение дела на полгода, так как не имел полномочий принимать решения без совета²⁷, и Э. Груэн даже полагает, что Критолай не желал ухудшить отношения с римлянами, и прибыл в Тегею один, чтобы не обострять конфликт со спартамцами²⁸. Однако Полибий при помощи глагола ἐθέλοκακέω специально подчеркивает, что в глазах римлян действия Критолая наносили намеренный вред (так, Ф. Уолбэнк считает, что в данном пассаже ἐθέλοκακῶν обозначает «стремясь к обструкции»²⁹). Наряду с этим Полибий применяет к Критолаю такие выражения как ἄγνοια, μανία; несмотря на то, что данные слова вновь отражают оценку происходящего римлянами (κατεγνώκότες ἄγνοιαν καὶ μανίαν), историк, вероятно, с ней согласен. Противопоставление предлога и истинного мотива (προφάσει... τῇ δ' ἀληθείᾳ...), типичное для историографии начиная с Фукидида³⁰, в данном случае должно было подчеркнуть двуличие ахейского стратега, а выражение ἐπὶ τὸ χεῖρον ἐκδεχόμενος показывает, насколько умело Критолай манипулировал фактами. Полибий обращает внимание на то, что стратег умышленно воздействовал на собрание (δυσμένειαν καὶ μῖσος ἐνεργάζετο); как будет показано ниже, народ, поддавшись на его демагогию, по мнению Полибия также несет долю ответственности.

²⁶ Критолай был избран стратегом осенью, так что его поездка могла относиться также и к зимнему периоду (F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 703). Патон переводит: during the winter (Polybius. The Histories / Ed. W. R. Paton. Vol. VI. Cambridge (Mass.), London. 2012. P. 465).

²⁷ ...ἄνευ τῆς τῶν πολλῶν γνώμης: «...без решения большинства» (Polyb. XXXVIII, 11, 5).

²⁸ E. S. Gruen. Op. cit. P. 63.

²⁹ F. W. Walbank. Ibid.

³⁰ См. подр. G. M. Kirkwood. Thucydides' Words for "Cause" // AJPh. Vol. 73 (1952). P. 59.

Интерпретация поведения Критолая как безумства будет позднее подхвачена Павсанием, который особо выделяет безрассудство стратега в первой же фразе, открывающей рассказ о нем:

Διαίῳ δὲ ἐξήκοντος τοῦ χρόνου τῆς ἀρχῆς στρατηγεῖν ὑπὸ Ἀχαιῶν ἡρέθη Κριτόλαος. τοῦτον δριμύς καὶ σὺν οὐδενὶ λογισμῷ τὸν Κριτόλαον πολεμεῖν πρὸς Ῥωμαίους ἔρωσ ἔσχε...

«По окончании срока правления Дизя стратегом ахейцами был избран Критолай. Этим-то Критолаем завладела острая и безрассудная страсть воевать с римлянами...» (Paus. VII, 14, 4).

Павсаний подчеркивает виновность Критолая, не возлагая ответственности ни на богов, ни на войско за проигранное сражение при Скарфее:

τὸ μὲν δὴ ἄνδρα βασιλέα καὶ πόλιν ἀνελέσθαι πόλεμον καὶ μὴ εὐτυχῆσαι συνέβη φθόνῳ μᾶλλον ἔκ του δαιμόνων ἢ τοῖς πολεμήσασι ποιεῖ τὸ ἐγκλημα· θρασυτής δὲ ἢ μετὰ ἀσθενείας μανία ἂν μᾶλλον ἢ ἀτυχία καλοῖτο. ὁ δὲ καὶ Κριτόλαον καὶ Ἀχαιοὺς ἔβλαψε.

«Если случится царственному мужу и городу начать войну и не иметь успеха, то скорее это вменяется в вину зависти кого-то из богов, чем сражавшимся. Смелость же, объединенная со слабостью, называется скорее безумием, чем неудачей. Это и повредило и Критолаю, и ахейцам» (Paus. VII, 14, 6).

Отметим, что Павсаний, как и Полибий, использует слово *μανία*, но упрощая, не приписывает данную оценку римлянам, а характеризует Критолая напрямую; не менее выразительно словосочетание *δριμύς καὶ σὺν οὐδενὶ λογισμῷ...ἔρωσ*³¹. Конструкция *ἔρωσ* с инфинитивом использовалась в историографии начиная с Геродота и Фукидида³² в политических контекстах

³¹ Схожее выражение Павсаний применяет и при описании Метелла, предлагавшего мир Дизю: *ἰσχυρὸς γάρ τις ἐνέκειτο αὐτῷ πόθος τὰ ἐν Μακεδονίᾳ τε ὁμοῦ καὶ τὰ Ἀχαιῶν κατεργασθῆναι δι' αὐτοῦ*: «Ведь в него вселилось некое страстное желание самому завершить одновременно [войны] и в Македонии, и с ахейцами» (Paus. VII, 15, 11). Обращает на себя внимание то, что в синонимы *ἔρωс* и *πόθος*, указывающие на интенсивность желания, Павсаний вкладывает различную оценку: *ἔρωс* подразумевает неодобрение действий Критолая, тогда как *πόθος* – одобрение Метелла.

³² У Геродота: *ἔρωτα σχὼν τῆς Ἑλλάδος τύραννος γενέσθαι*: «...желая стать господином Эллады» (Hdt. V, 32, 1). У Фукидида: *καὶ ἔρωс ἐνέπεσε τοῖς πᾶσιν ὁμοίως ἐκπλεῦσαι*: «...и всеми в равной степени овладело желание выплывать...» (Thuc. VI, 24, 3). Потом подхвачено выражением *τῆς τε ἀπούσης πόθῳ ὅψεως καὶ θεωρίας*: «[исполнены] страсти увидеть и изучить отдаленные [земли]...».

для обозначения сильного и часто опасного стремления к чему-либо³³. Однако ἔρως может использоваться и в положительном смысле и обозначать сильную любовь к городу (обычно с генитивом³⁴). Выражением πολεμεῖν πρὸς Ῥωμαίους ἔρως Павсаний возлагает на Критолая ответственность за непосредственное развязывание войны.

Наиболее подробный, детально прописанный портрет Критолая историк дает в сцене народного собрания в Коринфе весной 146 г., когда в город прибыли послы от Метелла Гней Папирий и Попилий Ленат. Они советовали ахейцам не выступать ни против спартанцев, ни против римлян (будь то напрямую или через нападение на Спарту). Однако послы были выгнаны из собрания, а Критолай произнес речь, которую Полибий подробно пересказывает³⁵:

ὁ δὲ Κριτόλαος, ὥσπερ κατ' εὐχὴν ὑποθέσεως ἐπειλημμένος καὶ θεάτρου συνενθουσιῶντος καὶ παρεστηκότος ταῖς διανοαῖς, κατανίστατο μὲν τῶν ἀρχόντων, διέσυρε δὲ τοὺς ἀντιπολιτευομένους, ἐνεπαρρησιάζετο δὲ τοῖς τῶν Ῥωμαίων πρεσβευταῖς, φάσκων βούλεσθαι μὲν Ῥωμαίων φίλος ὑπάρχειν, δεσπότας δ' οὐκ ἂν εὐδοκῆσαι κτησάμενος. καθόλου δὲ παρῆναι, λέγων ὥς, ἐὰν μὲν ἄνδρες ὧσιν, οὐκ ἀπορήσουσι συμμάχων, ἐὰν δ' ἀνδρόγυνοι, κυρίων. καὶ πολλὰ δὴ τινα πρὸς ταύτην τὴν ὑπόθεσιν ἐμπορεύων καὶ μεθοδεύμενος³⁶ ἐκίνει καὶ παρώξυνε τοὺς ὄχλους.

«А Критолай, как будто по желанию взявшись за hypothesis³⁷, в то время как театр восторгался и повиновался его образу мыслей, выступил против архонтов, поносил политических противников, открыто выступал против римских посланников (в их отсутствии), утверждая, что хочет быть другом римлян, а не одобрять господ, приобрета их. В целом, он убеждал [ахейцев],

³³ Об использовании понятия ἔρως у Павсания см. также: W. Hutton. Pausanias and the Mysteries of Hellas // TAPhA. Vol. 140. 2 (2010). P. 439.

³⁴ Ἔρως πατρίδας τῆσδε γῆς σ' ἐγύμνασεν; «Любовь к этой родной земле тебя довела?» (Aesch. Ag. 540). У Аристофана хор говорит о людях, устремляющихся в птичий город: Κατέχουσι δ' ἔρωτες ἐμᾶς πόλεως; «Они испытывают любовь к моему городу» (Aristoph. Av. 1316).

³⁵ Речь Критолая сохранилась не только у Полибия (в эксцерптах Константина Багрянородного), но и у Диодора Сицилийского (Diod. XXXII, 26, 4–5) в виде выжимки из Полибия. Оба варианта попали в эксцерпты Константина Багрянородного: в передаче Полибия в произведение De legationibus (Const. Porphyr. De legat. 64), а рассказ Диодора – в сочинение De sententiis (Const. Porphyr. De sentent. 381).

³⁶ Глагол ἐμπορεύω имеет значения «отправляться в путь» (LSJ I, 2) и «торговать» (LSJ II, 2); из последнего развилось значение «наживаться, обманывать» (LSJ II, 4). Глагол μεθοδεύω, обозначая «следовать правилу, руководству» (LSJ 1), приобрел значение «обходить, хитрить» (LSJ 3). Ф. Уолбэнк переводит: “by practising much craft and deceit of this kind” (F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 707).

³⁷ Употребление слова ὑπόθεσις будет рассмотрено ниже, пока мы оставляем его без перевода.

говоря, что если бы они были мужами, то не имели бы недостатка в союзниках, а если бы уподобились женщинам, - то в господах. И вдобавок к этой hypothesis много плутуя и хитря, волновал и побуждал толпы» (Polyb. XXXVIII, 12, 7–10 = Const. Porphy. De legat. 64).

Речь идет о заседании народного собрания, однако обращает на себя внимание то, что Полибий использует слово ὄχλος. Ф. Уолбэнк предполагает, что Полибий в данном пассаже описывал σύνδοκος³⁸, регулярно заседающее народное собрание, имеющее меньше полномочий и состоящее из более молодых граждан³⁹, – в отличие от ἡ σύγκλητος, которое созывалось в исключительных случаях (мы еще вернемся к этому различию). Именно на собрание такого типа ссылался Критолай во время встречи с Секстом Юлием в Тегее. Действительно, велика вероятность, что речь идет о менее строгой аудитории: Полибий представляет стратега демагогом, с легкостью управляющим толпой (ἐκίνει καὶ παρώξυνε τοὺς ὄχλους). Глагол συνενθουσιάζω в особенности подчеркивает степень влияния Критолая на собрание, которое в своем исступлении готово верить всему⁴⁰.

С. Вутен отмечает, что в речи Критолая можно выделить два наиболее распространенных типа аргументации – “argument from honor” (τὸ καλόν) и “argument from expediency” (τὸ συμφέρον)⁴¹. К первому, вероятно, относится призыв поступать подобно мужам (ἐὰν μὲν ἄνδρες ᾖσιν), а ко второму – желание видеть в римлянах друзей, а не господ. Полибий особо выделяет на фоне остальной речи обвинение в женоподобном поведении (ἀνδρόγυνοι), которое должно было подтолкнуть ахейцев к решительным действиям⁴². Свое

³⁸ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979. P. 705.

³⁹ В чрезвычайном собрании σύγκλητος заседали с 30 лет (K. J. Beloch. Griechische Geschichte. Berlin, Leipzig. 1927. Vol. IV. S. 233).

⁴⁰ Cf. Strab. III, 2, 9: Ποσειδώνιος δὲ τὸ πλῆθος τῶν μετάλλων ἐπαινῶν καὶ τὴν ἀρετὴν οὐκ ἀπέχεται τῆς συνήθους ῥητορείας, ἀλλὰ συνενθουσιᾷ ταῖς ὑπερβολαῖς... («Посидоний, расхваливая количество и достоинство рудников, не удерживается от свойственного ему витийства, но восторгается и преувеличениям...»).

⁴¹ “Honor and expediency are combined in the last two of these speeches” (C. Wooten. The Speeches in Polybius: An Insight into the Nature of Hellenistic Oratory // AJPh. Vol. 95. 3 (1974). P. 243).

⁴² С той же целью сравнивает ахейцев с женщинами Филопемени: καθόλου δ' ἡξίου διαλαμβάνειν ὥς ὁ μὲν ἐν τοῖς ἱματίοις καλλωπισμὸς γυναικὸς ἐστὶ, καὶ ταύτης οὐ λίαν σώφρωνος, ἡ δ' ἐν τοῖς ὅπλοις πολυτέλεια καὶ σεμνότης ἀνδρῶν ἀγαθῶν, προαιρουμένων ἑαυτοὺς καὶ τὰς πατρίδας ἐνδόξως σφάζειν: «И вообще он посчитал нужным обозначить, что украшение гиматиев – это черта женщины, да и то такой, которая не слишком разумна, а роскошь и торжественность вооружения – черта доблестных мужей, предпочитающих со славой спасти самих себя и отечество» (Polyb. XI, 9, 7). Обидное сравнение с женщинами очень распространено:

отношение к римлянам Критолай выражает неоднозначно: выступая открыто против послов уже после того, как они были удалены (ἐνεπαρρησιάζετο δὲ τοῖς τῶν Ῥωμαίων πρεσβευταῖς)⁴³, он заявляет, что не потерпит зависимости от Рима, однако ведет речь о союзниках в войне против лакедемонян (которую римляне воспринимали как выступление против них самих); и в конце же выступления заявляет, что главные противники Ахейского союза – не Спарта и Рим, а их сторонники среди самих ахейцев, пренебрегающие собственными интересами (Polyb. XXXVIII, 13, 3). С. Вутен предполагает, что это предостережение могло быть сформулировано Полибием по аналогии со схожим предостережением Демосфена в речи за мегалопольцев (Demosth. XVI, 10)⁴⁴. Но решить, восходит ли данная параллель непосредственно к Критолаю, или же она была добавлена Полибием при передаче содержания речи, не представляется возможным.

Отдельного рассмотрения заслуживает сравнение Критолая с актером или оратором. Полибий характеризует речь стратега ὑπόθεσις – термином, которым античная критика обозначала сюжет драм, которые, в частности, использовались как основа для риторических упражнений, а также предмет речей. Так, Секст Эмпирик в трактате «Против математиков» выделяет три значения слова ὑπόθεσις: 1) ἡ δραματικὴ περιπέτεια, 2) ἡ τῶν ἐπὶ μέρους ζήτησις

так, Ганнибал, согласно Страбону, сравнил воинов с женщинами после того, как они в побежденной Капуе привыкли к удовольствиям мирной жизни: ὁ Ἀννίβας ἔφη νικῶν κινδυνεύειν ἐπὶ τοῖς ἐχθροῖς γενέσθαι, γυναῖκας ἀντὶ τῶν ἀνδρῶν τοὺς στρατιώτας ἀπολαβόν: «Ганнибал сказал, что, пусть он и победитель, но рискует, выходя против неприятелей, поскольку воины вернулись к нему женщинами, а не мужчинами» (Strab. V, 4, 13). Ἀνδρόγυνος встречается реже в качестве оскорбления и кажется еще более непристойным; так, Эсхин называет ἀνδρόγυνος Демосфена в речи «О преступном посольстве»: ἐὰν δ' ἐξελεγχθῆς ψευδόμενος, Δημόσθενες, τοιαύτην δίκην δός· ὁμολόγησον ἀνδρόγυνος εἶναι καὶ μὴ ἐλεύθερος ἐναντίον τούτων: «А если ты, Демосфен, будешь уличен в обмане, то понеси такое наказание: согласись с тем, что ты подобен женщине и несвободен, в их присутствии» (Aeschin. II, 127).

⁴³ М. Ландауэр указывает на два значения слова παρρησία: «бесстыдная, дерзкая речь» и «свобода речи» в политическом смысле (M. Landauer. “Parrhesia” and the “Demos Tyrannos”: Frank Speech, Flattery and Accountability in Democratic Athens // History of Political Thought. Vol. 33 (2012). P. 185). Полибий, вероятно, употребляет это слово в первом значении.

⁴⁴ “There are, moreover, quite a few passages in the speeches which seem to be modelled on similar passages from the Demosthenic corpus. Critolaus, arguing before the Achaean assembly that they should fear especially those among themselves who favored the Romans or Spartans more than their own interests, sounds very similar to the same idea expressed by Demosthenes in the *Philippics* and in the speech *For the Megalopolitans*” (C. Wooten. Op. cit. P. 249).

и 3) ἀρχὴ ἀποδείξεως⁴⁵. Первое из этих значений относится к театральной области, а второе и третье – к ораторскому искусству. В случае с Критолаем термин ὑπόθεσις, повторенный дважды, несомненно обращает на себя внимание, но выбрать, с чем он ассоциировался, непросто. Употребление слова θέατρον указывает на первое значение («драматический сюжет»). Несмотря на то, что θέατρον может обозначать место заседания собрания (Lys. 13, 32; Thuc. VIII, 93, 1)⁴⁶, соседство со словом ὑπόθεσις и акцент на реакции аудитории (глагол συνενθουσιάω) подчеркивает театральность происходящего.

Но возможно, под ὑπόθεσις подразумевается и сравнение с оратором. Критолай воспринимает свое выступление в народном собрании как случай проявить свое ораторское мастерство, а не прийти к согласию с римлянами. Вне зависимости от значения слова ὑπόθεσις («драматический сюжет» или «база для риторического упражнения») сравнение передает негативное отношение Полибия к Критолаю.

Резюмируя эффект речи Критолая, Полибий подчеркивает, что Критолай получил фактически неограниченные полномочия:

ὁ δὲ Κριτόλαος παροξύνας τοὺς ὄχλους διὰ τῆς τούτων κατηγορίας ἔπεισε τοὺς Ἀχαιοὺς πάλιν ψηφίσασθαι λόγῳ μὲν τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους πόλεμον, ἔργῳ δὲ τὸν πρὸς Ῥωμαίους· καὶ προσεπεμέτρησεν ἕτερον ψήφισμα παράνομον, ὥστε κυρίου εἶναι τοὺς ἀνθρώπους οὓς [ἄν] ἐπὶ στρατηγίαν αἰρήσονται· δι' οὗ τρόπου τινὰ μοναρχικὴν ἀνέλαβεν ἐξουσίαν.

⁴⁵ ...ἡ δραματικὴ περιπέτεια, καθὼ καὶ τραγικὴν καὶ κωμικὴν ὑπόθεσιν εἶναι λέγομεν καὶ Δικαιάρχου τινὰς ὑποθέσεις τῶν Εὐριπίδου καὶ Σοφοκλέους μύθων, οὐκ ἄλλο τι καλοῦντες ὑπόθεσιν ἢ τὴν τοῦ δράματος περιπέτειαν. καθ' ἕτερον δὲ σημαινόμενον ὑπόθεσις προσαγορεύεται ἐν ῥητορικῇ <ή> τῶν ἐπὶ μέρους ζητήσις, καθὼ καὶ οἱ σοφισταὶ πολλάκις εἰώθασιν ἐν ταῖς διατριβαῖς λέγειν 'θετέον ὑπόθεσιν.' οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ κατὰ τρίτην ἐπιβολὴν ὑπόθεσιν καλοῦμεν ἀρχὴν ἀποδείξεως, αἵτησιν οὖσαν πράγματος εἰς κατασκευὴν τινος (Sext. Emp. Math. III, 3, 4–5, 1): «...драматические повороты сюжета, почему мы говорим и о трагическом, и о комическом сюжетах, и содержания Дикеарха, составленные к пьесам Еврипида и Софокла называем не иначе как сюжетом или развязкой самой драмы. В соответствии с другим значением ὑπόθεσις употребляется в риторике: исследование по частям, в соответствии с чем и софисты часто в диатрибах говорят: «Должно принять предпосылку». Именно поэтому в соответствии с третьим значением мы называем ὑπόθεσις исходный пункт доказательства, являющийся необходимым условием дела для построения чего-либо».

⁴⁶ Ἐπειδὴ δὲ ἡ ἐκκλησία Μουνιχίασιν ἐν τῷ θεάτρῳ ἐγένετο...: «Когда случилось народное собрание в театре в Мунихии...» (Lys. 13, 32). Собрание в мунихийском театре упоминает и Фукидид: οἱ δ' ἐν τῷ Πειραιεὶ ὀπλῖται τὸν τε Ἀλεξικλέα ὃν ξυνέλαβον ἀφέντες καὶ τὸ τεῖχος μαθελόντες ἐς τὸ πρὸς τῇ Μουνιχίᾳ Διονυσιακὸν θέατρον ἐλθόντες καὶ θέμενοι τὰ ὄπλα ἐξεκλήσιασαν: «...а пирейские гоплиты, отпустив Алексикла, которого схватили, и разрушив укрепление, пришли в театр Диониса при Мунихии и, держа оружие наготове, устроили собрание» (Thuc. VIII, 93, 1).

«А Критолай, разъярив толпы обвинениями в их адрес (т.е. сторонников римлян Эвагора и Стратия), убедил ахейцев вновь одобрить голосованием войну – формально против лакедемонян, а на деле против римлян. И предложил сверх того другое противозаконное постановление, чтобы главными были люди, которых они выберут на должность стратега; таким образом он получил власть, почти монархическую» (Polyb. XXXVIII, 13, 6–7=Const. Porphyg. De legat. 65).

Полибий вновь использует выражение *παροξύνας τοὺς ὄχλους* по отношению к Критолаю (*παρώξυνε τοὺς ὄχλους* – Polyb. XXXVIII, 12, 10); вновь оказываются противопоставлены слова и истинные намерения (*λόγῳ μὲν τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους πόλεμον, ἔργῳ δὲ τὸν πρὸς Ῥωμαίους*)⁴⁷.

Противозаконность постановления (*ψήφισμα παράνομον*) объясняется тем, что в регулярном народном собрании (*σύνδοδος*) запрещено было принимать решения о военных действиях, в отличие от *σύγκλητος*⁴⁸. Таким образом Полибий возлагает ответственность за решение на стратега, хотя без согласия народного собрания постановление не вступило бы в силу. Критическое отношение Полибия к Критолаю заключается в выражении *τινὰ μοναρχικὴν ἀνέλαβεν ἐξουσίαν*, однако его полномочия были, вероятно, такими же, как у Арата, стратега-автократора 225 г. (*στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*), которого Полибий положительно оценивает⁴⁹.

Дополнительным аргументом при разборе того, насколько портрет Критолая у Полибия объективен, мог бы стать рассказ Диодора Сицилийского о том же собрании:

Μάλιστα δὲ ὁ Κριτόλαος ἐξέκαυσε τὰς ὁρμὰς τοῦ πλήθους πρὸς καινοτομίαν, χρώμενος δὲ τῷ τῆς ἀρχῆς ἀξιώματι φανερῶς κατηγορεῖ Ῥωμαίων εἰς ὑπερηφανίαν καὶ πλεονεξίαν· ἔφη δὲ φίλος μὲν βούλεσθαι Ῥωμαίων ὑπάρχειν, δεσπότας δὲ ἐκουσίως ἀναδεικνύναι μὴ προαιρεῖσθαι. Διεβεβαιοῦτο δὲ καθόλου τοῖς πλήθεσιν,

⁴⁷ При помощи похожей антитезы *προφάσει... τῇ δ' ἀληθείᾳ...* Полибий описывает действия Критолая, созвавшего народные собрания для того, чтобы якобы передать слова римских послов, а на деле вселить вражду к римлянам (Polyb. XXXVIII, 11, 7–8). Эти параллели показывают, что Полибий воспринимал поведение Критолая как осознанное и последовательное, и тем более опасное. О несовпадении предлога и истинного мотива сообщает и Павсаний с опорой на Полибия (Paus. VII, 14, 5).

⁴⁸ C. B. Champion. Polybian Demagogues in Political Context // HSCPh. Vol. 102 (2004). P. 204.

⁴⁹ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979. P. 708.

ὥς ἐὰν μὲν ἄνδρες ᾧσιν, οὐκ ἀπορήσουσι συμμάχων, ἐὰν δὲ ἀνδράποδα, κυρίων ἐμφάσεις τε διὰ λόγων ἀπέλειπεν ὥς ἤδη καὶ βασιλεῦσι καὶ πόλεσι διείλεκται περὶ συμμαχίας. Ὅτι διὰ τῶν λόγων ἐκκαύσας τῶν ὄχλων τὴν ὁρμὴν εἰσήνεγκε ψήφισμα πολεμεῖν τῷ μὲν λόγῳ πρὸς Λακεδαιμονίους, τῷ δὲ ἔργῳ πρὸς Ῥωμαίους.

«Критотлай же весьма разжег стремления народа к изменению; пользуясь авторитетом власти, он открыто обвиняет римлян в высокомерии и своекорыстии. Он говорит, что хочет быть другом римлян, а добровольно провозгласить их господами не желает. Он ручается перед народом, что если они будут мужами, то не будут иметь недостатка в союзниках, а если рабами, то в господах; он пояснял словами, что уже и царям и государствам он толковал о союзе. Воспламенив словами стремление народа, он внес постановление воевать на словах с лакедемонянами, а на деле с римлянами» (Diod. XXXII, 26, 4–5=Const. Porphyg. De sentent. 381).

К сожалению, при сравнении этих двух текстов заметны совпадения, которые не могут быть случайностью и заставляют предположить, что этот рассказ напрямую зависит от Полибия⁵⁰.

Полибий	Диодор
<u>βούλεσθαι μὲν Ῥωμαίων φίλος ὑπάρχειν, δεσπότης δ' οὐκ ἂν εὐδοκῆσαι κτησάμενος. καθόλου δὲ παρήνει, λέγων ὥς, ἐὰν μὲν ἄνδρες ᾧσιν, οὐκ ἀπορήσουσι συμμάχων, ἐὰν δ' ἀνδρόγυνοι, κυρίων</u> (Polyb. XXXVIII, 12, 8–9). ὁ δὲ Κριτόλαος παροξύνας τοὺς ὄχλους διὰ τῆς τούτων κατηγορίας ἐπεισε τοὺς Ἀχαιοὺς πάλιν ψηφίσασθαι λόγῳ μὲν τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους πόλεμον, ἔργῳ δὲ τὸν πρὸς Ῥωμαίους (Polyb. XXXVIII, 13, 6).	<u>φίλος μὲν βούλεσθαι Ῥωμαίων ὑπάρχειν, δεσπότης δὲ ἐκουσίως ἀναδεικνύναι μὴ προαιρεῖσθαι. Διεβεβαιοῦτο δὲ καθόλου τοῖς πλήθεσιν, ὥς ἐὰν μὲν ἄνδρες ᾧσιν, οὐκ ἀπορήσουσι συμμάχων, ἐὰν δὲ ἀνδράποδα, κυρίων.</u> Ὅτι διὰ τῶν λόγων ἐκκαύσας τῶν ὄχλων τὴν ὁρμὴν εἰσήνεγκε ψήφισμα πολεμεῖν τῷ μὲν λόγῳ πρὸς Λακεδαιμονίους, τῷ δὲ ἔργῳ πρὸς Ῥωμαίους (Diod. XXXII, 26, 4–5).

Многие выражения Полибия Диодор передает почти дословно, лишь меняя порядок слов и некоторые заменяя синонимами. Можно было бы предположить, что совпадающие выражения принадлежали самому Критотлаю, и что оба историка точно передали его слова; но вероятнее, что Диодор опирался на Полибия. Во-первых, в тексте Диодора заметны упрощения по сравнению с текстом Полибия: полибиевское слово ἀνδρόγυνοι

⁵⁰ О соответствии глав Диодора главам Полибия см. E. Ruschenbusch. Die Sprache der Vorlagen Diodors für die römische Geschichte // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 46 (1997). S. 186–187.

Диодор заменяет на ἀνδράποδα⁵¹. Эта замена может объясняться либо сознательным смягчением выражения, либо lapsus memoriae Диодора. Добавим, что противопоставление ἀνδράποδα – κύριοι у Диодора более банально, чем антитеза ἀνδρόγυνοι – κύριοι у Полибия: второе противопоставление гораздо выразительнее, и кажется, что Критотай произнес именно его. Во-вторых, переключки заметны не только при передаче речи Критотая, но и в авторских ремарках: выражение παροξύνας τοὺς ὄχλους Диодор заменяет на ἐκκαύσας τῶν ὄχλων τὴν ὀρμὴν.

После посольства Гнея Папирия и Попилия Лената, Критотай перешел к действию и осадил Гераклею. Описание последующих событий у Полибия почти не сохранилось, хотя есть один фрагмент, который показывает, что историк оценивал решение Критотая как огромный просчет:

ἀλλὰ μοι δοκεῖ κατὰ τὴν παροιμίαν κενὰ κενοὶ λογίζονται. λοιπὸν εἰκότως τοῖς τοιούτοις τὰ πρόδηλα παράδοξα φαίνεται.

«Но мне кажется, согласно поговорке, расчеты пустых людей – пусты. Впрочем, естественно, что таким людям очевидное кажется странным» (Polyb. XXXVIII, 16, 11).

Имя в данном фрагменте не сохранилось, но считается, что речь идет именно о Критотее: так, Ф. Уолбэнк и Груэн считают, что слова τὰ πρόδηλα παράδοξα φαίνεται указывают на неожиданное для Критотая прибытие Метелла к Геракле⁵². Если это так, то поговорка κενὰ κενοὶ λογίζονται, которая встречается только у Полибия⁵³ и применительно к человеку, напрасно надевавшемуся на выгоду и погубившего самого себя, в данном случае могла относиться к осаде Гераклеи, что оказалось неверным ходом Критотая. Похоже, что этот образ развивается в еще одном отрывке из

⁵¹ И ἀνδράποδα, и ἀνδρόγυνοι встречаются у Полибия только раз (A. Mauersberger. Polybios-Lexikon. Berlin. 2000. Bd. I. Sp. 113).

⁵² F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 714; E. S. Gruen. Op. cit. P. 65.

⁵³ Здесь, а также еще в одном пассаже применительно к Архию: Τῷ γὰρ ὄντι διὰ τὰς ἐπιθυμίας κενοὶ κενὰ λογίζονται κατὰ τὴν παροιμίαν, «Ведь у него это произошло из-за желаний, согласно поговорке, что расчеты пустых людей – пусты» (Polyb. XXXIII, 5, 3–4).

эксцерпта Константина Багрянородного, который располагается в изданиях непосредственно за приведенным выше фрагментом⁵⁴:

καὶ ἐβουλεύετο περὶ τῆς εἰς οἶκον ἀνακομιδῆς, ὅμοιον ποιῶν ὥς εἴ τις ἄπειρος ὑπάρχων τοῦ νεῖν καὶ μέλλων αὐτὸν ρίπτειν εἰς τὸ πέλαγος περὶ μὲν τοῦ ρῖψαι μὴ βουλεύοιτο, ρίψας δὲ διανοοῖτο περὶ τοῦ πῶς ἂν ἐκνήξαιτο πρὸς τὴν γῆν.

«И он размышлял о возвращении домой, поступая подобно тому, кто, не умея плавать и собираясь броситься в море, не обдумывает прыжок, а уже бросившись, размышляет о том, как бы выбраться на берег» (Polyb. XXXVIII, 16, 12).

Поведение Критолая сравнивается с неумелым пловцом, который пытается выбраться на берег, когда уже поздно (Ф. Уолбэнк говорит о «развернутом сравнении»)⁵⁵; дополнительный акцент делается на неправильный расчет: περὶ μὲν τοῦ ρῖψαι μὴ βουλεύοιτο, ρίψας δὲ διανοοῖτο. Если два последних фрагмента действительно относятся к Критолаю, то они показывают, насколько несостоятельным оказался стратег в военных столкновениях.

После поражения при Скарфее, Критолай, по-видимому, исчез. Полибий не сообщает ничего; Павсаний предполагает, что он бросился в лиман у Эты и остался, по его словам, «совершенно неузнанным и неопознанным» (παντάπασιν ἔμελλεν ἄγνωστός τε καὶ ἄγνωστος οἰχήσεσθαι κατὰ τοῦ βυθοῦ, Paus. VII, 15, 4). Сведения о том, что Критолай принял яд после поражения при Скарфее, которые приводит эпитомизатор Ливия (Liv. Perioch. 52), являются очевидной ошибкой: составитель перииохи перепутал Критолая с Дизем.

Таким образом, из греческих источников наиболее полные сведения о деятельности Критолая в должности стратега Ахейского союза передает Полибий. Современник, хоть и не непосредственный свидетель падения Коринфа, Полибий опирается не только на письменные свидетельства, но и,

⁵⁴ Отсутствие имени в тексте фрагмента вызывает сложности: располагаясь в главе о Дизе, он, вероятно, относится все-таки к Критолаю, как полагают Уолбэнк и Груэн. В серии Loeb трактовка различна: в издании Патона 1968 г. перевод “And he (Diaeus) began to think...” (p. 429), а в издании 2012 г. (Paton, Walbank, Habicht). перевод “And he (Critolaus) began to think...” (P. 479).

⁵⁵ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. P. 714.

несомненно, на показания очевидцев, что позволяет ему точно воссоздать ход событий и, в частности, действия Критолая. Полибий указывает на конкретные обстоятельства, в которых произносились речи, а именно, на место собрания и состав римских посольств. Можно не сомневаться, что речи стратега в передаче Полибия подверглись определенной литературной обработке, однако основное содержание (в том числе и аргументы) близко передают сказанное. Согласно Полибию, Критолай сознательно вызывал враждебный настрой к римлянам в городах союза и использовал столкновения со Спартой как предлог, чтобы развязать войну с Римом (προφάσει... τῇ δ' ἀληθείᾳ...). Выступая с проримских позиций, Полибий изображает Критолая в негативных тонах, подчеркивая его безумие (ἄγνοια, μανία - Polyb. XXXVIII, 11, 6–9) и демагогическое поведение (ἐνείργαζετο τοῖς ὄχλοις - Polyb. XXXVIII, 11, 6–9; μεθοδευόμενος ἐκίνει καὶ παρώξυνε τοὺς ὄχλους - Polyb. XXXVIII, 12, 7–10; τινὰ μοναρχικὴν ἀνέλαβεν ἐξουσίαν - Polyb. XXXVIII, 13, 6–7). Павсаний также подчеркивает страстное желание Критолая воевать с римлянами (πολεμεῖν πρὸς Ῥωμαίους ἔρωσ - Paus. VII, 14, 4), лишая действия Критолая любого логического основания: так, конфликт со Спартой оказывается не более, чем предлогом для войны с Римом (ἀθροίσας ἀνέπεισε μὲν ἐπιφέρειν ὅπλα ἐπὶ τὴν Σπάρτην, ἀνέπεισε δὲ καὶ Ῥωμαίους ἐκ τοῦ εὐθέως πόλεμον ἄρασθαι – Paus. VII, 14, 5). Павсаний позволяет более точно воссоздать ход событий там, где сведения Полибия отрывочны. Диодор Сицилийский, несмотря на то что более сжато описывает Ахейскую войну, считает нужным включить выступление Критолая, описанное Полибием, в свое сочинение (Diod. XXXII, 26, 4–5).

В римских источниках Критолай фигурирует значительно меньше, чем в греческих. Так, прямым виновником войны его называет Флор:

Critolaus causa belli, qui libertate a Romanis data adversus ipsos usus est legatosque Romanos, dubium an et manu, certe oratione violavit.

«Критолай – причина войны, который предоставленной римлянами свободой воспользовался против них самих, и оскорбил римских послов речью, а возможно, и действием» (Flor. Epit. II, 16 Lemaire).

Флор упрощает предысторию войны, представляя виновником лишь одного Критолая, сводя причину конфликта и оскорбление римских послов. Флор работает в жанре эпитомы, который требует сжатого изложения событий и опущения второстепенных деталей. Греческие источники, как Полибий, так и Павсаний, четко различают разные римские посольства, римские же обобщенно говорят об оскорблении послов. Именно неповиновение послам римские авторы называют причиной Ахейской войны, например, Цицерон в речи «О Манилиевом законе»⁵⁶, составитель периихи Тита Ливия⁵⁷, Евтропий в «Бревиарии римской истории»⁵⁸, Юстин в эпитоме Помпея Трога⁵⁹. Но ни один автор не называет ни конкретное посольство, ни стратега. Особняком среди греческих авторов стоит Страбон, который так же, в общих чертах, упоминает негативное отношение ахейцев к послам⁶⁰. Попытка определить, какое именно посольство подразумевал Флор, представляется затруднительной. Заключение под стражу спартанцев во время посольства Ореста (Paus. VII, 14, 3) случилось при Дие; Критолай же часто поступал уклончиво с послами, то отказываясь решать конфликт со

---

⁵⁶ Legati quod erant appellati superbius, Corinthum patres vestri totius Graeciae lumen extinctum esse voluerunt... «Из-за того, что послы были оскорблены весьма надменно, ваши отцы пожелали разрушить Коринф, светоч всей Греции...» (Cic. Pro leg. Man. V, 11).

⁵⁷ Belli Achaici semina referuntur haec, quod legati Romani ab Achaeis pulsati sint Corinthi, missi, ut eas civitates, quae sub ditione Philippi fuerant, ab Achaico concilio secernerent: «Сообщают, что зачатки Ахейской войны таковы, что были изгнаны из Коринфа римские послы, отправленные для того, чтобы те города, которые были под управлением Филиппа, отделить от Ахейского союза» (Liv. Perioch. 51). В свою очередь, Павсаний подчеркивает, что из Ахейского союза были исключены те города, которые не принадлежали ахейцам и не входили в него изначально (Paus. VII, 14, 1).

⁵⁸ Corinthiis quoque bellum indictum est, nobilissimae Graeciae civitati, propter iniuriam legatorum Romanorum: «Также была война против коринфян, благороднейшего города Греции, из-за оскорбления римских послов» (Eutr. IV, 14).

⁵⁹ ...legatos quoque ipsos Romanorum violassent, ni audito tumultu trepidi fugissent: «Даже над самими римскими послами они совершили бы насилие, если бы те не убежали, напуганные, услышав о беспорядке» (Iust. XXXIV, 1, 9).

⁶⁰ Κορίνθιοι δ' ὑπὸ Φιλίππῳ ὄντες ἐκεῖνον τε συνεφιλονέικησαν καὶ ἰδίᾳ πρὸς Ῥωμαίους ὑπεροπτικῶς εἶχον, ὥστε τινὲς καὶ τῶν πρέσβων παριόντων τὴν οἰκίαν αὐτῶν ἐθάρρησαν καταντλήσαι βόρβορον. ἀντὶ τούτων μὲν οὖν καὶ ἄλλων ὧν ἐξήμαρτον ἔτισαν δίκας αὐτίκα· πεμφθείσης γὰρ ἀξιολόγου στρατιᾶς, αὐτὴ τε κατέσκαπτο ὑπὸ Λευκίου Μομμίου... «Коринфяне, будучи под властью Филиппа, примкнули к нему и сами презрительно относились к римлянам, так что некоторые даже прибывших к ним в дом послов посмели облить нечистотами; за это и другие проступки они тотчас понесли наказание: ведь когда было отправлено значительное войско, он (Коринф) был разрушен до основания Луцием Муммием» (Strab. VIII, 6, 23).

Спартой (Polyb. XXXVIII, 11, 6–9), то высказывая желание быть другом римлян (Polyb. XXXVIII, 12, 7–10). Из собрания выгнали Гнея Папирия и Попилия Лената (Polyb. XXXVIII, 12, 4)⁶¹, однако Полибий представляет это как поступок народа (οἱ πολλοί), а не самого Критолая, который выступал против Рима только в отсутствие послов. Обобщенность римских источников о данном эпизоде может объясняться их характером – все, за исключением Цицерона, являются эпитамами, и могли подразумевать не Папирия и Попилия, а оскорбительное поведение Критолая вообще. Однако Э. Груэн полагает, что римские источники подразумевают оскорбление первого посольства, Ореста, а Критолай ошибочно назван Флором из-за того, что он принимал последующие посольства⁶². Свидетельство же Страбона относится к еще более раннему периоду, к правлению Филиппа (Strab. VIII, 6, 23).

Главным виновником разрушения Коринфа Критолай предстает и у Цицерона в диалоге «О природе богов». Один из участников диалога, Котта, произнося речь против стоиков, утверждает, что Коринф и Карфаген разрушил не бог, а Критолай и Гасдрубал:

Critolaus inquam evertit Corinthum, Carthaginem Asdrubal; hi duo illos oculos⁶³ orae maritimae effoderunt, non iratus aliqui, quem omnino irasci posse negatis, deus. «А я говорю, что Критолай разрушил Коринф, а Карфаген – Гасдрубал. Эти двое выкололи те глаза побережья, а не некий разгневанный бог, который, как вы утверждаете, и вовсе не может гневаться» (Cic. De nat. deor. III, 91).

Парадоксальным образом Котта называет разрушителями городов не полководцев вражеской, одержавшей победу, стороны – Муммия и Сципиона – а побежденной – Критолая и Гасдрубала. Котта возлагает ответственность не на Диэя, стратега, при котором произошло разрушение города, а на его предшественника Критолая; либо это вызвано неточным представлением о

⁶¹ ὅν οἱ μὲν πολλοὶ διακοῦντες οὐδ' αὖτως ἀνείχοντο, χλευάζοντες δὲ τοὺς πρέσβεις μετὰ θορύβου καὶ κραυγῆς ἐξέβαλον: «Слушая, многие никак не могли вынести этого, и насмехаясь над послами, выбросили их с шумом и криком» (Polyb. XXXVIII, 12, 4).

⁶² E. S. Gruen. Op. cit. P. 57.

⁶³ Подробный разбор см. M. Tullii Ciceronis De natura deorum libri tres / Ed. J. B. Mayor, J. H. Swainson. Cambridge. 1885. Vol. III. P. 191. Oculus здесь используется в значении: «превосходное, значительное место» (OLD. P. 1238 s.v. oculus, 1f).

событиях, либо отсылает к роли Критолая в обострении конфликта с римлянами. Так или иначе, сравнение данного пассажа с формулировкой Флора Critolaus causa belli показывает, что именно Критолая communis opinio в Риме представляет виновником трагедии.

I.1.2. Диэй

Диэй был стратегом Ахейского союза в 146 г., в год падения Коринфа. Поскольку отношения с Римом ухудшились и дошли до военных действий уже при Критолае, на Диэя, его преемника, античные источники не возлагают основную ответственность за развязывание войны. Однако близкие по времени источники подчеркивают, что действия Диэя усугубили ситуацию: так, Полибий критикует действия, предпринятые Диэем для усиления войска (Polyb. XXXVIII, 15, 6–8), Павсаний обвиняет стратега в упрямстве и отказе от предложенного Метеллом мира (Paus. VII, 15, 11). Позднейшие источники, автор периихи Ливия и Флор, ограничиваются упоминанием о сражении Диэя с Муммием⁶⁴. Более развернутое описание последней битвы Диэя и взятия Коринфа дает Зонара (Zon. Epit. IX, 31), а также Орозий (Oros. Hist. V, 3, 2–4).

Непосредственное столкновение ахейцев с римлянами началось не напрямую, а из-за третьей стороны – Спарты. Этот эпизод сохранился у Павсания. В 147 г., когда стратегом был Диэй, из-за конфликтов спартанцев и ахейцев сенат посчитал нужным исключить Спарту, Коринф, Аргос, Гераклею и Орхомен из Ахейского союза, о чем сообщил посланный в Коринф Луций Аврелий Орест (Paus. VII, 14, 1–2)⁶⁵. Услышав это, коринфяне

---

⁶⁴ In cuius locum Diaeus, Achaici motus primus auctor, ab Achaeis dux creatus ad Isthmon a L. Mummiо consule victus est: «Выбранный ахейцами на его место полководцем Диэй, первый зачинщик ахейского мятежа, был побежден при Истме консулом Луцием Муммием» (Perioch. 52). Нис alterius ducis Diaei late exercitum sub ipsis Isthmi faucibus fudit geminosque portus sanguine infecit: «Он (Муммий) войско второго полководца Диэя рассеял в самих ущельях Истма и обе гавани окрасил кровью» (Flor. II, 16).

⁶⁵ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979. P. 699. А. Я. Тыжов. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. СПб. 1994. С. 16.

заклучили под стражу всех находившихся в Коринфе спартанцев и тем самым нанесли оскорбление римскому посольству:

Ὁρέστης δὲ καὶ οἱ σὺν αὐτῷ τῆς τε τόλμης ἐπέχουσιν τοὺς Ἀχαιοὺς ἐπειρῶντο καὶ ἐκέλευον μεμνησθαι σφᾶς ὡς ἀδικημάτων καὶ ὕβρεως ἄρχουσιν ἐς Ῥωμαίους.

«Орест и те, кто был с ним, пытались удержать ахейцев от дерзости и просили вспомнить, что они кладут начало несправедливым действиям и дерзостям против римлян» (Paus. VII, 14, 3).

В данном отрывке, отражающем видение ситуации Орестом, поведение ахейцев охарактеризовано негативно окрашенными словами τόλμη, ἀδίκημα и ὕβρις, причем они расположены в градации: τόλμη может иметь и положительное значение «смелость», а ὕβρις обозначает крайнюю степень дерзости⁶⁶. Выражение ἀδικημάτων...ἄρχουσιν напоминает выражение κακῶν ἄρξειν (Paus. VII, 10, 1)⁶⁷ и, на наш взгляд, намекает на плачевные последствия, к которым может привести поведение коринфян. Насилие против спартанцев римляне оценили как открытое неповиновение со стороны ахейцев, т.к. они добивались прекращения конфликта между Ахейским союзом и Спартой (Paus. VII, 13, 1–2).

Дизей вступил повторно в должность стратега после гибели Критолая и первого значимого поражения ахейцев при Скарфее. Ему пришлось предпринять конкретные меры в виду конфликта с Римом для пополнения казны и усиления армии:

θεωρῶν δὲ τὴν ἀπορίαν τὴν ἐν τοῖς κοινοῖς ἰσχυρὰν οὖσαν διὰ τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους γεγονότα πόλεμον, ἐπαγγελίας ποιῆσθαι συνηνάγκαζε καὶ κατ' ἰδίαν εἰσφέρειν τοὺς εὐπόρους, οὐ μόνον τοὺς ἄνδρας ἀλλὰ καὶ τὰς γυναῖκας. ἅμα δὲ τούτοις παρήγγειλεν πανδημεὶ τοὺς ἐν ταῖς ἡλικίαις ἀθροίζεσθαι μετὰ τῶν ὅπλων εἰς τὴν Κόρινθον. ἐξ ὧν συνέβαινε γίνεσθαι τὰς πόλεις πλήρεις ἀκρισίας, ταραχῆς, δυσθυμίας.

«Отмечая недостаток в казне, возникший из-за войны против лаконян, он вынудил принять финансовые обязательства, а также вынудил состоятельных

⁶⁶ Д. Л. Кэрнс подчеркивает, что быть ὕβριστής означает не только быть склонным к дерзким поступкам, но и необоснованно высоко себя оценивать (D. L. Cairns. Hybris, Dishonour, and Thinking Big // JHS. Vol. 116 (1996). P. 8).

⁶⁷ Подробнее см. раздел о Калликрате.

людей делать взносы частным образом, не только мужчин, но и женщин. Вместе с этим он приказал всем, кто годен к военной службе, с оружием собраться в Коринфе. Из-за этих мер города оказались исполнены замешательства, смуты и уныния» (Polyb. XXXVIII, 15, 6–8).

Ф. Уолбэнк полагает, что в данном пассаже речь идет о взносах разных видов: общий взнос для организаций, который обозначается термином ἐπαγγελία, и индивидуальный, обязательный только для состоятельных граждан, на который указывает выражение κατ' ἰδίαν εἰσφέρειν⁶⁸. Сообщение Полибия подкрепляется эпиграфическим материалом: «Трезенская надпись» (IG IV, 757), относящаяся к 146 г.⁶⁹, содержит список пожертвователей от лица организаций и прочие сведения о передаче средств для спасения города по решению совета⁷⁰. Изложение Полибия расходится с надписью в одном значительном моменте. Так, Полибий возлагает в большей степени ответственность за решение о взносах на Диэя (συνηνάγκαζε), надпись же указывает на решение совета. Э. Груэн полагает, что историк очерняет Диэя, приписывая ему воздействие на собрание⁷¹, что выражено глаголом συνηνάγκαζε; впрочем, приставку συν- Груэн не комментирует. С ним согласен Д. Мендельс, который, доверяя сведениям Полибия, не ставит под сомнение факт принуждения собрания стратегом⁷². Однако А. Фукс отмечает, что глагол συνηνάγκαζε, а именно, приставка συν-, может свидетельствовать об инициативе не только Диэя, но и глав других городов Ахейского союза; как и Груэн, Фукс допускает, что глагол указывает на отрицательное отношение Полибия к Диэю и на неприятие его действий⁷³. По нашему мнению, приставка συν- указывает на действие, совместное со

⁶⁸ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979. P. 711.

⁶⁹ Датировку особо оговаривает Френкель, подчеркивая, что надпись датируется 146 г., а не 225 г., когда Трезен был занят Клеоменом (Inscriptiones Graecae / Ed. M. Fraenkel. Berolini. 1902. Vol. IV. P. 147).

⁷⁰ ... τὰ κοινεῖα δόμεν ἐς τὸν διατειχισμὸν καὶ ἐς τὴν σωτηρίαν τᾶς πόλιος, καθὰ ἔδοξε τῷ κοινῷ τῶν Ἀχαιῶν: «...мы отдали общие средства для укрепления и спасения города, согласно решению союза ахейцев».

⁷¹ „The activities of Diaeus, coloured, of course, in the darkest terms, are given by Polyb. XXXVIII, 15” (E. S. Gruen. Op. cit. P. 66).

⁷² D. Mendels. Polybius and the Socio-Economic Revolution in Greece (227–146 B.C.) // L'Antiquité Classique. T. 51 (1982). P. 103.

⁷³ A. Fuks. The *Bellum Achaicum* and Its Social Aspect // JHS. Vol. 90 (1970) P. 82.

сторонниками Диея именно в Коринфе, а не в других городах, как предполагает А. Фукс. Нет сомнения, что Полибий критично относится к мерам, предпринятым Дием, на что указывает и его описание настроений в союзе как ἀκρισία, ταραχή, δυσθυμία. Расположив понятия по нарастающей, описывая развитие ситуации от нерешительности до смуты и, наконец, уныния, он представляет положение скорее как эффект от военных сборов и денежных взносов, чем как реакцию на войну с Римом. Таким образом, глаголом συνηνάγκαζε Полибий показал, что Дией, возможно, вместе со своими сторонниками, повлиял на решение совета, и неудивительно, что в этом Полибий расходится с Трезенской надписью, которая с помощью стандартных формулировок зафиксировала лишь само решение, а не то, как оно было принято.

Павсаний, говоря о Дие, критикует его поведение и до, и после поражения: Метелл, разбив Критолая при Скарфее и войско аркадян в Херонее, предложил Диею заключить мир, но тот не воспользовался этой возможностью:

καὶ Μεγαρεῖς μὲν παραδιδόασιν ἀμαχεὶ Ῥωμαίοις τὴν πόλιν, Μέτελλος δὲ ὡς ἀφίκετο παρὰ τὸν ἰσθμὸν, ἐπεκηρυκεύετο καὶ τότε Ἀχαιοὺς ἐς εἰρήνην καὶ ὁμολογίας προκαλοῦμενος· ἰσχυρὸς γάρ τις ἐνέκειτο αὐτῷ πόθος τὰ ἐν Μακεδονίᾳ τε ὁμοῦ καὶ τὰ Ἀχαιῶν κατεργασθῆναι δι' αὐτοῦ. τούτῳ μὲν ταῦτα ἐσπευκότι Δίαιος ἠναντιοῦτο ὑπὸ ἀγνώμοσύνης.

«И мегарцы передали римлянам город без боя, а Метелл, как только прибыл к перешейку, стал вести переговоры с ахейцами, призывая их к миру и согласию⁷⁴: ведь им овладело некое сильное желание одновременно самому завершить дела с македонянами и с ахейцами. Дией же, рекомендовавшему это (εἰρήνην καὶ ὁμολογίας) настоятельно, сопротивлялся по упрямству» (Paus. VII, 15, 11).

Термин ἀγνώμοσύνη в военном и политическом контекстах используется об игнорировании тактики соперника или о вооруженном сопротивлении⁷⁵.

⁷⁴ Речь явно идет о принуждении к миру (LSJ s. v. ὁμολογία A, 3b: “Terms of peace, truce, or surrender”).

⁷⁵ Данное употребление засвидетельствовано уже у Геродота, см. J. E. Powell. A Lexicon to Herodotus. Cambridge. 1938. P. 3.

Диэй готовился к сражению с Метеллом, однако на его место пришел Муммий, который разбил войско ахейцев. Диэй, бежав в Мегалополь, принял яд. Муммий уничтожил город на третий день после взятия⁷⁶. Павсаний предполагает, что бегство Диэя ускорило разрушение Коринфа: останься он в городе, римляне были бы вынуждены осадить Коринф, и сопротивление, возможно, спасло бы город (Paus. VII, 16, 1–6). Павсаний – единственный автор, у которого встречается попытка представить, что падения Коринфа можно было бы избежать. М. Претцлер высказала предположение, что, возлагая вину за разрушение Коринфа на греков, Павсаний мог передавать мнение современных ему жителей Коринфа, римских колонистов⁷⁷: идея, в принципе, не является неправдоподобной, однако тот факт, что Павсаний при изложении событий 146 г. опирается скорее на Полибия⁷⁸, чем на устную традицию, и причину войны ищет задолго до разрушения города, заставляет относиться к ней с осторожностью.

Так, в греческих источниках Диэй критикуется за подготовку войны со Спартой во время первого срока, и за военные действия против Рима во время последнего срока. Полибий подчеркивает давление, которое Диэй оказал на народное собрание, чтобы ввести меры по увеличению набора в войско и по увеличению сборов в казну. Павсаний называет отказ Диэя от предложенного Метеллом мира упорным нежеланием учитывать тактику противника (ἀγνωμοσύνη) и порицает оставление Диэем Коринфа.

В римских источниках Диэй упоминается лишь вскользь в связи с поражением: *Diaeus, Achaici motus primus auctor, ab Achaeis dux creatus, ad Isthmon a L. Mummius consule victus est* (Liv. Perioch. 52); *Hic (Mummius) alterius ducis Diaei late exercitum sub ipsis Isthmi faucibus fudit* (Flor. II, 16 Lemaire). Чуть более подробно события излагаются у Орозия со ссылкой на Полибия:

---

⁷⁶ Tum ab incolis deserta civitas direpta primum, deinde tuba praecinente deleta est : «Тогда опустошенный от жителей город сначала был взят, а затем по знаку трубы разрушен» (Flor. II, 16).

⁷⁷ M. Pretzler. Pausanias and Oral Tradition // CQ. Vol. 55 (2005). P. 248.

⁷⁸ Y. Lafond. Pausanias. Description de la Grèce. T. VII. P. 20.

...Polybius Achivus, quamuis tunc in Africa cum Scipione fuerit, tamen, quia domesticam cladem ignorare non potuit, semel in Achaia pugnatum Critolao duce adserit, Diaeum vero adducentem ex Arcadia militem ab eodem Metello praetore oppressum cum exercitu docet; sed de varietate discordantium historicorum aliquanta iam diximus.

«...Ахеец Полибий, несмотря на то, что был тогда в Африке со Сципионом, не мог не знать о гибели родины. В то же время он приписывает сражение в Ахее вождю Критолаю, однако утверждает, что Диэй, приведя войско из Аркадии, был побежден тем же самым претором Метеллом вместе с войском. Но о разногласиях историков мы уже сказали» (Oros. Hist. V, 3, 2–4).

Несмотря на то, что Орозий уверенно ссылается на Полибия в данном пассаже, эта отсылка достаточно проблематична. Сведения Полибия о Диэе фрагментарны, и о сражении ничего не сохранилось. Согласно Павсанию, столкновение Критолая и Метелла произошло при Скарфее в Локриде, а Диэй был побежден не Метеллом, который предлагал Диэю мир, а Муммием. Вероятно, приходится признать ошибку Орозия, если предположить, что Павсаний передает слова Полибия.

В заключение отметим, что Диэю историки уделяли гораздо меньше внимания, чем Критолаю; римские источники ограничиваются упоминанием поражения. Полибий особенно критично относился к тем мерам, которые Диэй вынужден был принять, а именно взносы и стягивание войск к Коринфу, однако они соответствовали мерам военного времени и были одобрены советом (ср. Трезенская надпись). Павсаний со своей стороны порицает упорное нежелание Диэя заключить мир с римлянами, его бегство в Мегалополь и оставление Коринфа, но меру ответственности за падение Коринфа в его повествовании делят несколько исторических фигур: в ухудшении греко-римских отношений виновен Персей, Критолай усугубил положение, а ответственность за разрушение Коринфа, которого, как полагает Павсаний, можно было бы избежать, возлагается на Диэя. Особое внимание Павсаний уделяет противнику Персея Калликрату, которого называет ἀρχὴ κακῶν.

I.1.3. Калликрат

Калликрат занимал должность стратега задолго до взятия Коринфа, в 178–177 гг. до н.э., однако Полибий и Павсаний отводят ему важную роль в развитии греко-римских отношений, поэтому в данном разделе будет рассмотрено несколько пассажей, содержащих оценку деятельности Калликрата. Из римских историков о Калликрате упоминает только Ливий. Калликрат заслуживает отдельного рассмотрения, т.к. именно его греческие авторы называют первоначальным источником зол (ἀρχὴ κακῶν).

Выражение ἀρχὴ κακῶν восходит к Гомеру, который корабли Париса называет ἀρχεκάκους:

...ὃς καὶ Ἀλεξάνδρῳ τεκτῆνατο νῆας εἵσας
ἀρχεκάκους, αἱ πᾶσι κακὸν Τρώεσσι γένοντο
οἷ τ' αὐτῷ, ἐπεὶ οὐ τι θεῶν ἐκ θέσφατα ἦδη.

«...который построил для Александра ровные корабли, начинающие бедствия, которые для всех троянцев и для него самого (Ферекла) стали злом, так как он не понял никакого прорицания богов» (Hom. II. V, 62–64).

Встречается у Гомера и словосочетание какоῦ ἀρχή⁷⁹. Поиск первоисточника зол является частым мотивом в историографии. Так, у Геродота корабли, отправленные в Милет, названы началом бедствий для эллинов и варваров⁸⁰. У Фукидида это выражение использует Мелесипп, спартанский посол⁸¹. Выражение ἀρχὴ κακῶν используется в трагедиях и декламациях по отношению к разным людям, участвовавшим в троянской

⁷⁹ ...αἶψα δ' ἐταῖρον ἐὼν Πατρόκλῃ προσέειπε / φθεγξάμενος παρὰ νηός· ὃ δὲ κλισίηθεν ἀκούσας / ἔκμολεν ἴσος Ἄρηι, какоῦ δ' ἄρα οἱ πέλεν ἀρχή: «Тотчас обратился к своему другу Патроклу, говоря с кораблей; а он, услышав, вышел из шатра, подобный Аресу, от которого происходит начало зла» (Hom. II. XI, 602–604).

⁸⁰ Ἀθηναῖοι μὲν δὴ ἀναλυσθέντες ἐψηφίσαντο εἴκοσι νέας ἀποστεῖλαι βοηθοὺς Ἴωσι, στρατηγὸν ἀποδέξαντες αὐτῶν εἶναι Μελάνθιον ἄνδρα τῶν ἀστῶν ἔοντα τὰ πάντα δόκιμον· αὐταὶ δὲ αἱ νέες ἀρχὴ κακῶν ἐγένοντο Ἑλλήσι τε καὶ βαρβάροισι: «Афиняне, доверившись, решили отправить двадцать кораблей на помощь ионянам, назначив их стратегом Меланфия, мужа, во всем безукоризненного из граждан. Эти самые корабли стали началом бедствий и для эллинов, и для варваров» (Hdt. V, 97, 3). Д. Бёдекер считает, что данным пассажем Геродот напрямую отсылает к Гомеру (D. Boedeker. Early Greek Poetry as / and History // The Oxford History of Historical Writing / Ed. A. Feldherr, G. Hardy. 2011. Vol. 1. P. 139).

⁸¹ ὁ δ' ἐπειδὴ ἐπὶ τοῖς ὁρίοις ἐγένετο καὶ ἐμελλε διαλύσεσθαι, τοσόνδε εἰπὼν ἐπορεύετο ὅτι ἦδε ἡ ἡμέρα τοῖς Ἑλλήσι μεγάλων κακῶν ἄρξει: «А он, после того как оказался у границ и собрался пересечь их, отправился, сказав следующее: “Этот день будет началом великих бедствий для эллинов”» (Thuc. II, 12, 3).

войне, подхватывая гомеровское ἀρχεκάκους⁸². Но данное выражение может относиться не только к человеку; так, Демосфен называет началом бедствий несправедливость⁸³. У Полибия и Павсания это поэтическое выражение служит для градации ответственности и отражает попытку найти отправной пункт разворачивающихся событий (так, к Критолаю и Диэю ἀρχὴ κακῶν не употребляется)⁸⁴.

Павсаний, пытаясь найти пусть не непосредственного, но первоначального виновника того, что Ахейский союз вступил в войну с римлянами и потерял независимость, указывает из греческих политических фигур на Калликрата⁸⁵, характеризуя его самого и его поведение как ἀρχὴ κακῶν, «начало бедствий»:

τότε μὲν δὴ ἐς τοσοῦτο ἐπράχθη· τολμημάτων δὲ τὸ ἀνοσιώτατον, τὴν πατρίδα καὶ ἄνδρας προδιδόναι πολίτας ἐπὶ οἰκείοις κέρδεσιν, ἔμελλε καὶ Ἀχαιοῖς κακῶν ἄρξειν, οὔποτε ἐκ τοῦ χρόνου παντὸς τὴν Ἑλλάδα ἐκλινόν.

«Тогда дело дошло до такого: самое безбожное из дерзких поступков, предательство родины и граждан ради собственной выгоды, должно было стать и для ахейцев началом зол и никогда не оставляло Элладу» (Paus. VII, 10, 1).

В данном случае вместо ἀρχή используется глагол ἄρχειν, на выражение отсылает к ἀρχὴ κακῶν; предательством Калликрата Павсаний называет его попытки подчинить ахейцев Риму (Paus. VII, 10, 5). В отличие от Критолая, который, согласно Полибию, резко выступал против римлян, Калликрат наоборот был их сторонником во время третьей Македонской войны (171–168 гг. до н.э.), тогда как оппозиционная ему партия во главе с Архоном и Ксенархом придерживалась нейтралитета по отношению как к Персею, так и

⁸² Елена называет началом бедствий Гекубу, поскольку та родила Париса:...πρῶτον μὲν ἀρχὰς ἔτεκεν ἥδε τῶν κακῶν, / Πάριν τεκοῦσα...: «Сначала она породила начало зол, родив Париса...» (Eur. Tr. 919–920). Сама Елена также характеризуется как κακῶν...αἰτία: πολλῶν κακῶν Ἑλλήσιν αἰτίαν ἔχει / σῆς μητρὸς Ἑλένης σύγγονος δόμοις τε σοῖς: «В Елене, родственнице твоей матери, причина многих зол для эллинов и твоего дома» (Eur. Elect. 213–214). Либаний в декламации дает целый список виновных: πόθεν οὖν ἐδυστυχοῦμεν καὶ τίς ἡμῖν ἢ τῶν κακῶν πάντων ἀρχή; Τροία καὶ Πάρις καὶ γάμος Ἑλένης καὶ Μενελάου φιλοξενία: «С какого же момента мы стали претерпевать несчастья, и кто является причиной всех наших бед? Троя, Парис, брак Елены и гостеприимство Менелая» (Liban. Declamat. VI, 2, 6).

⁸³ ...καὶ ταύτην ἀρχὴν οὖσαν πάντων τῶν κακῶν, τὸ μὴ θέλειν τὰ δίκαια πράττειν ἀπλῶς (Demosth. XVI, 24): «...и является началом всех зол просто нежелание поступать справедливо».

⁸⁴ «“Beginning of evils” is not just a poetic turn of phrase, but a point of contact between historical poetry and prose history». D. Boedeker. Early Greek Poetry as / and History. P. 139.

⁸⁵ Ответственность Персея, которую на него возлагает Павсаний, будет рассмотрена отдельно.

к Риму (Liv. XLI, 24). Калликрат способствовал отправке в Рим для судебного разбирательства около тысячи ахейцев, среди которых был и Полибий. Говоря об этих событиях, Павсаний характеризует высылку ахейцев и попытку Калликрата согласовывать с Римом внутреннюю политику союза как ἀρχὴ κακῶν для Греции.

Павсаний называет Калликрата и другим, выражающим резко негативную оценку, выражением - ἀνὴρ ἀλάστωρ, «злой дух, злодей»⁸⁶. Галл, отправленный сенатом для решения территориального спора между спартамцами и ахейцами, передал дело на рассмотрение Калликрата:

...αὐτὸς μὲν σφισιν ὁ Γάλλος ἀπηξίωσε δικαστῆς καταστῆναι, Καλλικράτει δὲ ἀπάσης τῆς Ἑλλάδος ἀνδρὶ ἀλάστορι ἐπιτρέπει τὴν κρίσιν.

«...сам Галл счел недостойным быть судьей у них и предоставил решение Калликрату, злому духу всей Эллады» (Paus. VII, 11, 2).

Э. Груэн считает, что на отрицательном отношении Павсания к Калликрату могло сказаться влияние Полибия; критика Галла вовсе, по его словам, необоснованна, так как передача рассмотрения дела местному совету была нормальной практикой⁸⁷.

Выражением κακῶν...μειζόνων ἀρχὴ завершается рассказ Павсания о Калликрате:

καὶ αὐτῶν ὁ μὲν κατὰ τὴν ὁδὸν Καλλικράτης τελευτᾷ νόσῳ, οὐδὲ οἶδα εἰ ἀφικόμενος ἐς Ῥώμην ὠφέλησεν ἄν τι Ἀχαιοὺς ἢ κακῶν σφισιν ἐγένετο μειζόνων ἀρχή.

«И из них Калликрат в дороге умирает от болезни. Не знаю, помог бы он ахейцам, если бы пришел в Рим, или стал бы для них началом больших бедствий» (Paus. VII, 12, 8).

Согласно Павсанию, Калликрат собирался принять участие в посольстве в Рим, чтобы решить вопрос, где выносятся вердикты по внутренним делам союза: в римском сенате или на собрании Ахейского союза. Павсаний вновь

⁸⁶ Выражение ἀνὴρ ἀλάστωρ является поэтизмом, также встречается у Еврипида: ἤλθ' οὐχὶ μικρὰν θεὸν ἔχων αὐτοῦ μετὰ / ὃ τῆσδ' ἀλάστωρ, εἴτ' Ἀλέξανδρον θέλεις / ὀνόματι προσφωνεῖν νῖν εἴτε καὶ Πάριν (Eur. Tr. 940–942): «Не со слабой богиней пришел злодей, называй его по имени как хочешь, Александром или Парисом». Многочисленное использование слова ἀλάστωρ у Гомера и трагиков рассматривает Ф. Мюллер (F. Muller. Ἀλάστωρ // Mnemosyne. Vol. 57 (1929). P. 118–122).

⁸⁷ “Callicrates is described in the blackest terms by Pausanias, doubtless derived from Polybius” (E. S. Gruen. Op. cit. P. 50).

строит предположения относительно возможного развития событий, как в случае с предположением о возможности спасения Коринфа. Фигура Калликрата неоднозначна, что подчеркнуто выражением ὠφέλησεν ἄν... ἢ κακῶν ἐγένετο μειζόνων ἀρχή, однако скорее отношение Павсания к Калликрату негативное, что подтверждает выражение ἀνὴρ ἀλάστωρ.

К характеристике ἀρχὴ κακῶν отсылает при общей оценке деятельности Калликрата и Полибий:

ὁ δὲ προειρημένος ἔχων τὰς ἀποκρίσεις ταύτας παρῆν εἰς τὴν Ἑλλάδα περιχαρής, οὐκ εἰδὼς ὅτι μεγάλων κακῶν ἀρχηγὸς γέγονε πᾶσι μὲν τοῖς Ἕλλησι, μάλιστα δὲ τοῖς Ἀχαιοῖς. ἔτι γὰρ τούτοις ἐξῆν καὶ κατ' ἐκείνους τοὺς χρόνους κατὰ ποσὸν ἰσολογίαν ἔχειν πρὸς Ῥωμαίους διὰ τὸ τετηρηκέναι τὴν πίστιν ἐν τοῖς ἐπιφανεστάτοις καιροῖς, ἐξ οὗ τὰ Ῥωμαίων εἴλοντο, λέγω δὲ τοῖς κατὰ Φίλιππον καὶ Ἀντίοχον, οὕτω δὲ τοῦ τῶν Ἀχαιῶν ἔθνους ηὔξημένου καὶ προκοπὴν εἰληφότος κατὰ τὸ βέλτιστον ἀφ' ὧν ἡμεῖς ἱστοροῦμεν χρόνων, αὕτη πάλιν ἀρχὴ τῆς ἐπὶ τὸ χεῖρον ἐγένετο μεταβολῆς, τὸ Καλλικράτους θράσος.

«А этот вышеназванный (т.е. Калликрат), получив такой ответ, прибыл в Элладу в чрезвычайной радости, не понимая, что стал зачинщиком великих бедствий для всех эллинов, в особенности для ахейцев. Ведь им еще можно было до того времени иметь некоторое равноправие в отношениях с римлянами из-за сохранения доверия в известнейших случаях, с тех пор как они приняли сторону римлян, - я говорю о делах при Филиппе и Антиохе, - так, когда ахейский народ возвысился и добился успеха с того времени, историю которого мы пишем, самым началом изменения к худшему стала дерзость Калликрата» (Polyb. XXIV, 10, 8–10).

Если, как показывает Ф. Уолбэнк, описываемый эпизод относится к 181–180 гг. до н.э.⁸⁸, то под выражением τὸ Καλλικράτους θράσος подразумевается речь Калликрата в римском сенате: вместо того, чтобы выполнить возложенную на него, как на представителя Ахейского союза, задачу, Калликрат в своем выступлении перед сенатом преследовал собственные политические интересы. Полибий подчеркивает, что, начиная с того выступления Калликрата, изменились отношения Ахейского союза с

⁸⁸ F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Oxford. 1979. P. 260.

сенатом, который отныне старается возвысить льстецов и унижить остальных (Polyb. XXIV, 10, 3–4). Сам Калликрат называется μεγάλων какῶν ἀρχηγός, а в конце пассажа его качество (дерзость) - ἀρχὴ τῆς ἐπὶ τὸ χεῖρον...μεταβολῆς. Последнее объясняет оценку Калликрата как какῶν ἀρχηγός.

Заметно стремление Полибия и Павсания определить степень виновности в описываемых событиях разных лиц, как непосредственно участвовавших в войне с римлянами (Критолай, Диэй), так и косвенно повлиявших на ухудшение обстановки (Калликрат, Персей). Так, сторонник римлян Полибий порицает Калликрата за его попытки ограничить независимость Ахейского союза и подчинить сенату (Polyb. XXIV, 8, 6–7). Э. Груэн объясняет неприязнь Полибия к Калликрату личными мотивами, поскольку Калликрат способствовал высылке в Рим ахейцев, в т.ч. самого Полибия⁸⁹.

О желании Калликрата блюсти договор с римлянами даже в ущерб интересам Ахейского союза перед третьей Македонской войной, и не быть лояльными к Персею сообщает Тит Ливий в речи самого Калликрата перед собранием ахейцев:

quis enim non videt viam regiae societatis quaeri, qua Romanum foedus, quo nostra omnia continentur, violetur? nisi hoc dubium alicui est bellandum Romanis cum Perseo esse et, quod vivo Philippo expectatum, morte eius interpellatum est, id post mortem Philippi futurum.

«Ведь кому не очевидно, что изыскивается путь к содружеству с царем, которым договор с римлянами, на котором держится наше все (благополучие), будет нарушен? Только лишь в том сомнение у кого-то, что римлянам нужно будет воевать с Персеем, и то, что ожидалось при жизни Филиппа и было прервано его смертью, случится после его смерти» (Liv. XLI, 23, 9).

Можно предположить, что при составлении речи Калликрата Ливий опирался на Полибия (хотя в передаче Полибия эта речь Калликрата не сохранилась). Также стоит вопрос о подлинности речи: риторический вопрос

---

⁸⁹ E. S. Gruen. Op. cit. P. 48.

мог действительно произноситься Калликратом, а мог появиться в речи после литературной обработки Ливия (или Полибия, его вероятного источника⁹⁰).

В заключение отметим, что Калликрат превратился в своего рода эталон вероломного и недобросовестного политика. Так, когда Меналкид, предшественник Диэя на должности стратега Ахейского союза (151–150 гг.)⁹¹, обещал оказать военную помощь Оропу и не сдержал обещание, но взыскал с города десять талантов и не поделил их с Калликратом, Павсаний характеризует двуличность Меналкида именно в сопоставлении с Калликратом:

βεβαίῳ δὲ τὸ λεγόμενον ὡς ἄρ' ἦν καὶ πῦρ ἐς πλεόν ἄλλου πυρὸς καῖον⁹² καὶ λύκος ἀγριώτερος λύκων ἄλλων καὶ ὠκύτερος ἰέραξ ἰέρακος πέτεσθαι, εἵγε καὶ Καλλικράτην ἀνοσιώτατον τῶν τότε Μεναλκίδας μὲν ὑπερῆρεν ἀπιστία...

«Подтвердились бы слова, что есть огонь, который жжет больше другого огня, и волк, свирепее других волков, и ястреб, который летит быстрее (другого) ястреба, если даже нечестивейшего Калликрата Меналкид тогда превзошел в вероломстве» (Paus. VII, 12, 2).

Несмотря на некоторые исторические неточности, которые отметил Э. Груэн⁹³, пассаж важен потому, что в полной мере позволяет ощутить негативное отношение со стороны Павсания как к Меналкиду, так и к Калликрату⁹⁴. Впрочем, прямого отношения к войне с римлянами и к

⁹⁰ Сам Ливий ссылается на Полибия несколько раз (Liv. XXX, 45, 5; XXXIV, 50, 6; XXXVI, 19, 11; XXXIX, 52, 1; XLV, 44, 19) и указывает на его важность как источника о событиях в Греции: Polybium secuti sumus, non incertum auctorem cum omnium Romanarum rerum tum praecipue in Graecia gestarum (Liv. XXXIII, 10, 10): «Мы следуем Полибию, автору вовсе не недостоверному, как в римских делах, так и, главным образом, в греческих». В рассматриваемой 41 книге нет отсылки к Полибию, однако Л. Тилльманс в качестве источника для книг Liv. XXXI–XLV приводит Polyb. XVI–XXX (L. Tillmans. Disputationis qua ratione Livius Polybi Historiis usus sit. Bonn. 1860. Part. I. P. 3).

⁹¹ Сведения о нем сохранились у Павсания в рассказе об оропском деле (Paus. VII, 11, 4–12, 1).

⁹² Выражение πῦρ ἐς πλεόν ἄλλου πυρὸς καῖον напоминает поговорку πῦρ ἐπὶ πῦρ (Zenob. V, 69; Diog. VI, 71). Также во фрагменте Еврипида встречается похожее выражение, где под большим огнем подразумеваются женщины, которые были созданы в наказание мужчинам за похищение огня: ἀντὶ πυρὸς γὰρ ἄλλο πῦρ / μεῖζον ἐβλάστομεν γυναῖκες / πολὺ δυσμαχώτερον: «Ведь вместо огня мы произвели другой огонь, больший – женщин, который еще труднее побороть» (Eur. Fr. 429, 1–3). Это сравнение отсылает к «Трудам и дням» Гесиода: τοῖς δ' ἐγὼ ἀντὶ πυρὸς δώσω κακόν, ᾧ κεν ἅπαντες / τέρπονται κατὰ θυμὸν ἐὼν κακὸν ἀμφαγῶντες: «Я вместо огня дам им зло, которым все будут наслаждаться добровольно, окружая любовью» (Hes. Op. 57–58). Тот же мотив прослеживается и в эпиграмме Паллады: Ὁ Ζεὺς ἀντὶ πυρὸς πῦρ ὤπλασεν ἄλλο, γυναῖκας: «Зевс вместо огня дал другой огонь, женщин» (Anth. Gr. IX, 167, 1).

⁹³ E. S. Gruen. Op. cit. P. 52.

⁹⁴ Кроме ἀπιστία, Меналкид обвиняется в несправедливости – ἀνθρώπων ὁ ἀδικώτατος – и неумелом исполнении обязанностей – ὁ ἀμαθέστατος στρατηγός (Paus. VII, 13, 8).

разрушению Коринфа он не имеет, и поэтому неудивительно, что в римских источниках не упоминается.

I.1.4. Персей

Павсаний – единственный автор, который пытается объяснить столкновение греков и римлян, приведшее к разрушению Коринфа, переложив ответственность на третью сторону – на македонского царя Персея, потерпевшего поражение в третьей Македонской войне. Как и в случае Калликрата, он использует выражение ἀρχὴ κακῶν. Павсаний обыгрывает два значения слова ἀρχή, «начало» и «власть»:

ἀρχὴ δὲ σφίσιν ἐγίνετο κακῶν Перσεὺς καὶ ἡ Μακεδόνων ἀρχὴ καταλυθεῖσα ὑπὸ Ῥωμαίων.

«Началом же бедствий для них стал Персей и то, что власть македонян была уничтожена римлянами» (Paus. VII, 10, 5).

Акуйерви считает выражение ἀρχὴ κακῶν в данном пассаже эхо с отсылкой к геродотовскому пассажи V, 97, 3⁹⁵, где началом бедствий названы корабли; с нашей точки зрения, нельзя исключать, что Павсаний опирался на Полибия. В эксцерпте Константина Багрянородного сохранилась схожая характеристика Персея:

ὅτι φησὶν ὁ Πόλυβιος ἐν τῷ εἰκοστῷ δευτέρῳ περὶ δὲ τὴν τῶν ἐν Μακεδονίᾳ βασιλέων οἰκίαν ἤδη τις ἀπὸ τούτων τῶν καιρῶν ἐφύετο κακῶν ἀνηκέστων ἀρχή.

«Вот что говорил Полибий в двадцать второй книге: у дома македонских царей уже зарождалось с того времени в некотором роде начало неодолимых зол» (Polyb. XXII, 18, 1=Const. Porphyg. De sent. 103).

Сложность состоит в том, что выражение ἀρχὴ κακῶν по всей видимости относится к тем бедствиям, которые Персей принес Македонии; однако достаточно велика вероятность, что Константин Багрянородный сохраняет выражение и мысль Полибия, и вполне вероятно, что уже у Полибия

---

⁹⁵ J. Akujärvi. Researcher, Traveller, Narrator : Studies in Pausanias' Periegesis. Lund. 2005. P. 272.

присутствовала идея о том, что беды Македонии связаны с бедствиями Греции (Polyb. XXVII, 9, 2–3).

Согласно Павсанию (Paus. VII, 10, 6–7), Персей нарушил мирный договор с Римом, напав на сапейского царя Абрупола, союзника римлян. После победы над Персеем в Македонию были отправлены десять римлян, которым была поручена реорганизация Македонии (ἄνδρες τῆς Ῥωμαίων βουλῆς δέκα ἐπέμφθησαν καταστησόμενοι πρὸς τὸ ἐπιτηδεύεσθαι Ῥωμαίοις τὰ ἐν Μακεδονίᾳ - Paus. VII, 10, 7), и в этом усилении римского присутствия в Македонии Павсаний видит предвестие будущего распространения римской власти и на территории Греции.

Со своей стороны римские источники не склонны связывать войну с Персеем с последующим столкновением с Ахейским союзом: очевидно, что с их перспективы это два отдельных конфликта. О противостоянии Персея и Калликрата сообщает Тит Ливий (Liv. XLI, 23).

Т.о., рассмотрев свидетельства историков, можно отметить неоднозначность в определении виновных и попытку определить степень ответственности каждого стратега. В греческой традиции Полибий подробно излагает действия Критолая, однако критике подвергается не столько его поражение в битве с Метеллом, сколько его демагогическое поведение и подстрекание ахейцев к войне с римлянами. Осуждал Полибий также экономические меры Диея, однако они были одобрены народным собранием. Начало изменений к худшему Полибий видит в деятельности Калликрата, стремящегося все внутренние дела союза решать согласно постановлению римского сената. Всякий раз подчеркивая превосходство Рима, здесь Полибий неожиданно выступает против сторонника римлян, объясняя это потерей равноправия ахейцев и римлян. Полибий рассматривает в качестве ответственного за ухудшение греко-римских отношений также Персея, который вовлек ахейцев в столкновение Македонии и Рима. В этой оценке ему вторит Павсаний, для которого Персей также становится некой

отправной точкой в повествовании об Ахейской войне: с опорой на Полибия Павсаний отмечает и неудержимое желание Критолая воевать с римлянами, и повторяет выражение ἀρχὴ κακῶν о Калликрате, вменяя ему в вину излишнее подчинение сенату. Восполняя пробел в сведениях Полибия, Павсаний с другой точки зрения подходит к Диэю, порицая его ἀγνώμοσύνη.

Римские источники, в силу жанровых особенностей, равно как и удаленности по времени, не описывают ахейские события столь подробно. Это сказывается как в неточностях при повествовании (путаница при описании смерти Критолая и Диэя в периихе Ливия), так и в упрощении хода событий. Римские источники склонны возлагать ответственность за падение Коринфа на одного греческого стратега (в эпитоме Флора главным виновником предстает Критолай, а в периихе Ливия – Диэй). Впрочем, очевидно, что имя Критолая римской традиции известно лучше и именно он выступает виновником падения Коринфа: ср. пассаж из *De natura deorum* Цицерона, в котором Котта отказывается винить богов за разрушение Коринфа: *Critolaus inquam evertit Corinthum...non iratus aliqui, quem omnino irasci posse negatis, deus* (Cic. *De nat. deor.* III, 91).

I.2. Роль народа

Античные авторы, описывая действия отдельных стратегов, регулярно подчеркивают, что они находили поддержку в народе. Согласие народа выражалось, с одной стороны, в избрании таких людей, как Критолай или Диэй на должность стратега, а с другой стороны, в одобрении их решений на народном собрании, без которого руководители не смогли бы реализовывать свои планы, и в этом смысле народ Коринфа также нес часть ответственности за гибель города. В данном разделе будут рассмотрены пассажи, в которых особо подчеркивается участие народа в принятии решений.

В большей части источников о падении Коринфа народ предстает единой толпой или массой: как правило, нет попыток различить группы

влияния, однако в одном случае, при описании неудачного тегейского посольства (Polyb. XXXVIII, 11, 6–9), Полибий останавливается на роли близкого окружения и сторонников:

οἱ δὲ περὶ τὸν Δίαιον καὶ Κριτόλαον καὶ πάντες οἱ μετέχοντες αὐτοῖς τῆς αὐτῆς γνώμης· οὗτοι δ' ἦσαν ὥσπερ ἐπίτηδες ἐξ ἐκάστης πόλεως κατ' ἐκλογὴν οἱ χεῖριστοι καὶ τοῖς θεοῖς ἐχθροὶ καὶ λυμαινόμενοι τὸ ἔθνος· καθάπερ ἡ παροιμία φησὶν, οὐ μόνον τὰ διδόμενα τῇ δεξιᾷ παρὰ Ῥωμαίων ἐδέχοντο τῇ λαῖᾳ χειρὶ, καθόλου δὲ καὶ συλλήβδην παρέπαιον τοῖς λογισμοῖς.

«А окружение Диея и Критолая и все, разделявшие с ними одно мнение (а это были как нарочно из каждого города выбранные худшие люди, противные богам и позорящие свой народ) не только, как гласит поговорка, принимали левой рукой то, что римляне давали правой, но целиком и полностью сбились в рассуждениях» (Polyb. XXXVIII, 10, 8–9).

Резкую характеристику οἱ χεῖριστοι καὶ τοῖς θεοῖς ἐχθροὶ καὶ λυμαινόμενοι τὸ ἔθνος Полибий дополняет пословицей τὰ διδόμενα τῇ δεξιᾷ... ἐδέχοντο τῇ λαῖᾳ χειρὶ. Р. Штрёмберг видит в этом выражении вариант поговорки δέχεσθαι τὸ διδόμενον⁹⁶, противопоставление левой и правой руки явно привносит важный нюанс: Мелетий указывает, что правая рука считалась лучше левой⁹⁷, т.е. ἐδέχοντο τῇ λαῖᾳ χειρὶ подчеркивает намеренную грубость сторонников Диея и Критолая.

Говоря о народе в целом, источники регулярно оговаривают, что Критолай и Дией были избраны народом. Формулировка может быть достаточно нейтральной, но благодаря соседству с губительными решениями стратега подчеркивает, что произошедшее стало результатом народного решения: как, например, у Павсания, который уточняет о Критолае στρατηγεῖν Ἀχαιῶν ἀποδειχθεῖς (Paus. II, 1, 2)⁹⁸, или в перифразе Ливия: in cuius

⁹⁶ Δέχεσθαι τὸ διδόμενον: Plat. Gorg. 499 c, Alcib. II 141 c, Phileb. 11 c (R. Strömberg. Greek Proverbs. Göteborg. 1954. P. 73).

⁹⁷ Мелетий перечисляет названия левой руки, представляющие собой эвфемизмы: λέγεται δὲ ἡμῖν δεξιὰ χεῖρ, ἡ δὲ ἀριστερά, ἢ εὐώνυμος, ἢ λαία. Левая рука как более слабая у правшей названа необучаемой: ὃ ἐστι κεχωρισθαι τῶν πράξεων, διὰ τὸ ἀδίδακτον. Мелетий производит слово δεξιὰ от δέχεσθαι, потому что даваемое обычно берут правой рукой: δεξιὰ δὲ λέγεται ἡ ἑτέρα, ἀπὸ τοῦ δέχεσθαι δι' αὐτῆς τὰ διδόμενα ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον (Melet. De nat. hom. 123–124).

⁹⁸ ...οἱ Κορίνθιοι μετέσχον τοῦ πολέμου τοῦ πρὸς Ῥωμαίους, ὃν Κριτόλαος στρατηγεῖν Ἀχαιῶν ἀποδειχθεῖς παρεσκεύασε γενέσθαι τοὺς τε Ἀχαιοὺς ἀναπείσας ἀποσιτῆναι καὶ τῶν ἔξω Πελοποννήσου τοὺς πολλοὺς

locum Diaeus, Achaici motus primus auctor, ab Achaeis dux creatus, ad Isthmon a L. Mummio consule victus est, «избранный ахейцами на его место в качестве полководца Дией, первый зачинщик ахейского мятежа, был побежден при Истме консулом Луцием Муммием» (Liv. Perioch. 52)⁹⁹. В некоторых случаях, впрочем, автор подчеркивает активную волю народа, осознанно избравшего себе именно таких руководителей:

Зонара	Дион Кассий
<p>ἤρξαντο δὲ τῆς διαφορᾶς οἱ Ἀχαιοί, τοῖς Λακεδαιμονίοις ἐγκαλοῦντες ὡς αἰτίοις τῶν συμβεβηκότων αὐτοῖς· καὶ τῶν Ῥωμαίων διαλλακτὰς αὐτοῖς στείλαντων οὐκ ἐπέισθησαν, ἀλλὰ πρὸς πόλεμον ὥρμησαν, <u>Κριτόλαον</u> προστησάμενοι (Zonar. Epit. IX, 31):</p> <p>«Начали раздор ахейцы, обвинявшие лаконян как ответственных в случившемся с ними. Они не повиновались посредникам, которых римляне к ним отправили, но устремились к войне, поставив во главе Критолая».</p>	<p>ὅτι ἤρξαν τῆς διαφορᾶς οἱ Ἀχαιοί, τοῖς Λακεδαιμονίοις ἐγκαλοῦντες (διηνέχθησαν γὰρ ἀλλήλοις) ὡς τῶν συμβεβηκότων σφίσιιν αἰτίοις γεγονόσι, <u>Διαίου</u> ὅτι μάλιστα τοῦ στρατηγοῦ αὐτοῦ ἐνάγοντος. καὶ τῶν γε Ῥωμαίων καταλλακτὰς αὐτοῖς πολλάκις πεμψάντων οὐκ ἐπέισθησαν... (Dio Cass. XXI, fr. 72).</p> <p>«Что начали раздор ахейцы, обвинявшие лаконян (ведь они враждовали друг с другом) в том, что они стали ответственными в случившемся с ними; что их побуждал стратег Дией. И посредникам, которых часто к ним отправляли римляне, не повиновались...».</p>

В обоих пассажах прямая ответственность за конфликт возлагается на ахейцев (ἤρξαν / ἤρξαντο δὲ τῆς διαφορᾶς), а также подчеркивается, что, помимо недоброй роли стратегов, народ сам стремился к войне. Приведенные пассажи замечательны кроме того и тем, что несмотря на близость формулировок и общей основы рассказа, речь идет о двух разных стратегах: если Дион Кассий говорит о Диее, то Зонара, приводя рассказ в чуть более сжатой форме, говорит о Критолае. Как известно из Полибия и Павсания, именно Критолай принимал посольства из Рима. Вслед за тем Зонара сообщает о передаче дел Диею и его сражении с Муммием. Дион может подразумевать в данном фрагменте первый срок руководства Диея, когда случилось столкновение ахейцев и спартанцев, о котором сообщает

«...коринфяне приняли участие в войне против римлян, которую подготовил Критолай, назначенный ахейцами на должность стратега, убедивший ахейцев и многих вне Пелопоннеса отложиться» (Paus. II, 1, 2).

⁹⁹Составитель перииохи допускает неточность: после гибели стратега не выбирался новый стратег, а временно назначался на его место предыдущий, как сообщает Полибий (Polyb. XXXVIII, 15, 1–2).

Полибий (θεωρῶν δὲ τὴν ἀπορίαν τὴν ἐν τοῖς κοινοῖς ἰσχυρὰν οὖσαν διὰ τὸν πρὸς Λακεδαιμονίους γεγονότα πόλεμον, Polyb. XXXVIII, 15, 6). Критолай же во фрагменте 72 Диона не упоминается, однако можно предположить, что о нем речь шла после упоминания Дизя, если допустить, что это его первый, а не второй, срок. Таким образом, Зонара упоминает о поддержке Критолая народным собранием, опираясь на повествование Диона Кассия, относившееся, вероятно, к более ранним событиям.

Описание народа в Ахейском союзе у Полибия. Отдельным мотивом при описании гибели Коринфа является поведение народа; наиболее подробно о нем говорит Полибий. Народные волнения в Коринфе он характеризует как умопомрачение и неразумие массы людей:

ὧν οἱ μὲν πολλοὶ διακούοντες οὐδαμῶς ἀνείχοντο, χλευάζοντες δὲ τοὺς πρέσβεις μετὰ θορύβου καὶ κραυγῆς ἐξέβαλον. καὶ γὰρ συνηθοῖσθαι πλῆθος ἐργαστηριακῶν καὶ βαναύσων ἀνθρώπων ὅσον οὐδέποτε· πᾶσαι μὲν γὰρ ἐκορύζων αἱ πόλεις, πανδημεὶ δὲ καὶ μάλιστα πῶς ἢ τῶν Κορινθίων. ὀλίγοις δὲ τισι καὶ λίαν ἥρεσκε τὰ λεγόμενα διὰ τῶν πρεσβευτῶν, «Многие из них совсем не могли слушать, и, насмехаясь над послами, выгнали их с шумом и криком. Ведь собралось как никогда много рабочего и ремесленного люда: в то время все города были глубоко больны, а город коринфян – поголовно и как-то особенно. Весьма немногим понравилось сказанное послами» (Polyb. XXXVIII, 12, 4–6).

На стилистическом уровне несколько выражений подчеркивают его резко негативное видение роли народа в произошедшем¹⁰⁰: происходящее характеризуется глаголами с пейоративным оттенком, такими как χλευάζειν и κορυζᾶν (последний глагол имеет прямое значение «страдать от насморка» и переносное «говорить глупости», «быть глупым»¹⁰¹). Оскорбительное

¹⁰⁰ Примечательно использование слова ἄνθρωπος, а не ἀνὴρ: слова соотносятся как homo и vir, т.е. ἄνθρωπος может подчеркивать незнатность рода. P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968. P. 88 s.v. ἀνὴρ et p. 90 s.v. ἄνθρωπος.

¹⁰¹ В переносном значении κορυζᾶν используется редко, v. Plat. Rep. I. 343a (τίτθῃ σοι ἔστιν; <...> ὅτι τοί σε, ἔφη, κορυζῶντα περιούρῃ καὶ οὐκ ἀπομύττει δέομενον, ὅς γε αὐτῇ οὐδὲ πρόβατα οὐδὲ ποιμένα γινώσκεις: «У тебя есть кормилица? <...> Что она не смотрит за тобой, болеющим насморком, и не утирает нос тому, кто не знает ни скот, ни пастуха» - Фрасимах о Сократе. Κορυζῶντα используются здесь в прямом значении, но косвенно указывает и на глупость (на переносное значение); ср. также Philodem. De dis. I, 11, 32–38. Метафора больного города встречается также у Демосфена, описывающего греческие города перед

поведение греков Полибий объясняет присутствием на собрании множества простолюдинов, особенно представителей рабочих профессий (ἐργαστηριακῶν καὶ βαναύσων ἀνθρώπων). Заметим, что за выражением πλήθος ἐργαστηριακῶν καὶ βαναύσων ἀνθρώπων может скрываться вполне конкретная историческая реальность: по словам Ф. Уолбэнка, активное участие ремесленников в собрании объясняется тем, что Коринф играл важную роль в торговле; также исследователь отмечает, что сопротивление римлянам в городе было сильнее, чем в сельской местности¹⁰². Иного мнения придерживается Э. Груэн, который видит в характеристике народного собрания как сборища (πλήθος) указание не на действительное социальное положение участников собрания, а на негативное отношение Полибия к популистам и народу, их слепо поддерживающему¹⁰³. А. Фукс считает обозначение народного собрания толпой общим местом, что не исключает того, что в собрании действительно было большое количество рабочих, на что указывает и Полибий (Polyb. XXXVIII, 12, 4–6)¹⁰⁴. Мы склонны согласиться с Фуксом: на наш взгляд, глаголами χλευάζειν и κορυζᾶν, а πλήθος ἐργαστηριακῶν καὶ βαναύσων ἀνθρώπων кажется весьма конкретным указанием на участников собрания; заседание в народном собрании не оплачивалось, участие более бедных слоев было затруднено, однако в 146 г.

приходом Филиппа: αἱ δὲ πόλεις ἐνόσουν (Demosth. De cor. 45). Глагол νοσεῖν, как и κορυζᾶν, использованный в переносном значении, обозначает неблагоприятное положение целого города. Однако Демосфен под болезнью города понимает легкомыслие жителей, надеющихся на то, что опасность обойдет их стороной, и продажность вышестоящих; последнее особенно подчеркивает Г. Ванкель (см. H. Wankel. Demosthenes. Rede für Ktesiphon über den Kranz. Heidelberg. 1976. S. 318). У Полибия же метафора болезни обозначает смуту. В переносном смысле слово νόσος использует Аристофан, имея в виду судебные тяжбы: ἰάσασθαι νόσον ἀρχαίαν ἐν τῇ πόλει ἐντετοκυῖαν: «Вылечить древнюю болезнь, выношенную в городе» (Aristoph. Vespaе. 651).

¹⁰² F. W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. P. 706. Схожее упоминание неблагородной профессии находим у Феогнида, который освещает политическую ситуацию в Мегарах: φορτηγοὶ δ' ἄρχουσιν, κακοὶ δ' ἀγαθῶν καθύπερθε (с. 679). Б. А. ван Гронинген отмечает, что таким нелестным упоминанием рабочей профессии Феогнид указывает на вытеснение земельной аристократии купцами, которые пользуются услугами корабельных грузчиков (Theognis / Ed. B. A. van Groningen. Amsterdam. 1966. P. 266–267). Но оттенок презрения со стороны Феогнида не заметить невозможно.

¹⁰³ “Even in Polybius’ narrative of the Achaean war and its preliminaries, they [οἱ πολλοί, τὸ πλήθος, ὁ ὄχλος] generally signify a majority attitude at meetings of the League assembly or gatherings in individual cities. In so far as they carry a negative meaning, that is due to Polybius’ condemnation of the attitude itself, not to the social background of those embracing it” (E. S. Gruen. Op. cit. P. 67).

¹⁰⁴ A. Fuks. The *Bellum Achaicum* and Its Social Aspect // JHS. Vol. 90 (1970). P. 84.

многие из них воспользовались своим правом выступить (συνηθοίσθη πλῆθος ἐργαστηριακῶν καὶ βαναύσων ἀνθρώπων ὅσον οὐδέποτε)¹⁰⁵.

Полибий отмечает всеобщий страх (κατάπληξις), который лишал народ способности рассуждать здраво (ἀφηρεῖτο... ἐπίστασιν καὶ διάληψιν), вследствие чего население последовало за Дием, не заметив его безумия (ἄγνοια, παρακοπή). Такую реакцию вызвали распоряжения Диея отнять имущество и освободить рабов и, вооружив, отправить их к Коринфу:

ἀπάντων δὲ τούτων ἐν ἐνὶ καιρῷ συμβαινόντων, ἡ τῶν κατὰ μέρος αἰεὶ προσπιπτόντων κατάπληξις ἀφηρεῖτο τῶν ἀνθρώπων τὴν ὑπὲρ τῶν ὅλων ἐπίστασιν καὶ διάληψιν, δι' ἧς ἔμελλον προνοεῖσθαι διότι πάντες εἰς πρόδηλον ὄλεθρον ἄγονται μετὰ τέκνων καὶ γυναικῶν. λοιπόν, οἷον ὑπὸ χειμάρρου τινὸς λάβρου προωθούμενοι καὶ φερόμενοι μετὰ βίας, ἐπηκολούθουν τῇ τοῦ προεστῶτος ἀγνοίᾳ καὶ παρακοπῇ.

«Поскольку все это совпало по времени, ужас перед следовавшими одно за другим [событиями] лишал людей понимания и способности рассуждать, из-за чего они должны были предвидеть, что все очевидно устремляются к гибели с детьми и женами. Впрочем, словно увлекаемые и насильно несомые неким стремительным горным потоком, они следовали за незнанием и сумасшествием предводителя» (Polyb. XXXVIII, 16, 1–2=Const. Porphyr. De virtut. et vit. 118).

В данном пассаже обращает на себя внимание сравнение народа с горным потоком¹⁰⁶. Истоки данного сравнения восходят к Гомеру: чаще всего в «Илиаде» с бурным потоком сравниваются герои, способные в одиночку посеять ужас в рядах противника, например, Диомед (Π. V, 87–88) и Аякс (Π. XI, 492–496). Однако в одном пассаже сравнение используется при описании сражения целых войск:

ἔνθα δ' ἄμ' οἰμωγὴ τε καὶ εὐχολὴ πέλεν ἀνδρῶν
ὀλλύντων τε καὶ ὀλλυμένων, ῥέε δ' αἵματι γαῖα.
ὥς δ' ὅτε χεῖμαρροι ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες
ἐς μισγάγκειαν συμβάλλετον ὄβριμον ὕδωρ

¹⁰⁵ J. L. O'Neil. The Political Elites of the Achaian and Aitolian Leagues // Ancient Society. Vol. 15/17 (1984–1986). P. 42–43.

¹⁰⁶ Эта часть раздела была представлена в докладе «Ὡς δ' ὅτε χεῖμαρροι ποταμοί...: рецепция гомеровского образа в историографии» на XXI открытой конференции студентов-филологов, организованной филологическим факультетом СПбГУ (18–19 апреля 2018 г.). Я благодарна Н. А. Алмазовой, Д. В. Кейеру и А. Л. Верлинскому за их ценные замечания, которые я по возможности постаралась учесть.

κρουνῶν ἐκ μεγάλων κοίλης ἔντοσθε χαράδρης,
τῶν δέ τε τηλόσε δοῦπον ἐν οὔρεσιν ἔκλυε ποιμήν·
ὥς τῶν μισγομένων γένετο ἰαχὴ τε πόνος τε.

«Там разом и вопль, и мольба раздаётся мужей губящих и гибнущих, а земля истекает кровью, как когда две горные реки, текущие с гор в долину, сбрасывают шумные воды из крупных источников в глубокое ущелье, и их гул далеко в горах слышал пастух; так поднялся у смешавшихся (в бою) крик и страдание» (Hom. II. IV, 450–456).

Г. Френкель подчеркивает, что это сравнение вызвано звуковым сходством боя и с шумом падающей воды¹⁰⁷. Дж. С. Кирк и К. Молтон, указывая на ассоциативный характер сравнения, отмечают другие сходные черты: льющаяся кровь может сравниваться с горной рекой (ῥέε δ' αἵματι γαῖα и χεῖμαρροι ποταμοὶ... ῥέοντες), а долина, где соединяются потоки (μισγάγκεια), связана с двумя смешавшимися войсками (τῶν μισγομένων)¹⁰⁸. К. Молтон приходит к выводу, что сравнение двух армий с горным потоком, гул которого слышит пастух, объединяет два предыдущих сравнения: греков с бушующим морем (II. IV, 422) и троянцев с овцами (II. IV, 433)¹⁰⁹.

Сравнение с бурным потоком стало применяться не только к натиску военной силы, но и к стремительному движению масс, не обязательно вооруженных. В последующей прозе оно развилось в постоянный мотив, который равным образом используют и ораторы, и историки. Так, сравнение народа с потоком встречается у Геродота в диспуте персидских вельмож в речи Мегабиза за олигархию:

...κῶς γὰρ ἂν γινώσκοι ὃς οὔτ' ἐδιδάχθη οὔτε εἶδε καλὸν οὐδὲν οἰκίον, ὠθέει τε ἐμπεσὼν τὰ πρήγματα ἄνευ νόου, χεῖμαρρῳ ποταμῷ εἵκελος... «...ведь как он [народ] может знать, он, не обучавшийся и не видевший ничего прекрасного, что было бы ему свойственно, он, который, обрушиваясь, бездумно сносит (на своем пути) все, подобный горному потоку...» (Hdt. III, 81, 2).

¹⁰⁷ H. Fränkel. Die homerischen Gleichnisse. Göttingen. 1921. S. 26. Этой же интерпретации придерживается Н. А. Алмазова.

¹⁰⁸ G.S. Kirk. The Iliad: A Commentary. Vol. I: books 1–4. Cambridge, 1985. P. 384.

¹⁰⁹ C. Moulton. Similes in the Homeric Poems. Göttingen. 1977. P. 45.

Д. Бёдекер замечает, что не всегда ясно, отсылает ли Геродот выражениями, имеющими параллели в эпосе, к определенным пассажам из поэм Гомера или использует эпический дискурс без всякой связи с конкретными местами поэм¹¹⁰. В данном случае сравнение народа с рекой приобретает оттенок, которого нет у Гомера, следовательно, историк мог использовать эхо для создания эпического колорита¹¹¹. Ф. Адрадос осторожно предполагает, что на Геродота мог повлиять также и Феогнид (345–348), однако нельзя исключать и отсылку к гомеровскому образу бурного потока¹¹². У Геродота уподобление народа горному потоку подчеркивает уже другое его качество – неразумие, что ближе к сравнению у Полибия (ἐπὶ κολούθουν τῇ τοῦ προεστῶτος ἀγνοίᾳ).

Итак, сравнение народа бурной реке из-за необдуманности действий мы находим у Полибия и Геродота; однако остается вопрос о том, насколько сохранялась связь с гомеровским первоисточником. Слово χεῖμαρρος встречается как в прозе, так и в поэзии, но воспринималось, насколько можно судить, скорее как поэтизм: большая часть примеров относятся к эпосу и трагедии, а в прозе χεῖμαρρος, как правило, выделяется на фоне окружающего контекста; в значительном числе случаев вероятна отсылка к Гомеру¹¹³. Ф. Уолбэнк считает упоминание бурного потока у Полибия риторическим топосом, который необязательно содержит намек на диспут вельмож у Геродота, но может быть прямой отсылкой к Гомеру¹¹⁴. О. Мюррей также отмечает отсутствие во всем сочинении Полибия прямых отсылок к Геродоту с указанием имени, объясняя это интересом Полибия прежде всего к

¹¹⁰ D. Boedeker. *Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus* // Brill's Companion to Herodotus / Ed. E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees. Leiden, Boston, Köln. 2002. P. 101, 108–109.

¹¹¹ Как отмечает М.Н. Казанская, эхо представляет собой выражение, которое воспринимается как эпическое без отсылки к определенному месту (см. M. Kazanskaya. *Les expressions homériques dans les Histoires d'Hérodote* // *Lalies*. T. 34 (2014). P. 166).

¹¹² F. Adrados. *El tema del torrente en la literatura griega arcaica y clásica* // *Emerita*. Vol. 33 (1965). P. 9–10.

¹¹³ Theogn. 345–348; Soph. Ant. 712; Eur. Tr. 449; Demosth. De cor. 153, и др. Без поэтических коннотаций и не в составе сравнения Paus. I, 35, 7; IX, 33, 7; X, 37, 3 (v. LSJ s.v. χεῖμαρρος).

¹¹⁴ F. W. Walbank. *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. III. P. 712.

политической истории¹¹⁵. Сходство в описании битвы у Гомера и ожидающих гибели пелопоннесцев, возможно, усиливается использованием однокоренных слов: у Гомера ὀλλύντων τε καὶ ὀλλυμένων, а у Полибия ὄλεθρον. Однако сопоставление текстов показывает, что большая часть выражений у Полибия близка к геродотовскому сравнению: ὥθέει (Hdt.) – προωθούμενοι (Polyb.), ἐμπесὼν (Hdt.) – προσπιπτόντων (Polyb.), ἄνευ νόου (Hdt.) – ἀγνοία, προνοεῖσθαι (Polyb.). Таким образом, нельзя исключать отсылки Полибия к Геродоту, но и гомеровский источник для Полибия сохраняет свою значимость.

Отсутствие у народа способности критически оценивать действия стратега и предвидеть будущее¹¹⁶ Полибий отмечает и в описании тегейских событий:

λοιπὸν ἐκ τῆς τοιαύτης δημαγωγίας πᾶν τὸ λεγόμενον ὑπ' αὐτοῦ πιστὸν ἐγίνετο, καὶ πρὸς πᾶν τὸ παραγγελλόμενον ἔτοιμον ἦν τὸ πλῆθος, περὶ μὲν τοῦ μέλλοντος ἀδυνατοῦν προνοεῖσθαι. τῇ δὲ παρ' αὐτὰ χάριτι καὶ ῥαστώνῃ δελεαζόμενον, «Наконец, все, сказанное им с таким заискиванием перед народом, стало приниматься на веру, и ко всем приказам народ был готов, не имея возможности предвидеть будущее, прельстившись милостью и праздностью» (Polyb. XXXVIII, 11, 11).

После отказа посольству Секста Юлия Цезаря, Критолай, кроме внушения ненависти к римлянам, ввел некоторые финансовые льготы (запрещалось взыскивать долги, заключать под стражу должников и заниматься разбором жалоб) – меры, которые Полибий прямо оценивает как δημαγωγία. С их помощью Критолай добился от народа такого послушания, что следующее посольство, Гнея Папирия и Попилия Лената, было попросту выгнали из собрания.

Итак, несмотря на неполную сохранность текста Полибия, мы видим, что историк не возлагал вину за падение Коринфа исключительно на Диея и

¹¹⁵ O. Murray. Herodotus and Hellenistic Culture // CQ, Vol. 22, No. 2. 1972. P. 211.

¹¹⁶ Ср. ἡ τῶν κατὰ μέρος αἰὲ προσπιπτόντων κατάπληξις ἀφηρεῖτο τῶν ἀνθρώπων τὴν ὑπὲρ τῶν ὅλων ἐπίστασιν καὶ διάληψιν, δι' ἧς ἔμελλον προνοεῖσθαι διότι πάντες εἰς πρόδηλον ὄλεθρον ἄγονται (Polyb. XXXVIII, 16, 1).

его предшественника и преемника Критолая. Народ, охарактеризованный как подчиняющаяся неразумная масса, сделал возможным гибельные последствия принятых ими решений. Как обобщает это Полибий,

κατὰ δὲ τοὺς νῦν λεγόμενους καιροὺς ἡτύχησαν ἀτυχίαν ὁμολογουμένην διὰ τὴν τῶν προεστώτων ἀβουλίαν καὶ διὰ τὴν ἰδίαν ἄγνοϊαν, «согласно изложенным теперь событиям они достигли всеобщего несчастья из-за необдуманности предводителей и из-за собственного неразумия» (Polyb. XXXVIII, 16, 9).

I.3. Общий ход истории и разрушение Коринфа

Последний тип объяснения того, что привело к разрушению Коринфа, у античных историографов (и представителей других жанров) заключался в отказе от поиска персонально ответственных политиков. В этом разделе будет рассмотрен ряд осмыслений такого рода событий 146 г. Формулировки разнятся: одни говорят о ходе истории, другие, на манер Фукидида, о стремлении держав вытеснить сильного соперника, третьи – о судьбе. Причем все эти разнообразные видения могут встретиться у одного автора.

I.3.1. Греческие источники

Полибий. В понимании отношения Полибия к Ахейской войне идея судьбы (τύχη) играет важнейшую роль. А. Я. Тыжов, исходя из «функций» судьбы, выделяет следующие ее проявления: судьба как непреодолимое стечение обстоятельств, которому можно лишь довериться (Polyb. XXX, 6, 6); судьба как устроительница театральных зрелищ (Polyb. XXIII, 10, 12), выводящая на экзостру или сцену безумие людей (Polyb. XI, 5, 8; XXIX, 19, 2); судьба как распорядительница состязаний (Polyb. I, 58, 1); карающая судьба (Polyb. XX, 7, 2), судьба-помощница (Polyb. III, 99, 9), одаривающая судьба (Polyb. III, 20, 4); судьба, преподносящая царский венец (Polyb. X, 40, 9); судьба-наставница, разъясняющая людям положение вещей (Polyb. VI, 43, 5), судьба, привносящая в мир новое (Polyb. XXIX, 21, 5), и, наконец, судьба

как удел или жребий (Polyb. XXIX, 4, 10)¹¹⁷. Последнее представление о судьбе является наиболее древним и распространенным, остальные же во многом разработаны Полибием.

Полибий, уже применительно к коринфским событиям, указывает, какие их поступки привели в результате к установлению римской власти (подстрекательство Критолая), однако все, что не до конца поддается логическому осмыслению, Полибий относит к вмешательству судьбы, в том числе такие масштабные изменения в Средиземноморье как одновременное подчинение Риму Македонии, Ахейского союза и Карфагена. Именно судьба, по его мнению, направила все события того времени к одной цели – к установлению римского господства¹¹⁸. Оговорим, что в первую очередь рассмотрим пассажи, в которых фигурирует слово τύχη, понимая, что необъяснимые явления могут обозначаться не только этим понятием¹¹⁹.

Переходя к повествованию об Ахейской войне, остановимся на самом начале и конце 38 книги Полибия, где он, говоря о роли судьбы в ахейских событиях, одновременно дает им свою оценку. 38 книга открывается утверждением, что прежние несчастья греков заслуживают скорее названия поражений, нежели несчастий:

ὅτι ἡ λη' βίβλος περιέχει τὴν συντέλειαν τῆς τῶν Ἑλλήνων ἀτυχίας. καίπερ γὰρ τῆς Ἑλλάδος καὶ καθόλου καὶ κατὰ μέρος πλεονάκις ἐπταικυίας, ὅμως οὐδ' ὁποίοις ἂν τις τῶν πρότερον ἐλαττωμάτων οἰκειότερον ἐφαρμόσαι τὸ τῆς ἀτυχίας ὄνομα καὶ τὴν ἔννοιαν ταύτην ὡς τοῖς καθ' ἡμᾶς γεγονόσιν.

«О том, что 38 книга содержит исполнение несчастья эллинов. Ведь хотя Эллада и целиком, и по частям часто терпела поражение, однако нет такого среди прежних поражений, к которому больше подходило бы название

¹¹⁷ А. Я. Тыжов. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. СПб. 1994. С. 19–25.

¹¹⁸ ἡ τύχη σχεδὸν ἅπαντα τὰ τῆς οἰκουμένης πράγματα πρὸς ἓν ἔκλινε μέρος καὶ πάντα νεύειν ἠνάγκασε πρὸς ἓνα καὶ τὸν αὐτὸν σκοπόν: «Судьба почти все дела ойкумены направила к одной доле и все вынудила склониться к одной и той же цели» (Polyb. I, 4, 1).

¹¹⁹ Как отмечает Ф. Уолбэнк, иррациональные действия могут передаваться понятиями θεός τις, τὸ δαιμόνιον, ταῦτόματον, оговаривая при этом, что они не полностью синонимичны (F. Walbank. Commentary. Vol. I. P. 17). П. Педек также сближает τύχη с божеством в неограниченной силе (P. Pédech. Les idées religieuses de Polybe: étude sur la religion de l'élite gréco-romaine au IIe siècle av. J.-C. // Revue de l'histoire des religions. Vol. 167 (1965). P. 57.

несчастья и его понимание, как к тем, которые случились при нас» (Polyb. XXXVIII, 1, 1–2=Const. Porphy. De sent. 156).

Чуть дальше Полибий возвращается к понятию *ἀτυχία*, поясняя, что именно он подразумевает под несчастьем; к несчастным народам он относит и пелопоннесцев, которые погибли из-за неразумия стратегов:

ἀκληρεῖν μὲν γὰρ ἅπαντας ἡγητέον καὶ κοινῇ καὶ κατ' ἰδίαν τοὺς παραλόγοις συμφοραῖς περιπίπτοντας, ἀτυχεῖν δὲ μόνους τούτους οἷς διὰ τὴν ἰδίαν ἀβουλίαν ὄνειδος αἱ πράξεις ἐπιφέρουσι.

«Обездоленными нужно считать всех тех, кто, и вместе, и по отдельности, подпал под неожиданные бедствия; а несчастливыми – только тех, кому из-за собственной нерассудительности деяния принесли позор» (Polyb. XXXVIII, 3, 7).

По этим пассажам видно, что понятие *ἀτυχία* у Полибия выделяется среди остальных понятий, обозначающих бедственное положение (*ἐλάττωμα*, *περίετεια*, *σύμπτωμα*). С одной стороны, он приписывает несчастья такого рода неразумию руководителей, которые повлекли за собой и народ, т.е. считает эти поражения зависящими от человека и предотвратимыми, а значит, особенно тягостными; а те неприятности, которые не зависят от человека и которые нельзя предугадать, оценивает как не столь значительные. С другой стороны, внутренняя форма слова *ἀτυχία* предполагает и участие судьбы – *τύχη*, однако Полибий иначе выстраивает свою классификацию несчастий. Э. Груэн пишет, что Полибий «играет» со словом *ἀτυχία*: в несчастьях (*ἀτυχία*) греков виновна не судьба (*τύχη*), а стратеги, а судьба, напротив, спасла народ от безрассудства предводителей¹²⁰, как Полибий утверждает в конце 38 книги:

ἐγὼ γὰρ ἂν εἶποιμι διότι δοκεῖ μοι καθαπερανεῖ τύχη τις ἀντερεῖσαι πανοῦργος καὶ τεχνικὴ πρὸς τὴν ἄνοιαν καὶ μανίαν τῶν ἡγουμένων, ἥτις ἐξωθουμένη πάντα καὶ πάντως ὑπὸ τῆς ἀγνοίας τῶν προεστώτων, βουλομένη δὲ κατὰ πάντα τρόπον σφάζει τοὺς Ἀχαιοὺς, ἐπὶ τὸ καταλειπόμενον ἦλθεν ὥσπερ ἀγαθὸς παλαιστής. τοῦτο δ' ἦν τὸ ταχέως σφῆλαι καὶ ῥαδίως ἡττῆσαι τοὺς Ἕλληνας· ὅπερ ἐποίησε. διὰ γὰρ τοῦτο συνέβη μήτε τὴν τῶν Ῥωμαίων ὀργὴν καὶ θυμὸν ἐκκαυθῆναι πορρωτέρω, μηδ'

¹²⁰ E. S. Gruen. Op. cit. P. 47.

ἐλθεῖν τὰς ἐκ τῆς Λιβύης δυνάμεις, μήτε τοὺς προεστῶτας, ὄντας οἴους εἶπον, ἐπιλαβομένους δὲ προτερήματος, ἀποδείξασθαι τὴν αὐτῶν ἀσέβειαν εἰς τοὺς ὁμοφύλους <...> ἅπαντες δὲ τότε τὴν παροιμίαν ταύτην διὰ στόματος ἔσχον, ὥς· Εἰ μὴ ταχέως ἀπωλόμεθα, οὐκ ἂν ἐσώθημεν.

«А я бы сказал, что мне кажется, будто бы некая судьба, всемогущая и искусная, оказала сопротивление безрассудству и безумию предводителей, которая, притесняемая всячески и со всех сторон неразумием вышестоящих, и желая любым способом спасти ахейцев, прибегла к крайнему средству, как хороший борец. Оно заключалось в том, чтобы быстро низвергнуть и легко победить эллинов: это она и сделала. Ведь результатом этого стало то, что негодование римлян и гнев их не распалились больше, и не прибывли силы из Ливии, и предводители, хоть и были такими, как я рассказал, получив преимущество, не проявили своего бесчестия в отношении к единоплеменникам <...> У всех тогда на устах была следующая поговорка: “Если бы мы скоро не погибли, мы не были бы спасены”» (Polyb. XXXVIII, 18, 8–12).

Полибий утверждает, что, парадоксальным образом, подчинение Греции Риму явилось спасением для греков, объясняя поражение благотворным вмешательством судьбы. Аллегоризированная судьба терпела притеснения от стратегов, но, будучи могущественнее их, преодолела их безумие (ἄνοια καὶ μανία)¹²¹. Парадоксальный вывод Полибия о том, что поражение Ахейского союза было лучшим исходом для греков, которое объясняется предположением, что в ином случае ахейцев могли ожидать и бóльшие испытания, кажется, не является его собственной идеей: как сам он утверждает, поговорка «Если бы мы не погибли, мы не были бы спасены» отражала всеобщую оценку произошедшего. Сентенция также показывает, что греки смирились с установлением римской власти, вероятно, уже вскоре после разрушения Коринфа (ἅπαντες δὲ τότε...). Косвенно это подтверждается почтительным отношением ахейцев к Муммию, которую он заслужил своей воздержанностью и украшением храмов в Дельфах и в Олимпии (Polyb.

---

¹²¹ Напомним, что это качество – одна из постоянных характеристик Критолая: у Полибия она возникает не только в авторском повествовании, но и в оценке римских послов (Polyb. XXXVIII, 11, 6); повторяет ее и Павсаний (Paus. VII, 14, 6).

XXXIX, 6, 1–3)¹²². Составитель выдержек из Полибия называет новое устройство Ахеи, которым десять уполномоченных занимались полгода, καλὸν δεῖγμα τῆς Ῥωμαίων προαιρέσεως: «прекрасный образец деятельности римлян» (Polyb. XXXIX, 5, 1=Const. Porphy. De virt. et vit. 122). Сам Полибий разъяснял новые законы и добился того, что ахейцы полюбили новое государственное устройство, как он сам говорит, στέρξαι τὴν δεδομένην πολιτείαν (Polyb. XXXIX, 5, 3=Const. Porphy. De virt. et vit. 122).

На сентенции εἰ μὴ ταχέως ἀπωλόμεθα, οὐκ ἂν ἐσώθηνμεν следует остановиться подробнее. Согласно Телету (у Стобея) и Плутарху, эти слова произнес Фемистокл, когда подвергся остракизму и нашел прибежище у персов¹²³. Использование ее Полибием поясняет Иоанн Зонара, резюмируя Диона Кассия (соответствующий пассаж из 21 книги «Римской истории» Диона не сохранился):

καὶ ἡ μὲν Κόρινθος οὕτως ἀνάστατος γέγονε, τὸ δ' ἄλλο Ἑλληνικὸν παραχρῆμα μὲν καὶ σφαγαῖς καὶ χρημάτων ἐκλογαῖς ἐκακώθη, ἔπειτα ἔν τε ἀδείᾳ καὶ ἐν εὐδαιμονίᾳ τοσαύτῃ ἐγένετο ὥστε λέγειν ὅτι, εἰ μὴ θᾶπτον ἐαλώκεισαν, οὐκ ἂν ἐσέσωντο.

«И Коринф таким образом оказался разрушенным, остальной же греческий мир тотчас был ослаблен и убийствами, и отнятием денег, а после обнаружил себя в безопасности и таком благоденствии, что можно было говорить, что, если бы они не были покорены так скоро¹²⁴, то они не спаслись бы» (Zon. Epit. IX, 31B).

Весьма вероятно, поговорка присутствовала и в тексте Диона, однако сложно оценить, восходит ли поговорка к Диону или была введена Зонарой¹²⁵. Можно предположить, что в соответствующем пассаже Дион напрямую опирался на труд Полибия: в целом, его личное видение

¹²² Умеренность Муммия превратилась в постоянный мотив, который будет рассмотрен в главе 2. Пока же отметим, что украшение храмов Муммием, за которое его хвалит Полибий, является сомнительным достоинством: ведь что же он посвятил в храм, как не то, что отнял в ходе войны? (Paus. V, 24, 8).

¹²³ Поговорка также засвидетельствована у Суды (Suda εἰ 150), ее формулировка совпадает с полибиевской, а также в аппендиксе к корпусу паремииографов (App. II, 14, Leutsch-Schneidewin): ὃ παῖδες, ἀπωλόμεθα ἂν, εἰ μὴ ἀπωλόμεθα (Plut. Them. 29, 7), cf. Θεμιστοκλῆς ἐκεῖνος ὃ παῖ φησὶν ἀπωλόμεθα ἂν εἰ μὴ ἀπωλόμεθα (Stob. III, 40, 8).

¹²⁴ У Полибия ταχέως, передать же адекватно сравнительную степень, использованную Зонарой, довольно трудно.

¹²⁵ Выше приводились пассажи из Диона и Зонары, где наблюдалось неполное совпадение текста. Тем не менее, несмотря на отсутствие параллели к Зонаре, Аальдерс приписывает высказывание о благополучии греков после взятия Коринфа Диону (см. G. J. D. Aalders. Cassius Dio and the Greek World // Mnemosyne. Vol. 39 (1986). P. 286). В данном случае мы склонны к большей осторожности, нежели Аальдерс.

положения греков под римским господством было достаточно близким к полибиевскому¹²⁶; однако Аальдерс отмечает, что Дион Кассий, будучи римским сенатором и человеком греческой культуры, тем не менее отстраненно повествует о греческих событиях и опирается скорее на римские источники, воспроизводя и критику действий греков¹²⁷.

Возвращаясь к Полибию, отметим и его прямое заявление об отношении к римлянам, завершающее 39 книгу:

ταῦτα μὲν οὖν ἡμεῖς καταπράξαντες ἐκ τῆς Ῥώμης ἐπανήλθομεν, ὥσανει κεφάλαιά τινα τῶν προπεπολιτευμένων κατειργασμένοι, χάριν ἀξίαν τῆς πρὸς Ῥωμαίους εὐνοίας. διὸ καὶ πᾶσι τοῖς θεοῖς εὐχὰς ποιούμεθα τὸ λοιπὸν μέρος τῆς ζωῆς ἐν τούτοις καὶ ἐπὶ τούτων διαμεῖναι, θεωροῦντες τὴν τύχην ὡς ἔστιν ἀγαθὴ φθονῆσαι τοῖς ἀνθρώποις καὶ μάλιστα κατὰ τοῦτο τὸ μέρος ἰσχύει καθ' ὃ τις ἂν δοκῇ μάλιστα μακαρίζεσθαι καὶ κατορθοῦν ἐν τῷ βίῳ.

«Итак, мы, совершив эти дела, вернулись из Рима, как бы достигнув главного из более ранней политической деятельности¹²⁸, а именно благодарности, достойной нашего расположения к римлянам. Из-за этого мы возносим молитвы всем богам, чтобы оставшуюся часть жизни пребывать в таком же положении и на тех же условиях¹²⁹, по наблюдениям зная, что судьба, как бы ни была добра, завидует людям и в особенности проявляет силу в той части, в какой кто-либо считал бы себя весьма блаженным и устроенным в жизни» (Polyb. XXXIX, 8, 1–2).

Идея Полибия о том, что разрушение Коринфа по сути спасло Грецию, оценивается по-разному. С одной стороны, Полибий был пламенным сторонником Рима, и в приведенном пассаже сам подчеркивает свое отношение к римлянам выражением πρὸς Ῥωμαίους εὐνοία. А. Я. Тыжов отмечает, что Полибий с беспристрастностью историка оценивал Муммия и

¹²⁶ G. J. D. Aalders. Op. cit. 284.

¹²⁷ G. J. D. Aalders. Op. cit. P. 285–286.

¹²⁸ “having, as it were, set a crown upon my previous political activity” – F. Walbank. Commentary. Vol. III. P. 741. Согласно Уолбэнку, поездка в Рим касалась деятельности Полибия по разъяснению законов. Патон переводит: “I had, as it were, been enabled to capitalize the results of my previous political action, a favour which my devotion to Rome well merited” (Polybius. The Histories / Ed. W. R. Paton. Vol. VI. Cambridge (Mass.), London. 1968. P. 453).

¹²⁹ Патон переводит: “In the same condition and on the same terms” (ibid.).

разрушение Коринфа считал верной тактикой римлян¹³⁰. С другой стороны, Ф. Уолбэнк высказывает опасения, что служба римлянам могла отразиться на односторонней положительной оценке Полибием их политики¹³¹. То, как активно Полибий привлекает понятие судьбы и как тесно оно связано с отношением к Риму, видно из его утверждения, что он, надеясь на неизменность его отношений с римлянами, все-таки остерегается превратностей судьбы, которая, хоть и спасла греков, может испытывать зависть к успеху.

Павсаний. Идея о том, что в разрушении Коринфа видна рука судьбы, высказывается и Павсанием, однако и он разделяет распространенное представление о зависти судьбы или богов, а также подходит рационально к тем событиям, которые можно объяснить:

τὸ μὲν δὴ ἄνδρα βασιλέα καὶ πόλιν ἀνελέσθαι πόλεμον καὶ μὴ εὐτυχῆσαι συνέβη φθόνῳ μᾶλλον ἢ τοῖς πολεμήσασιν ποιεῖ τὸ ἔγκλημα· θρασύτης δὲ ἢ μετὰ ἀσθενείας μανία ἂν μᾶλλον ἢ ἀτυχία καλοῖτο. ὃ δὴ καὶ Κριτόλαον καὶ Ἀχαιοὺς ἔβλαψε.

«Если случится царственному мужу и городу начать войну и не иметь успеха, то скорее это вменяется в вину зависти кого-то из богов, чем сражавшимся. Смелость же, объединенная со слабостью, пожалуй лучше назвать безумием, чем несчастьем. Это и повредило и Критолаю, и ахейцам» (Paus. VII, 14, 6).

Поражение Критолая при Скарфее Павсаний объясняет не завистью богов, а его собственным неправильным расчетом (θρασύτης δὲ ἢ μετὰ ἀσθενείας), которое Павсаний трактует как μανία¹³². Павсаний противопоставляет безумие и несчастье (μανία ἂν μᾶλλον ἢ ἀτυχία καλοῖτο). Его трактовка несколько отличается от полибиевской: Полибий под ἀτυχία понимает Ахейскую войну, а также причиной и носителем ἀτυχία считает неразумных стратегов (ἀτυχεῖν δὲ μόνους τούτους οἷς διὰ τὴν ἰδίαν ἀβουλίαν

¹³⁰ А. Я. Тыжов. Указ. соч. С. 17.

¹³¹ F. W. Walbank. Polybius between Greece and Rome // Entretiens sur l'antiquité classique. T. 20 (Polybe). Vandœuvres – Genève. 1974. P. 28–29.

¹³² Это подхватывает характеристику Полибия и выражение Павсания δριμὺς καὶ σὺν οὐδενὶ λογισμῷ... ἔρως (Paus. VII, 14, 4).

ὄνειδος αἱ πράξεις ἐπιφέρουσι, Polyb. XXXVIII, 3, 7). Таким образом Полибий связывает ἀβουλία и ἀτυχία, а Павсаний, наоборот, противопоставляет μανία и ἀτυχία.

Как и Полибий, разорение Греции Павсаний объясняет не только конкретными действиями стратегов, но и допускает вмешательство сверхъестественной силы (τύχη Полибия, δαίμων Павсания), но при этом не подчеркивает последующего благосостояния греков:

ἐς ἅπαν δὲ ἀσθενείας τότε μάλιστα κατῆλθεν ἡ Ἑλλάς, λυμανθεῖσα κατὰ μέρη καὶ διαπορθηθεῖσα ἐξ ἀρχῆς ὑπὸ τοῦ δαίμονος.

«В полное бессилие впала тогда Эллада, опустошенная по частям и разрушенная по воле божества» (Paus. VII, 17, 1).

Упоминая божество, Павсаний тем не менее подчеркивает, что Ахейский союз погубила испорченность стратегов (ἡ κακία τῶν στρατηγησάντων, Paus. VII, 17, 2). Полибий вспоминает о прежних поражениях Греции, объясняя, почему их нельзя назвать истинными несчастьями (разорение Афин персами, Фив Александром – Polyb. XXXVIII, 2); у Павсания более пессимистичный взгляд на греческую историю: он перечисляет падение Аргоса, Аттики, Македонии, Фив, наконец Ахейского союза, видя в этих событиях только очередные этапы упадка, которые привели к тому, что греки, получив освобождение от Нерона, вновь оказались под властью наместника при Веспасиане, потому что, по словам Веспасиана, отучились от свободы (ἀπομεμαθηκέναι φήσας τὴν ἐλευθερίαν τὸ Ἑλληνικόν – Paus. VII, 17, 4). Акуйерви, обсуждая данный пассаж, обращает внимание на φήσας. По ее мнению, Павсаний при помощи φήσας подчеркивает, что эта идея не его, и передает ее с долей иронии и скепсиса¹³³. Акуйерви также сопоставляет идею Веспасиана со словами Павсания о том, что грекам не удалось воспользоваться подаренной Нероном свободой именно из-за прихода к власти Веспасиана (οὐ μὴν Ἑλλησὶ γε ἐξεγένετο ὄνασθαι τοῦ δώρου, Paus. VII, 17, 4).

---

¹³³ J. Akujärvi. Op. cit. P. 285.

Отношение Павсания к римскому государству сложнее поддается определению, нежели отношение Полибия. Павсаний критикует всех последних стратегов Ахейского союза, как Полибий, однако романофилом его назвать нельзя¹³⁴. Не считая победу Рима благосклонностью судьбы, не отмечая особо воздержанность Луция Муммия (лишь указав на его посвящения в храмы статуй и щитов после взятия Коринфа, Paus. V, 10, 5; 24, 4; 24, 8), Павсаний более скуп на оценки римлян, однако упоминает неоднократные предложения Метелла заключить мир (Paus. VII, 15, 2; 11) и его запрет разрушать Фивы (VII, 15, 10), лишь констатируя факт, без видимой похвалы.

Кроме того, один пассаж вызывает особые трудности и предполагает разное отношение Павсания к Риму:

ἡ δὲ Μεγάλη πόλις νεωτάτη πόλεων ἐστὶν οὐ τῶν Ἀρκαδικῶν μόνον ἀλλὰ καὶ τῶν ἐν Ἑλλησι, πλὴν ὅσων κατὰ συμφορὰν <ἐπὶ> ἀρχῆς τῆς Ῥωμαίων μεταβεβήκασιν οἰκήτορες.

«Мегалополь – самый новый из городов не только в Аркадии, но и в Элладе, кроме тех, которые из-за несчастья при власти римлян сменили жителей (Paus. VIII, 27, 1 Casevitz).

Данное предложение по-разному интерпретируется и поэтому в современных изданиях печатается со вставкой ἐπὶ или без нее. Если оставить текст без изменений, то выражение κατὰ συμφορὰν ἀρχῆς будет указывать на резко негативное отношение Павсания к римской власти. Вставка ἐπὶ, предложенная Клавье, подразумевает некое несчастье, случившееся при римской власти¹³⁵. Оба толкования встречаются у современных издателей Павсания: М. Казевитц вставляет ἐπὶ, переводя: “par suite des circonstances, sous la domination romaine”¹³⁶. У. Джонс сохраняет рукописное чтение и

¹³⁴ И. Лафонд объясняет внимание писателей к греческому прошлому антипатией к римлянам, подразумевая и Павсания: «...les écrivains, s'ils ne préfèrent pas célébrer le vainqueur et son empire, ont tendance à chercher refuge dans le passé» (Y. Lafond. Pausanias et l'histoire du Péloponnèse depuis la conquête romaine // Entretiens sur l'antiquité classique. T. 41 (Pausanias historien). Vandœuvres – Genève. 1996. P. 168).

¹³⁵ Подробный разбор пассажа J. Aakjærvi. Op. cit. P. 286–291.

¹³⁶ Pausanias. Description de la Grèce / Ed. M. Casevitz. Paris. 1998. T. VIII. P. 78.

переводит: “by the accident of Roman domination”¹³⁷. В пользу рукописного чтения без ἐπὶ говорит сама композиция текста Павсания: сразу после описания Ахейской войны Павсаний, переходя к Аркадии, говорит о городах, сменивших жителей, под которыми может подразумеваться и разрушенный Коринф. Однако, если Павсаний имеет в виду восстановленный по приказу Цезаря Коринф, то чтение со вставкой предпочтительнее¹³⁸. Нам кажется более вероятным, что речь идет о римской колонии в Коринфе, т.е. о восстановленном, а не о разрушенном греческом Коринфе, поэтому мы принимаем вставку Клавье и чтение Казевитца.

Таким образом, по мнению Павсания, упадок Греции обусловлен волей божества (ἐξ ἀρχῆς ὑπὸ τοῦ δαίμονος), в конкретных же событиях историк возлагает ответственность на стратегов. Взгляд Павсания на греческую историю довольно пессимистичен. Свое отношение к римлянам Павсаний не выражает с очевидностью, и его можно охарактеризовать как очень сдержанное.

1.3.2. Римские источники

Римские источники, по сравнению с греческими, не углубляются в анализ действий стратегов и оценивают разрушение Коринфа как закономерное следствие противостояния политических сил, следуя подходу Фукидида (Thuc. I, 2, 1), а также разграничивая повод и причину (Thuc. I, 23, 5–6). Поэтому римские авторы по большей части не используют понятие судьбы как основной причины Ахейской войны, но допускают его при объяснении стечения обстоятельств, т.е. судьба может сказаться лишь на поводе, а не на причине.

Играла ли судьба какую-то роль в повествовании Тита Ливия (испытывавшего влияние Полибия) об Ахейской войне, неизвестно: периода 52 книги содержит лишь перечисление событий.

---

¹³⁷ Pausanias. *Description of Greece* / Ed. W. H. S. Jones. Cambridge (Mass.), London. 1979. Vol. IV. P. 33.

¹³⁸ J. Akujärvi. *Op. cit.* P. 289–290.

Помпей Трог. К идее вмешательства судьбы обращался Помпей Трог, согласно выдержкам из его *Historiae Philippicae*, сделанным Юстином. Насколько можно судить, Трог анализировал направление римской внешней политики, но поскольку не все получалось объяснить рационально, допускал вмешательство судьбы там, где нельзя определить явную причину стечения обстоятельств. Один пассаж особенно ярко иллюстрирует, как сочетаются эти два подхода:

Poenis ac Macedonibus subactis Aetolorumque viribus principum captivitate debilitatis soli adhuc ex Graecia universa Achaei nimis potentes tunc temporis Romanis videbantur, non propter singularum civitatum nimias opes, sed propter conspirationem universarum. Namque Achaei, licet per civitates veluti per membra divisi sint, unum tamen corpus et unum imperium habent singularumque urbium pericula mutuis viribus propulsant. Quaerentibus igitur Romanis causam belli tempestive Fortuna querelam Spartanorum obtulit, quorum agros Achaei propter mutuuum odium populabantur.

«После того как пунийцы и македоняне были подчинены и этолийцы ослаблены пленением руководителей, до сих пор только ахейцы из всей Греции казались римлянам слишком могущественными в то время, не из-за чрезвычайного богатства отдельных городов, но из-за всеобщего единства. Ведь ахейцы, пусть и разделены по городам, как по членам, однако словно имеют одно тело и одну власть, и опасности отдельных городов отражают совместными усилиями. Тогда ищущим причину войны римлянам Судьба кстати подкинула (букв. предоставила) жалобу спартанцев, чьи поля ахейцы опустошали из-за взаимной ненависти» (Iust. XXXIV, 1, 1–3).

Причину войны Рима с Ахейским союзом Трог в передаче Юстина усматривал в желании Рима устранить сильного соперника в Средиземноморье (*Achaei nimis potentes tunc temporis Romanis videbantur*) и считал, что формальный повод к войне – конфликт ахейцев и спартанцев – римлянам подарила судьба (*Fortuna querelam Spartanorum obtulit*).

Судить о взглядах Трога на общий ход истории, располагая лишь фрагментами Юстина, трудно. Во вступлении к эпитоме Юстин подчеркивает сложность задачи, которую ставил перед собой Трог – написать историю,

охватывающую многие земли (в основном Македонию и Грецию, а также Ассирию, Карфаген, Боспорское царство и др.). По охвату материала близкий к Полибию, Трог, насколько можно судить по выдержкам, не сводит все события к установлению римского господства¹³⁹, по крайней мере столь явно, как Полибий и Флор, хоть и отчетливо говорит о распространении римского влияния как о причине разрушения Коринфа. Возлагал ли Трог ответственность за взятие города и на конкретных личностей, неясно; неизвестно и отношение Трога к разрушению Коринфа.

Цицерон. Трактровку римской политики, сходную с объяснением Помпея Трога, представляет Цицерон, при этом полностью отказываясь усматривать руку судьбы в ходе Ахейской войны, являя, таким образом, наиболее рациональный подход:

Corinthetae vestigium vix relictum est. erat enim posita in angustiis atque in faucibus Graeciae sic ut terra claustra locorum teneret et duo maria maxime navigationi diversa paene coniungeret, cum pertenui discrimine separentur. haec quae procul erant a conspectu imperi non solum adflixerunt sed etiam, ne quando recreata exsurgere atque erigere se possent, funditus, ut dixi, sustulerunt.

«От Коринфа едва остался след. Ведь он располагался в теснинах на перешейке в Греции, так что земля там как бы держала ключи от мест и два разделенные моря почти соединяла оживленным судоходством, так как они разделялись незначительным расстоянием. Эти города, которые были вдали от государства, они не только победили, но даже, чтобы они никогда не смогли, воссозданные, оправиться и возвыситься, уничтожили до основания, как я сказал» (Cic. Leg. Agr. II, 87).

Несмотря на сходство с Трогом в объяснении причин разрушения Коринфа, существенное отличие Цицерона в том, что он пишет не историческое сочинение с определенным подходом к выстраиванию

---

¹³⁹ Тем не менее Алонсо-Нуньес подчеркивает стремление Трога увенчать всеобщую историю римским господством ("Das Werk bestätigt die schon erwähnte Tendenz, Universalgeschichte in den Zeiten zu schreiben, in denen Rom dabei war, die Beherrschung der bekannten Welt zu vollenden" – J. M. Alonso-Núñez. Drei Autoren von Geschichtsabrisse der römischen Kaiserzeit: Florus, Iustinus, Orosius // Latomus. T. 54 (1995). P. 349. Несмотря на то, что Рим назван столицей всего мира (caput totius orbis - Just. XLIII, 1, 1), очевидно, что эта характеристика принадлежит Юстину, а не Помпею Трогу: предваряя выдержку из Трога о Риме, Юстин называет его возвращающимся после путешествий в город, являющийся caput totius orbis.

целостной картины завоеваний с целью показать распространение римского влияния, а речь, касающуюся вопроса о продаже завоеванных земель. Тем не менее, чтобы доказать опасность передачи земель в Капуе, Коринфе и Карфагене децемвирам с целью их продажи, Цицерон напоминает, почему эти города были завоеваны. Подчеркивая их бывшее могущество, только эти три города Цицерон называет достойными быть центром государства (*imperi gravitatem ac nomen sustinere*). Указывая на выгодное географическое положение как Карфагена (*Carthago... ipsa natura ac loco, succincta portibus, armata muris, excurrere ex Africa ... videbatur*), так и Коринфа, только со стороны первого Цицерон усматривал прямую угрозу Риму (*imminere duabus fructuosissimis insulis populi Romani videbatur*). Взятие же Коринфа, о котором Цицерон столь кратко упомянул (*Corinthi vestigium vix relictum est*), он объясняет в данной речи только его местоположением, благоприятным для развития торговли и судоходства; одного этого, по мнению Цицерона, оказалось достаточно, чтобы римляне стремились предотвратить его возможное возвышение (*ne quando recreata exsurgere atque erigere se possent*)¹⁴⁰.

Однако в речи «Об империи Гнея Помпея, или о Манилиевом законе» Цицерон приводит другое объяснение взятия Коринфа, очевидно, не противоречащее предыдущему, а дополняющее его:

Legati quod erant appellati superbius, Corinthum patres vestri totius Graeciae lumen extinctum esse voluerunt...

«Из-за того, что послы были оскорблены весьма надменно, ваши отцы пожелали разрушить Коринф, светоч всей Греции...» (*Cic. Pro leg. Man. V, 11*).

Оскорбление римского посольства оказывалось причиной Ахейской войны у составителей бревиариев (см. выше раздел о Критолае у Флора). Однако сравнив данный пассаж с предыдущей речью «О земельном законе»,

---

¹⁴⁰ Р. Фегер отмечает, что разрушение Коринфа здесь представлено как несомненное событие в будущем: „Die Zerstörung ist hier erkannt nicht als ein die Vergangenheit bereinigender, sondern als ein die Zukunft sichernder Akt“ (*R. Feger. Cicero und die Zerstörung Korinths // Hermes. Bd. 80 (1952). S. 440*).

становится ясным, что в оскорблении посольства Цицерон видит скорее повод, а не истинную причину.

По сравнению с Трогом, Цицерон гораздо меньше внимания уделяет проблемам внутри Ахейского союза, которые несомненно также сыграли свою роль. Именно конфликт ахейцев и спартанцев Трог приписывает судьбе. Цицерон, напротив, полностью исключает участие судьбы в Ахейской войне; это специально подчеркивается в приведенном выше пассаже (см. раздел о Критолае) из диалога «О природе богов»: ответственность за падение Коринфа возлагается на Критолая, а не на божество¹⁴¹. Хотя эти слова принадлежат Котте, можно предположить, исходя из отказа Цицерона привлекать судьбу, что и Цицерон поддерживает его. Возлагая ответственность на Критолая, Цицерон указывает на виновного и с греческой стороны, не ограничиваясь лишь подавлением Римом сильных центров Средиземноморья. В приведенных речах Цицерон оправдывает взятие Коринфа интересами государства, и только определение Коринфа как светоча всей Греции (*totius Graeciae lumen*) может подразумевать и некоторое сожаление.

Однако в трактате «Об обязанностях» Цицерон называет разрушение (а не взятие) Коринфа ошибкой, допуская, что оно могло быть продиктовано соображениями безопасности Рима, но все же порицая жестокость завоевателя:

...at Carthaginem et Numantiam funditus sustulerunt; nollem Corinthum, sed credo aliquid secutos, opportunitatem loci maxime, ne posset aliquando ad bellum faciendum locus ipse adhortari.

«...но Карфаген и Нуманцию разрушили до основания; я бы не хотел, чтобы разрушили Коринф, но верю, что они следовали какому-то соображению, по большей части благоприятным расположением, чтобы само место не могло

---

¹⁴¹ Critolaus inquam evertit Corinthum, Carthaginem Asdrubal; hi duo illos oculos orae maritimae effoderunt, non iratus aliqui, quem omnino irasci posse negatis, deus (Cic. De nat. deor. III, 91).

когда-нибудь призвать к войне, которая должна была свершиться» (Cic. De off. I, 35).

И в конце того же трактата Цицерон уже прямо называет разрушение города ошибкой:

Sed utilitatis specie in re publica saepissime peccatur, ut in Corinthi disturbance nostris.

«Но под видом пользы, в государстве чрезвычайно часто ошибаются, как наши [предки] в разрушении Коринфа» (Cic. De off. III, 46).

Высказав это замечание через 20 лет после речей «Об империи Гнея Помпея» и «Об аграрном законе»¹⁴², Цицерон, вероятно, иначе смотрел на разрушение Коринфа. На отличие в оценках мог косвенно повлиять и жанр философского трактата, не преследующий, как речи, определенной политической цели. Цицерон высказывает личное отношение к уничтожению города, которое не совпадало с официальной позицией, обнаруживает более гуманный настрой и рассуждает о справедливости вмешательства в ахейские дела, исходя лишь из соображений выгоды или формального права¹⁴³.

Флор. Особое видение хода истории у Флора, который называет разрушение двух городов, Карфагена и Коринфа, движущей силой века:

Quasi saeculum illud eversionibus urbium curreret, Carthagini ruinam statim Corinthus excepit¹⁴⁴, Achaiae caput, Graeciae decus, inter duo maria, Ionium et Aegaeum, quasi spectaculo exposita.

«Тот век будто бы продвигался разрушениями городов: вслед за падением Карфагена сразу последовал Коринф, столица Ахеи, украшение Греции, расположенный меж двух морей, Ионическим и Эгейским, словно на обозрение» (Flor. Epit. II, 16, 1 Lemaire).

В данном пассаже разрушения городов не вызваны судьбой или ходом времени, а наоборот, они сами направляли ход истории. Карфаген будто бы повлек за собой Коринф, хотя Флор не поясняет связь между двумя

¹⁴² Pro leg. Man. – 66 г., De leg. agr. – 63 г. и De off. – 44 г.

¹⁴³ R. Feger. Op. cit. S. 451.

¹⁴⁴ Орозий подхватывает выражение Флора, но лишь обращает внимание на последовательное разрушение городов, устраняя представление Флора о продвижении времени: Anno ab urbe condita DCVI, hoc est eodem anno, quo et Carthago deleta est, Cn. Cornelio Lentulo L. Mummiо consulibus ruinam Carthaginis eversio Corinthi subsecuta est... (Oros. V, 3, 1).

римскими победами, и Коринф пал будто бы по инерции вслед за Карфагеном¹⁴⁵. Так как повествование флоровской эпитомы очень сжато, создается впечатление стремительности происходящего: оскорбление послов Критолаем (*Critolaus causa belli*)— и вот уже объявлена война (*et hinc Achaicum bellum*); одно сражение с Метеллом — и исход войны решен (*et uno proelio peractum erat bellum*); вмешался Муммий - Диэй разбит, Коринф разрушен. И необычный образ времени, которое продвигается катастрофами, и стремительность повествования, усиливающая впечатление от этой метафоры, показывают тонкую риторическую отделку сочинения.

Флор даже грешит против истины: несмотря на то, что война против Ахейского союза была объявлена, и Муммий был отправлен в Коринф решением сената¹⁴⁶, Флор говорит о разрушении Коринфа как о решении Муммия или как о событии, о котором не было общего согласия:

Haec—facinus indignum—ante oppressa est quam in numero certorum hostium referretur.

«Он — недостойное деяние — был разрушен раньше, чем отнесен в число несомненных врагов» (*Flor. II, 16, 1*).

Обозначая свою цель в начале сочинения, которая заключалась в кратком изложении римских побед и восхваления народа¹⁴⁷, Флор больше больше критикует римлян за разрушение Коринфа. Флор прямо характеризует его как недостойное деяние (*facinus indignum*); также и сцена победы Муммия (*geminosque portus sanguine infecit*) подчеркивает его жестокость.

Т.о., и в греческих, и в римских источниках видение роли судьбы или общего хода истории отражается и на отношении к разрушению Коринфа.

---

¹⁴⁵ В череде разрушений Флор упоминает и Нуманцию (*ut Carthaginem Corinthus, ita Corinthum Numantia secuta est. Flor. II, 17, 1*).

¹⁴⁶ Ошибку или сознательное умолчание отмечает и П. Жаль (*Florus. Œuvres. T. I / Ed. P. Jal. P. 73*).

¹⁴⁷ ...*in brevi quasi tabella totam eius imaginem amplectar, non nihil, ut spero, ad admirationem principis populi conlaturus, si pariter atque insemel universam magnitudinem eius ostendere*: «...как бы на небольшой табличке я охватываю весь его образ, не меньше, так что надеюсь, что поспособствую восхищению перед народом-принцепсом, если вместе и сразу покажу все его полное величие» (*Flor. I, 1, 3*).

Осмысляя произошедшее, авторы приводят в качестве объяснения падения Коринфа как конкретные действия стратегов Ахейского союза, так и течение истории, на которое повлияло стремление Рима устранить соперника. Полибий, судя по сохранившимся эксерптам, считал спасительным вмешательством судьбы установление в Греции римской власти, подчеркивая, что сама судьба направила все события к одной этой цели. Тем не менее он возлагает ответственность и на стратегов, в особенности на Критолая. Искренность расположения Полибия к римлянам подвергали сомнению; отношение к разрушению Коринфа практически не определить из-за отсутствия фрагментов, лишь один пассаж, сохранившийся у Страбона, содержит негативную оценку Полибия римских солдат, игравших в кости на картинах. Отношение к римской власти Павсания в седьмой книге выражено не так очевидно, как у Полибия, и скорее его можно охарактеризовать как очень сдержанное. Перечисляя поражения Греции, Павсаний видит ее историю как постепенный упадок. Опираясь в изложении событий на Полибия, он вовсе не дает очевидно положительной оценки установлению римского господства. Различно отношение к разрушению Коринфа и у римских авторов. С разных позиций это событие рассматривает Цицерон, оправдывая разрушение интересами римского государства в речи «О земельном законе», называя его прямо ошибкой в трактате «Об обязанностях» и, наконец, пытаясь примирить эти две точки зрения. О взгляде Помпея Трога на взятие Коринфа судить трудно, однако вмешательство Рима в конфликт ахейцев и спартанцев он считает соблюдением собственных интересов Рима, а внутренние распри в Ахейском союзе – только удобным поводом для вторжения. Флор относится к разрушению Коринфа резко отрицательно, не оправдывая римлян, однако за развязывание самой Ахейской войны возлагает ответственность на Критолая.

ГЛАВА II. ОЦЕНКИ РАЗРУШЕНИЯ КОРИНФА У АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Падение Коринфа освещается не только в исторических трудах, но и в сочинениях других жанров, превращаясь в популярный сюжет о богатом городе, потерявшем свое благосостояние и независимость, и обрстая неисторическими деталями. Так как разрушение города античные авторы объясняли притязаниями Рима на ведущую роль в Средиземноморье, а некоторые из них, как например, Трог и Цицерон, прямо называли причиной разрушения стремление устранить конкурента с его богатством, то в данной главе мы рассмотрим мотив богатого Коринфа, его истоки и особенности после взятия города. Показательно сравнение Коринфа с Троей, подчеркивающее величину трагедии и отсылающее к эпосу, а также образ спектакля, возникающий при описании положения Коринфа или его взятия.

II.1. Κόρινθος ἄφνειός

II.1.1. Мотив богатства Коринфа до и после его разрушения

Коринф с ранних пор был процветающим городом, и его богатство упоминается, начиная с самых ранних текстов. Источники благосостояния Коринфа были различными: расположение Коринфа на пересечении торговых путей из Коринфского залива в Саронический, и по суше из Пелопоннеса в Аттику, сделало его важным торговым центром¹⁴⁸; Коринф кроме того производил (в том числе и на экспорт) керамику, вино и масло¹⁴⁹. Еще одним источником дохода был храм Афродиты Урании, одна из главных

---

¹⁴⁸ Удобство расположения отмечает Цицерон (Cic. Leg. agr. II, 87) и Страбон (Strab. VIII, 6, 20). Фукидид указывает на раннее развитие торговли в Коринфе (οἰκοῦντες γὰρ τὴν πόλιν οἱ Κορίνθιοι ἐπὶ τοῦ Ἰσθμοῦ αἰεὶ δὴ ποτὲ ἐμπορίων εἶχον: «Коринфяне, живущие в городе на Истме, всегда занимались торговлей», Thuc. I, 13, 5).

¹⁴⁹ Т. Леншау подчеркивает, что не столько экспорт, сколько транзитная торговля обеспечила городу богатство (Т. Lenschau. Korinthos // RE. Supplbd. IV (1924). Sp. 994, 996–997). Дж. Салмон указывает на значительную роль коринфской гончарной продукции в торговле с колониями и отмечает, что коринфские вазы VII в. до н.э. находили в Этрурии (J. B. Salmon. Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC. Oxford, 1984. P. 105–106); он же утверждает, что существенную роль играл также экспорт вина и оливкового масла (Ibid. P. 136).

достопримечательностей Коринфа: по сообщению Страбона, судовладельцам случалось оставлять там все свое состояние:

Τό τε τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν οὕτω πλούσιον ὑπῆρξεν ὥστε πλείους ἢ χιλίας ἱεροδούλους ἐκέκτητο ἑταίρας, ἃς ἀνετίθεσαν τῇ θεῷ καὶ ἄνδρες καὶ γυναῖκες. καὶ διὰ ταύτας οὖν πολυωχλεῖτο ἡ πόλις καὶ ἐπλουτίζετο· οἱ γὰρ ναύκληροι ῥαδίως ἐξανηλίσκοντο, καὶ διὰ τοῦτο ἡ παροιμία φησὶν “οὐ παντὸς ἀνδρὸς ἐς Κόρινθον ἐσθ’ ὁ πλοῦς”¹⁵⁰.

«Храм Афродиты был так богат, что владел больше, чем тысячею гетер, которых посвящали богине и мужчины, и женщины. Благодаря им город всегда был многолюден и богат, ведь владельцы кораблей легко разорялись [здесь], из-за чего поговорка гласит: ‘Не всякому мужу плавать в Коринф’» (Strab. VIII, 6, 20).

О том, насколько распространено было представление о богатстве Коринфа и о роскошном образе жизни его жителей, свидетельствует существование глагола *коринθιάζειν* или *коринθιάζεσθαι*. Этот глагол упоминается у паремиографа Макария (Macar.V, 18)¹⁵¹, а также у Евстафия со ссылкой на Страбона: *коринθιάζεσθαι τὸ μαστροπεύειν ἢ ἑταιρεῖν ἀπὸ τῶν ἐν Κόρινθῳ ἑταιρῶν* («глагол ‘коринфствовать’ или ‘распутствовать’ [происходит] от коринфских гетер», Eustath. ad II. II, 570). Изнеженный образ жизни, свойственный коринфянам, нашел отражение и в римской литературе: так, Ювенал говорит об *uncta Corinthus* «умащенный Коринф» (Iuv.VIII, 113)¹⁵².

¹⁵⁰ Зиновий (Zenob.V, 37) объясняет пословицу *οὐ παντὸς ἀνδρὸς ἐς Κόρινθον ἐσθ’ ὁ πλοῦς* следующим образом: *Κόρινθος πολλὰς εἶχεν ἑταίρας καὶ πολυτελεῖς, αἱτοὺς ἀφικομένους τῶν ξένων ἐδασμολόγουν, τὰ ἐφόδια αὐτῶν ἀναλαμβάνουσαι. Διὰ τοῦν τοῦτο ἐπὶ τῶν τρυφᾶν βουλομένων [ἀπόρων] εἰρῆσθαι τὴν παροιμίαν* («В Коринфе было много гетер, требующих больших издержек, которые взымали дань с приходящих гостей, отбирая у них деньги на дорогу. Из-за этого и говорится пословица про тех, кто хочет роскошествовать, не имея средств»). *Corpus paroemiographorum graecorum*. T. I / Ed. E. L. a Leutsch, F. G. Schneidewin. Gottingae, 1839. P. 135. Схожая поговорка засвидетельствована у Макария: *корίνθιον κακὸν* с объяснением *ἴσως διὰ τὰς ἑταίρας* (Macar.V, 26).

¹⁵¹ *Corpus paroemiographorum graecorum*. T. II / Ed. E. L. a Leutsch. Gottingae, 1851. P. 179.

¹⁵² Стереотипное представление об умахенных коринфянах относилось и к старому Коринфу до разрушения, и к новому, отстроенному Цезарем. См. E. Courtney. *A Commentary on the Satires of Juvenal*. Berkeley, 2013. P. 353. Об использовании эпитета *unctus* как указания на роскошный образ жизни, ср.

venimus ad summum fortunae, pingimus atque

psallimus et luctamur Achivis doctius unctis (Hor. Epist. II, 1, 32–33): «Мы дошли до предела счастья, и пишем картины, и играем на музыкальных инструментах, и боремся лучше умахенных ахейцев»

Коринф называется ἀφνειός, «богатым», уже в «Илиаде». Наиболее прямо Гомер говорит о богатстве города при упоминании его в списке кораблей:

οἱ δὲ Μυκῆνας εἶχον ἐυκτίμενον πολίεθρον
ἀφνειόν τε Κόρινθον ἐυκτιμένας τε Κλεωνάς...

«Они владели Микенами, прекрасно построенным городом, и богатым Коринфом, и прекрасно построенными Клеонами» (Hom. II. II, 569–570).

Позже Гомер использует тот же эпитет ἀφνειός, чтобы указать уже косвенно на благосостояние Коринфа, когда так в тринадцатой песни характеризуется приплывший из Коринфа Эвхенор (II. XIII, 663–665)¹⁵³: город косвенным образом характеризуется через упоминание о благосостоянии его жителей. После Гомера эпитет ἀφνειός и близкие ему синонимы продолжали использоваться применительно к Коринфу. Так, Пиндар в одном из своих фрагментов говорит о жрицах Афродиты: Πολύξεναι νεάνιδες, ἀμφίπολοι / πειθοῦς ἐν ἀφνειῷ Κόρινθῳ, «Весьма гостеприимные девы, служанки соблазнения в богатом Коринфе» (Pind. fr. 122, 1–2); ср. γνῶσομαι / τὰν ὀλβίαν Κόρινθον «я узнаю счастливый Коринф» (Pind. Ol. XIII, 3–4). Коринф называется εὐδαίμων у Геродота (Hdt. III, 52, 4)¹⁵⁴ и в дельфийском оракуле, сохраненном Страбоном (Strab. VIII, 6, 22)¹⁵⁵. Схожим образом, Фукидид в «Археологии», со ссылкой на «древних поэтов», указывает, что вся область называлась ἀφνειός:

οἰκοῦντες γὰρ τὴν πόλιν οἱ Κόρινθοι ἐπὶ τοῦ Ἰσθμοῦ αἰεὶ δὴ ποτε ἐμπόριον εἶχον, τῶν Ἑλλήνων τὸ πάλαι κατὰ γῆν τὰ πλείω ἢ κατὰ θάλασσαν, τῶν τε ἐντὸς Πελοποννήσου καὶ τῶν ἔξω, διὰ τῆς ἐκείνων παρ' ἀλλήλους ἐπιμισγόντων, χρήμασι

¹⁵³ ἦν δέ τις Εὐχῆνωρ Πολυΐδου μάντιος υἱὸς / ἀφνειός τ' ἀγαθός τε Κόρινθόθι οἰκία ναίων, / ὅς ρ' εὖ εἰδὼς κῆρ' ὀλοῇν ἐπὶ νηὸς ἔβαινε... «Был некто Эвхенор, сын прорицателя Полиида, богатый и благородный, чей дом находился в Коринфе, который взшел на корабль, прекрасно зная о своем гибельном жребии».

¹⁵⁴ ...ὃς ἐὼν ἐμός τε παῖς καὶ Κόρινθου τῆς εὐδαίμονος βασιλεὺς ἀλήτην βίον εἴλεν: «...ты, который, будучи моим сыном и царем богатого Коринфа, предпочел скитальческую жизнь».

¹⁵⁵ φέρεται δὲ καὶ χρησμὸς ὁ δοθεὶς τινι τῶν ἐκ τῆς Ἀσίας ἐρωτῶντι εἰ λῶν εἴη μετοικεῖν εἰς Κόρινθον· εὐδαίμων ὁ Κόρινθος, ἐγὼ δ' εἶην Τενεάτης: «Передают и оракул, данный кому-то из Азии, кто спросил, не лучше ли [ему] переселиться в Коринф: 'Счастлив Коринф, но я, пожалуй, буду тенеатом'». Оракул закреплен в качестве поговорки у Зиновия (Zenob. III, 96) и под именем Плутарха (Plut. Prov. I, 4) – Corpus paroemiographorum graecorum / Ed. E. L. a Leutsch, F. G. Schneidewin. T. I. Göttingae. 1839. Данный оракул Парк и Уормелл относят к 7 периоду по их классификации, т.е. к 300–190 гг. до н.э. (см. H. W. Parke, D. E. W. Wormell. The Delphic Oracle. Vol. II. Oxford. 1956. № 424).

τε δυνατοὶ ἦσαν, ὥς καὶ τοῖς παλαιοῖς ποιηταῖς δεδήλωται· ἀφνειὸν γὰρ ἐπωνόμασαν τὸ χωρίον. ἐπειδὴ τε οἱ Ἕλληνες μᾶλλον ἔπλωζον, τὰς ναῦς κτησάμενοι τὸ ληστικὸν καθήρουν, καὶ ἐμπόριον παρέχοντες ἀμφοτέρωθεν δυνάτην ἔσχον χρημάτων προσόδῳ τὴν πόλιν.

«Коринфяне, живущие в городе на Истме, всегда занимались торговлей; в древние времена, когда эллины через них сообщались друг с другом больше по суше, чем по морю, на Пелопоннесе и за его пределами, они стали процветающими, как явствует из древних поэтов, ведь они назвали дали этой области название «богатой». И когда эллины стали больше заниматься мореплаванием, [коринфяне], построив корабли, избавились от пиратов и, предоставляя порт с обеих сторон¹⁵⁶, сделали город могущественным благодаря [постоянному] притоку денег» (Thuc. I, 13, 5).

Примечательно, что сам Фукидид характеризует коринфян более употребительным выражением *δυνατοὶ χρήμασι* (где датив *χρήμασι* указывает на источник могущества); словосочетание повторяется в несколько измененном виде в конце пассажа (*δυνατὴν ἔσχον χρημάτων προσόδῳ τὴν πόλιν*). Отсылка Фукидида к *οἱ παλαιοὶ ποιηταί* интерпретировалась как отсылка либо к целому ряду древних поэтов, либо конкретно к Гомеру¹⁵⁷. Нам, как и С. Хорнблауэру, ближе последняя точка зрения: добавим, что эпитет *ἀφνειός* встречается в «Истории» Фукидида только в данном пассаже,

---

¹⁵⁶С. Хорнблауэр отмечает, что в Коринфии была более развита морская торговля, которую обеспечивали два порта – Кенхреи в Сароническом заливе и Лехайон в Коринфском – и волок (*δίολκος*) через перешеек (См. S. Hornblower. A Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 2003 (repr. 1991). P. 45). Более частое использование портов и сложность передвижения по суше из Пелопоннеса в Аттику отмечается также Дж. Салмоном (Op. cit. P. 133). Страбон также указывает на торговлю как причину богатства Коринфа: *ὁ δὲ Κόρινθος ἀφνειὸς μὲν λέγεται διὰ τὸ ἐμπόριον, ἐπὶ τῷ Ἰσθμῷ κεῖμενος καὶ δυεῖν λιμένων ὦν κύριος, ὧν ὁ μὲν τῆς Ἀσίας ὁ δὲ τῆς Ἰταλίας ἐγγύς ἐστι ... καὶ ῥαδίας ποιεῖ τὰς ἐκατέρωθεν ἀμοιβὰς τῶν φορτίων πρὸς ἀλλήλους τοῖς τοσοῦτον ἀφεστῶσιν* («Коринф зовется богатым из-за торговли; поскольку он расположен на Истме и владеет двумя гаванями, из которых одна расположена вблизи Азии, а другая вблизи Италии... он делает легким обмен грузами с обеих сторон, настолько удаленных друг от друга» (Strab. VIII, 6, 20, C 378).

¹⁵⁷ Гомм, понимая выражение *ὥς καὶ τοῖς παλαιοῖς ποιηταῖς δεδήλωται* буквально, считает, что определение *ἀφνειός* употреблял не только Гомер, но и другие не дошедшие до нас эпические авторы (A. W. Gomme. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945. P. 123: “Doubtless Thucydides had other instances as well in his mind from the now lost epics...”). Парк считает, что под «древними поэтами» историк должен был подразумевать не только Гомера, но и других, более поздних, поэтов; впрочем, кого именно, Парк не уточняет (H. W. Parke. Citation and Recitation: a Convention in Early Greek Historians // *Hermathena*. Vol. 67 (1946). P. 83). Напротив, С. Хорнблауэр понимает выражение *παλαιοὶ ποιηταί* как риторическое использование множественного числа, а имеется в виду, по его мнению, только Гомер (II. II, 570); Хорнблауэр отдельно оговаривает, что Пиндар не мог быть назван одним из древних поэтов, т.к. он – почти современник Фукидида (S. Hornblower. Thucydides and Pindar. Historical Narrative and the World of Epinikian Poetry. Oxford, 2004. P. 56).

и вполне вероятно, что он мог заимствовать его из П. II, 570, не подразумевая под παλαῖοι ποιηταί никого, кроме Гомера.

В рассказах о взятии Коринфа вполне устоявшийся тоpos о богатстве города обретает новую интонацию: авторы подчеркивают бывшее его благосостояние, чтобы подчеркнуть трагичность того, что произошло с Коринфом в 146 г. Так, Цицерон, рассказывая о разрушении Коринфа, указывает, что Муммий ничего себе не взял из «богатейшего города» (*copiosissima urbs*, Cic. Off. II, 76), Флор восклицает о сожженном Коринфе как об *opulentissima urbs* (Flor. II, 16 Lemaire); составитель периихи Тита Ливия характеризует город как *praedives Corinthos* (Liv. Perioch. 52). Во всех этих случаях слово, указывающее на благосостояние Коринфа дополнительно усилено – либо интенсифицирующей приставкой *prae-*, либо превосходной формой. Интонация этих прозаических пассажей соответствует общей тональности эпиграммы Антипатра Сидонского¹⁵⁸ на взятие Коринфа:

Ποῦ τὸ περιβλεπτον κάλλος σέο, Δωρὶ Κόρινθε;
ποῦ στεφάναι πύργων, ποῦ τὰ πάλαι κτέανα;
ποῦ νηοὶ μακάρων, ποῦ δώματα, ποῦ δὲ δάμαρτες
Σισύφια λαῶν θ' αἱ ποτε μυριάδες;
οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἵχνος, πολυκάμμορε, σεῖο λέλειπται,
πάντα δὲ συμάρψας ἐξέφαγεν πόλεμος·
μοῦναι ἀπόρθητοι Νηρηίδες Ὠκεανοῖο
κοῦραι, σῶν ἀχέων μίνομεν ἀλκυόνες
(Anth. Pal. IX, 151 = Antipater Sid. 59 Gow-Page).

«Где красота твоя, город дорийцев, Коринф величавый,
Где твоих башен венцы, прежняя роскошь твоя,
Храмы блаженных богов и дома и потомки Сисифа –

¹⁵⁸ В Палатинской Антологии эпиграмма озаглавлена одним именем (Ἀντιπάτρου), однако Гоу и Пэйдж практически не сомневаются, что автором является Антипатр Сидонский (The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams / Ed. A. S. F. Gow, D. L. Page. Cambridge, 1965. Vol. II. P. 81). Учитывая, что Антипатр жил во II в. до н.э., эпиграмма должна была быть написана вскоре после разрушения Коринфа.

Славные жены твои и мириады мужей?
 Даже следов от тебя не осталось теперь, злополучный.
 Все разорила вконец, все поглотила война.
 Только лишь мы, nereиды, бессмертные дочери моря,
 Как алькионы, одни плачем о доле твоей»¹⁵⁹.

Эпиграмма Антипатра представляет собой плач по разрушенному городу¹⁶⁰, что позволяет сопоставить ее с группой эпиграмм о разрушении некогда могущественных и богатых городов, которую выделяет А. Хардер¹⁶¹. Исследовательница отмечает, что прототипом для большинства таких эпиграмм была традиция о падении Трои, причем эпиграмматисты опирались не только на эпическую традицию (ср. плач Гектора в «Илиаде»¹⁶² по будущему падению Трои, или сожаления Ахилла (Hom. II. XXIV, 543–548), но и на трагедию (ср. «Троянки» Еврипида)¹⁶³.

Антипатр выстраивает первую часть своей эпиграммы как череду восклицаний в форме риторических вопросов, каждое из которых начинается с *ποῦ*, создавая ассоциацию с ритуальным плачем¹⁶⁴. В этих вопросах Антипатр перечисляет все то, что утратил город, и косвенно описывает то, каким он был до падения (*στεφάναι πύργων, νηοί, κτέανα, δώματα, λαὼν...μυριάδες*). Выражение *τὸ περίβλεπτον κάλλος* делает акцент на исключительной красоте Коринфа, а определение «дорийский» (равно как и

¹⁵⁹ Для этой эпиграммы мы сделали исключение и вместо прозаического перевода решили привести стихотворный перевод Л. Блуменау (Греческая эпиграмма / Ред. Ф. Петровский. М., 1960. С. 153).

¹⁶⁰ В Палатинской Антологии содержится несколько эпиграмм, посвященных взятию Коринфа. Ниже будет рассмотрена эпиграмма Полистрата (AP VII, 297). Плач о былом Коринфоре, восстановленном Цезарем в 44 г., но заселенном вольноотпущенниками (*libertini*), принадлежит Кринагору (AP IX, 284=37 Gow-Page). Подр. см. The Greek Anthology. The Garland of Philip and Some Contemporary Epigrams / Ed. A. S. F. Gow, D. L. Page. Cambridge, 1968. Vol. II. P. 247. Антипатру Сидонскому также принадлежит эпиграмма, написанная от лица двух коринфянок, которые смерть предпочли пленению после взятия города (AP VII, 493).

¹⁶¹ A. Harder. Epigram and the Heritage of Epic // Brill's Companion to Hellenistic Epigram. Down to Philip / Ed. P. Bing, J. S. Bruss. Leiden, Boston, 2007. P. 419–422.

¹⁶² *πρὶν μὲν γὰρ Πριάμοιο πόλιν μέροπες ἄνθρωποι
 πάντες μυθέσκοντο πολύχρυσον πολύχαλκον
 νῦν δὲ δὴ ἐξ ἀπόλλωλε δόμων κειμήλια καλά,
 πολλὰ δὲ δὴ Φρυγίην καὶ Μηρίην ἐρατεινὴν
 κτήματα περνάμεν ἴκει, ἐπεὶ μέγας ὠδύσατο Ζεὺς.*

«Ведь прежде все смертные люди называли град Приама богатым золотом и медью; теперь же погибли прекрасные сокровища домов, многочисленное имущество, выставленное на продажу, дошло до Фригии и любезной Меонии, так как рассердился Зевс» (Hom. II. XVIII, 288–292).

¹⁶³ A. Harder. Op. cit. P. 419.

¹⁶⁴ M. Alexiou. The Ritual Lament in Greek Tradition. Cambridge, 1974. P. 85.

упоминание о Сизифе в ст. 4¹⁶⁵) намекает на его древность; наречия *πάλαι* и *πότε* подчеркивают, что все осталось в прошлом.

Вторая часть эпиграмм подчеркивает степень разрушения Коринфа: с перечислением былой пышности (ст. 1–4) резко контрастирует краткий вывод *οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἔχνοϛ...σεῖο λέλειπται* – от Коринфа не осталось и следа¹⁶⁶. По-новому обыграно расположение города на Истмийском перешейке: поэт не стремится связать его с источником благосостояния города, а наоборот превращает в некоторую гарантию того, что память о Коринфе сохранится. Нереиды, вечную природу которых поэт противопоставляет преходящей, недолговечной природе всего человеческого (*ἀπόρθητοι* «нерушимые»), будут хранить о нем память и плакать по нему: сравнение с альционами, морскими птицами, которым приписывалось жалобное пение¹⁶⁷, также вторит общему настроению плача по городу¹⁶⁸.

II.1.2 Судьба предметов искусства

Особое внимание при рассказе о разрушении Коринфа уделяется судьбе предметов искусства. Многие из них были вывезены по взятии города: Страбон и Павсаний сообщают, что лучшие произведения искусства, привезенные в Рим и посвященные в храмы богов, были именно из Коринфа (Strab.VIII, 6, 23; Paus.VII, 16, 8). Составитель периохи 52 книги Ливия упоминает о бронзовых и мраморных статуях и картинах, которые были пронесены во время триумфа Муммия, причем отдельно подчеркивается, что в дом к самому Муммию ничто не попало¹⁶⁹:

¹⁶⁵ Hom. II. VI, 152–153.

¹⁶⁶ Интересно сравнить выражение *οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἔχνοϛ...σεῖο λέλειπται* со столь же кратким обобщением у Цицерона, которым тот открывает описание местоположения и могущества Коринфа: *Corinthi vestigium vix relictum est* (Cic. Leg. Agr. II, 87).

¹⁶⁷ См. подробный разбор истоков данного представления у K. Gutzwiller. *The Nautilus, the Halcyon, and the Selenia: Callimachus' Epigramm 5 Pf. = 14 G.–P. // CA. Vol. 11 (1992). p. 204–208.*

¹⁶⁸ *The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams. Vol. II. P. 81.*

¹⁶⁹ *ipse L. Mummius abstinentissimum virum egit, nec quicquam ex his operibus ornamentisque, quae praedives Corinthos habuit, in domum eius pervenit...* «Сам Луций Муммий повел себя как умереннейший муж, и ни одно из тех произведений искусства и украшений, которыми владел чрезвычайно богатый Коринф, не пришло в его дом...» (Liv.Perioch. 52). Помимо Ливия (в передаче составителя периохи), о триумфе Муммия и о том, что он не захотел оставить предметы искусства себе, также говорят Цицерон (Cic. De off. II, 76), Фронтин (Frontin. Strateg. IV, 3, 15) и автор сочинения «Об известных мужах» (De vir. illustr. 60).

Quid? qui eius collega fuit in censura, L. Mummius, num quid copiosior, cum copiosissimam urbem funditus sustulisset? Italiam ornare quam domum suam maluit; quamquam Italia ornata domus ipsa mihi videtur ornatior.

«И что же? Тот, кто был его коллегой по цензорству, Луций Муммий, разве он стал богаче, когда уничтожил до основания богатейший город? Он предпочел скорее украсить Италию, чем свой дом; хотя мне кажется, что сам дом [стал] украшеннее, когда была украшена Италия» (Cic. Off. II, 76).

Идея о воздержанности Муммия в том, что касалось предметов искусства, восходит, возможно, еще к Полибию, который высоко оценивал поведение Муммия после победы¹⁷⁰. Многие последующие авторы, однако, относились к идее об исключительной воздержанности Муммия с долей скептицизма: Страбон считал его скорее великодушным человеком, нежели любителем искусства (μεγαλόφρων γὰρ ὢν μᾶλλον ἢ φιλότεχνος ὁ Μόμμιος, ὥς φασι, μετεδίδου ῥαδίως τοῖς δεηθεῖσι. Strab. VIII, 6, 23); Веллей Патеркул же прямо называет Муммия *rudis*, представляя отношение Муммия к искусству в предельно прагматичном свете и, упоминая, в частности, его угрозу солдатам, что в случае утери произведений при перевозке им придется заменить их новыми (Vell. Pat. Hist. I, 13, 4)¹⁷¹.

Итак, значительное число шедевров было вывезено, однако взятие и разрушение города не могло обойтись без гибели или серьезного ущерба, нанесенного произведениям искусства. Страбон, со ссылкой на Полибия как на непосредственного свидетеля событий, сообщает о картинах Аристида, на которых солдаты играют в кости:

Πολύβιος δὲ τὰ συμβάντα περὶ τὴν ἄλωσιν ἐν οἴκου μέρει λέγων προστίθησι καὶ τὴν στρατιωτικὴν ὀλιγωρίαν τὴν περὶ τὰ τῶν τεχνῶν ἔργα καὶ τὰ ἀναθήματα· φησὶ γὰρ ἰδεῖν παρὼν ἐρριμμένους πίνακας ἐπ' ἐδάφους, πεττεύοντας δὲ τοὺς στρατιώτας

¹⁷⁰ Cf. εἰκότως δὲ τιμᾶσθαι συνέβαιεν αὐτὸν καὶ κοινῇ καὶ κατ' ἰδίαν· καὶ γὰρ ἐγκρατῶς καὶ καθαρῶς ἀνεστράφη καὶ πρῶως ἐχρήσατο τοῖς ὅλοις πράγμασι, μέγαν καιρὸν ἐν τοῖς Ἑλλήσιν ἔχων καὶ μεγάλην ἐξουσίαν: «Справедливо получилось так, что его почтили публичным и частным образом, ведь он поступал воздержанно и открыто и милостиво занимался всеми делами, имея среди эллинов удобный случай [обогащаться] и большую свободу действий» (Polyb. XXXIX, 6, 1–3= Excerpt. e Polyb. 123). К тому же сам Тит Ливий указывает Полибия как важнейшего источника и для римских, и особенно для греческих событий (Liv. XXXIII, 10, 10).

¹⁷¹ О том, что Муммий не разбирался в искусстве, упоминает и Плиний Старший (Plin. Nat. hist. XXXV, 8, 24).

ἐπὶ τούτων. ὀνομάζει δ' αὐτῶν Ἀριστείδου γραφὴν τοῦ Διονύσου, ἐφ' οὗ τινες εἰρήσθαι φασὶ τὸ Οὐδὲν πρὸς τὸν Διόνυσον¹⁷², καὶ τὸν Ἡρακλέα τὸν καταπονούμενον τῷ τῆς Δηιανείρας χιτῶνι.

«Полибий, рассказывая о том, что произошло при взятии [города], добавляет с сожалением и о солдатском пренебрежении к произведениям искусства и приношениям, ведь он говорит, что видел брошенные на землю картины и солдат, играющих на них в кости. Из них он называет Диониса, картину Аристида, о которой, как говорят, было сказано: «Ничего общего с Дионисом», и Геракла, в муках из-за [отравленного] хитона Деяниры» (Polyb. XXXIX, 2, 1–3= Strab. VIII, 6, 23).

Притом что, по большей части, Полибий положительно относится к римлянам (напомним, что он был привлечен к переходу Ахеи на римское законодательство), этот пассаж свидетельствует о том, что личное его отношение Полибия к разрушению и опустошению города было явно негативным.

II.1.3 Легенда о возникновении коринфской бронзы

Из предыдущего раздела видно, что как греческие, так и римские источники отдавали себе отчет, насколько разрушительным было взятие Коринфа, в особенности в том, что касалось предметов искусства. В качестве попытки найти в произошедшем нечто положительное, в римских источниках позднейшего времени появляется легенда о возникновении в пожаре при взятии Коринфа особого сплава – т.н. коринфской бронзы (aes Corinthium). Сразу следует оговорить, что это – не более, чем легенда: сплав (и даже несколько разновидностей сплавов, как сообщает Плиний Старший

---

¹⁷²Паремииограф Зиновий дает альтернативное объяснение этой поговорки изменением театральных сюжетов (Zenob.V, 40): ἐπὶ τῶν τὰ μὴ προσήκοντα τοῖς ὑποκειμένοις λεγόντων ἡ παροιμία εἴρηται. Ἐπειδὴ τῶν χορῶν ἐξ ἀρχῆς εἰθισμένον διθύραμβον ἄδειν εἰς τὸν Διόνυσον, οἱ ποιηταὶ ὕστερον ἐκβάντες τὴν συνήθειαν ταύτην, Αἴαντας καὶ Κενταύρους γράφειν ἐπεχείρουν. Ὅθεν οἱ θεώμενοι σκώπτοντες ἔλεγον, Οὐδὲν πρὸς τὸν Διόνυσον. Διὰ τοῦτο τοῦτο τοὺς Σατύρους ὕστερον ἔδοξεν αὐτοῖς προεισάγειν, ἵνα μὴ δοκῶσιν ἐπιλανθάνεσθαι τοῦ θεοῦ («О тех, кто говорит неподобающее положенному, произносят пословицу. Так как в начале хоры имели обыкновение петь дифирамбы Дионису, а поэты затем, оставив этот обычай, принялись представлять Аяксов и Кентавров. Поэтому зрители, глядя, говорили: «Ничего общего с Дионисом». Из-за этого им показалось, что он (поэт) ввел сатиров, чтобы они не думали, что он забыл о боге»). Corpus paroemiographorum graecorum / Ed. E. L. a Leutsch, F. G. Schneidewin. T. I. Gottingae. 1839.

(Plin. Nat. Hist. XXXIV, 3, 8) существовали и до 146 г.¹⁷³ Вот как рассказывает об этом Флор:

Quid signorum, quid vestium quidve tabularum raptum incensumque atque proiectum est! Quantas opes et abstulerit et cremaverit, hinc scias, quod quidquid Corinthii aeris toto orbe laudatur incendio superfuisse comperimus. Nam et aeris notam pretiosiore ipsa opulentissimae urbis fecit iniuria, quia incendio permixtis plurimis statuīs atque simulacris aeris auri argentique venae in commune fluxerunt.

«Какое количество статуй, одежд и картин было захвачено, сожжено и выброшено! Сколько произведений он (Муммий) и похитил, и сжег, ты, пожалуй, поймешь из того, что мы знаем, что сколько ни есть коринфской бронзы, славящейся на весь мир, вся она – остаток после пожара. Ведь и вид бронзы сделала ценнее сама несправедливость к богатейшему городу, поскольку, когда от пожара смешалось много статуй и бронзовых, золотых и серебряных изображений, металлы слились в одно» (Flor. II, 16 Lemaire).

Легенда о случайном возникновении коринфской бронзы во время пожара при разрушении города обнаруживается также у Орозия¹⁷⁴, а также приводится у псевдо-Акрона, автора комментария к Горацию¹⁷⁵. Упоминается легенда и у Плиния Старшего (Plin. Nat. Hist. XXXIV, 3, 6), который, впрочем, понимает, что легенда не подтверждается с точки зрения хронологии: Плиний отдельно подчеркивает, что то, что называется коринфской бронзой, необязательно следует связывать именно с Коринфом,

---

¹⁷³ Данный раздел посвящен исключительно легенде о возникновении aes Corinthium; вопрос о том, что понималось под этим понятием и о составе сплава будет оставлен в стороне. Я благодарна Вс. Вл. Зельченко за консультацию по aes Corinthium.

¹⁷⁴ Sane cum propter multitudinem et varietatem statuarum simulacrorumque in illo civitatis incendio permixta in unum auri argenti atque aeris omniaque simul metalla fluxissent, novum genus metalli factum est, unde usque in hodiernum diem sive ex ipso sive ex imitatione eius aes Corinthium, sicut memoriae traditum est, et Corinthia vasa dicuntur: «Действительно, когда из-за множества разнообразных статуй и изображений в этом пожаре города смешанные в одно металлы – золото, серебро и бронза – вместе слились, возник новый вид металла, из-за чего вплоть до сего дня или сам он, или копия его называется коринфской бронзой, как передают по памяти, и коринфскими сосудами» (Oros. Hist. V, 3, 7). О подражателях Флора и авторах, составляющих его бревиарии, среди которых отдельно выделяется Орозий, см. Florus. Œuvres. T. I / Ed. P. Jal. Paris. 1967. P. 31.

¹⁷⁵ in Corintho multa simulacra erant, quorum metalla in unum sunt reducta, cum eam Romani incendio cremassent, ex quo postea multa vasa fabricata sunt, ut possent transire in pompam triumphi: «В Коринфе было много изображений, металл которых сплавился в один, когда римляне сожгли его (Коринф) пожаром; из получившегося металла было сделано много сосудов, чтобы можно было провезти их в триумфальной процессии» (Ps.-Acron ad Hor. Epist. II. 1. 193). См. Acronis et Porphyryonis commentarii in Q. Horatium Flaccum / Ed. F. Hauthal. Vol. II. Berolini. 1866. P. 521.

ведь в триумфе Муммия была выставлена добыча из многих греческих городов (Plin. Nat. Hist. XXXIV, 6, 12)¹⁷⁶.

Впрочем, легенда о возникновении *aes Corinthium* в пожаре 146 г. была популярна и имела богатую историю. Причудливый рассказ об этом вкладывается в уста Тримальхиона в «Сатириконе» Петрония:

Et ne me putetis nesapium esse, valde bene scio, unde primum Corinthea nata sint. Cum Ilium captum est, Hannibal, homo vafer et magnus stelio, omnes statuas aeneas et aureas et argenteas in unum rogi conghessit et eas incendit; factae sunt in unum aera miscellanea. Ita ex hac massa fabri sustulerunt et fecerunt catilla et paropsides et statuncula. Sic Corinthea nata sunt, ex omnibus in unum, nec hoc nec illud.

«И не думайте, что я невежда, я очень хорошо знаю, как возникла первая коринфская бронза. Когда Илион был взят, Ганнибал, человек лукавый и большой пройдоха, все статуи – медные, золотые и серебряные – свалил в один костер и поджег; получился бронзовый сплав. И вот от этого слитка взяли ремесленники и сделали тарелочки, блюбочки и фигурки. Так возникла коринфская бронза, из всего одно, ни то ни се» (Petr. Sat. 50).

Тримальхион, путая исторические события, искажает и без того недостоверный рассказ: вместо разрушения Коринфа он говорит о падении Трои¹⁷⁷, вместо Луция Муммия – о Ганнибале, которому сдалась Капуя. Отметим, что общая канва рассказа о возникновении *aes Corinthium* при падении Коринфа у Флора и Петрония схожа; однако Петроний сознательно путает время и место, чтобы подчеркнуть невежество Тримальхиона.

Интересно, что рассказ Тримальхиона был всерьез воспринят позднейшей традицией: его влияние ощущается во вполне серьезном описании *aes Corinthium* в «Этимологиях» Исидора Севильского (кон.VI–нач.VII вв.)¹⁷⁸:

¹⁷⁶ Определение *Corinthius* по отношению к бронзе не содержит точного географического указания на место ее изготовления – К. Баруан, см. С. Baroin. 'Les candélabres corinthiens n'existent pas' // *Façons de parler grec à Rome* / Red. F. Dupont, E. Valette-Cagnac. Paris, 2005. P. 104.

¹⁷⁷ Ср. раздел о Коринфе как второй Трое.

¹⁷⁸ Замечательную цитату из Исидора о том, что Ганнибал разрушил Коринф, приводит в своем издании Петрония Э. В. Марморале, говоря о несомненном заимствовании (см. *Petronii Arbitri Cena Trimalchionis* / Ed. E. V. Marmorale. Firenze. 1947. P. 82). Смит лишь указывает место и в другой связи: он отмечает, что форма *Corintheum* в речи Тримальхиона (вместо *Corinthium* в речи Энколпия) встречается у Петрония, Исидора и в надписях (см. *Petronii Arbitri Cena Trimalchionis* / Ed. M. S. Smith. Oxford. 1975. P.

Corintheum est commixtio omnium metallorum, quod casus primum miscuit, Corintho, cum caperetur, incensa. Nam dum hanc civitatem Hannibal cepisset, omnes statuas aeneas et aureas et argenteas in unum rogam conguessit et eas incendit: ita ex hac commixtione fabri sustulerunt et fecerunt parapsides. Sic Corinthea nata sunt ex omnibus in unum, nec hoc nec illud. Unde et usque in hodiernum diem sive ex ipso sive ex imitatione eius aes Corintheum vel Corinthea vasa dicuntur. Huius tria genera: candidum unum, ad argenti nitorem accedens; alterum, in quo ipsius auri fulva natura est; tertium, in quo aequalis cunctorum temperies.

«Коринфская бронза – это сплав всех металлов, которые впервые смешал случай, когда Коринф, взятый, был сожжен. Ведь когда этот город захватил Ганнибал, он все статуи – медные, золотые и серебряные – в один костер свалил и поджег, и вот от этого сплава мастера взяли и сделали блюдечки. Так возникла коринфская бронза, из всего одно, ни то ни се. С того времени и по сей день или саму [бронзу], или подражание ей называют коринфской бронзой или коринфскими сосудами. Бронзы три вида: один белый, подходящий по блеску к серебру, другой, в котором желтый цвет самого золота, и третий, в котором равное соотношение всего» (Isid. Etym. XVI, 20, 4).

Издатель Исихора Севильского Ф. Арвалю утверждал, что Исихор опирается на Плиния¹⁷⁹ и Флору при описании Corinthia, а упоминание Ганнибала считает *μνημονικὸν ἀμάρτημα* Исихора¹⁸⁰. На деле, Исихор приводит дословно не Флору, а Орозия¹⁸¹ и добавляет информацию, восходящую к «Сатирикону» (скорее всего, взятую не напрямую из Петрония, а через компиляторов). Близость выражений Петрония и Исихора (*omnes statuas aeneas et aureas et argenteas in unum rogam conguessit et eas*

---

135). Так же и Перроша, который только добавляет, что смешение е и і в поздней латыни не редкость (см. P. Perrochat. *Pétrone. Le festin de Trimalcion. Commentaire exégétique et critique*. Paris. 1952. P. 79). Г. Шмелинг и А. Сетайоли указывают на то, что фразеологизмы Петрония заимствованы Исихором (см. G. Schmeling, A. Setaioli. *A Commentary on the Satyricon of Petronius*. Oxford, 2011. P. 210–211).

¹⁷⁹ Плиний является основным источником для Исихора: с его естественнонаучных наблюдений Исихор начинает и завершает раздел о коринфской бронзе: *hoc casus miscuit Corintho, cum caperetur, incensa* (Plin. Nat. Hist. XXXIV, 3, 6) и *eius tria genera: candidum argento nitore quam proxime accedens, in quo illa mixtura praevaluit; alterum, in quo auri fulva natura; tertium, in quo aequalis omnium temperies fuit* (Plin. Nat. Hist. XXXIV, 3, 8).

¹⁸⁰ *De origine aeris Corinthii Isidorus Plinio et Floro concinit* (см. S. Isidori Hispalensis episcopi opera omnia. T. IV: *Etymologiarum libri X posteriores* / ed. F. Arevalus. Romae, 1801. P. 290–291).

¹⁸¹ Так, фраза «Unde et usque in hodiernum diem sive ex ipso sive ex imitatione eius aes Corintheum vel Corinthea vasa dicuntur» является дословной цитатой из Орозия (V, 3, 7). При этом следует отметить, что Плиний, разумеется, является основным источником для Исихора: с его естественнонаучных наблюдений Исихор начинает и завершает раздел о коринфской бронзе.

incendit – Isid. и Petr.; ita ex hac commixtione fabri sustulerunt et fecerunt parapsides – Isid. и Ita ex hac massa fabri sustulerunt et fecerunt catilla et paropsides et statuncula – Petr.) не оставляет сомнений, что эта информация восходит именно к Петронию. Компилятор, на которого опирался Исидор, очевидно несколько «подредактировал» рассказ Тримальхиона, в основном относясь к его версии событий с доверием, и заменив лишь совсем очевидные ошибки: так, Илион в тексте Исидора заменен на Коринф. Таким образом, рассказ Исидора об aes Corinthium опирается на Плиния, Орозия и Петронию.

Вероятно, легенда о возникновении aes Corinthium при взятии города неслучайно появляется только в римских источниках и игнорируется греческими. Например, Плутарх, обсуждая изобретение сплава, приводит две версии событий, причем оба объяснения бытовые и передаются с долей сомнения¹⁸². В римских источниках, особенно у Флора, появление Corinthia представлено как достижение римлян, которое если не искупает разрушение Коринфа, то по крайней мере, позволяет увидеть и положительную сторону произошедшего (nam et aeris notam pretiosiore ipsa opulentissimae urbis fecit iniuria). По словам К. Баруан, бронза привнесла греческий элемент в культуру римского досуга¹⁸³ и превратилась в своего рода символ открытия римлянами греческого искусства¹⁸⁴.

Итак, после 146 г. традиционный мотив богатства Коринфа начинает использоваться в новом контексте: во-первых, бывшее богатство города противопоставляется степени его разорения; во-вторых, богатство добычи

---

¹⁸² Первая версия о случайном смешении при пожаре напоминает рассказ Плиния Старшего, но отличается тем, что речь идет о пожаре в отдельном доме, а не в целом городе: ...τὸν μὲν γὰρ Κορίνθιον οὐ τέχνη ἀλλὰ συντυχία τῆς χροᾶς λαβεῖν τὸ κάλλος, ἐπιειξαμένου πυρὸς οἰκίαν ἔχουσαν τι χρυσοῦ καὶ ἀργύρου, πλείστον δὲ χαλκὸν ἀποκείμενον ὧν συγχυθέντων καὶ συντακέντων, ὄνομα τοῦ χαλκοῦ τῷ μείζονι τὸ πλῆθος παρέσχευ, «(...) ведь коринфская бронза не искусством, а случайно получила красивый цвет, когда огонь распространился по дому, где находилось золото и серебро, а больше всего хранилось меди. Слившись и сплавившись, смесь (πλῆθος) получила название бронзы по большей [составляющей]» (Plut. De Pyth. or. 395b). Альтернативная версия объясняла появление сплава алчностью какого-то медника.

¹⁸³ C. Baroin. Op. cit. P. 105.

¹⁸⁴ Ibid. P. 109.

упоминается для того, чтобы подчеркнуть воздержанность Муммия, который ничего из сокровищ не взял лично себе. Судьбе предметов искусства уделялось совершенно особое внимание: хотя многие предметы искусства и роскоши были вывезены и хранились в Риме, где высоко ценились, источники отдают себе отчет в том, сколько произведений погибло. В позднейшее время возникла легенда о том, что именно в пожаре 146 г. впервые возникла коринфская бронза: рассказ этот был призван найти положительный аспект в разрушении Коринфа.

II.2. Коринф как вторая Троя

То, что взятие Трои служило своего рода парадигмой для описания всех последующих разрушений городов в эпиграммах, было уже упомянуто выше при разборе эпиграммы Антипатра (Anth. Pal. IX, 151 = Antipatr. Sid. 59 Gow-Page). Однако идея о сопоставимости коринфской трагедии со взятием Трои была значительно распространена не только в эпиграммах, но в том числе и в прозаических текстах. В этом разделе будет рассмотрен ряд пассажей, в которых разрушение римлянами Коринфа сравнивается со взятием Трои.

В «Застольных беседах» Плутарха содержится анекдот о пленном мальчике, процитировавшем Муммию стих о погибших при Трое данайцах:

ὅθ' ἡ πόλις ἀπώλετο καὶ Μόμμιος ἐκ τῶν ἐλευθέρων τοὺς ἐπισταμένους γράμματα παῖδας εὐσυσκοπῶν ἐκέλευσε γράψαι στίχον, ἔγραψε 'τρὶς μάκαρες Δαναοὶ καὶ τετράκις, οἱ τότε ὄλοντο' καὶ γὰρ παθεῖν τι τὸν Μόμμιον φασὶ καὶ δακρῦσαι καὶ πάντας ἀφεῖναι ἐλευθέρους τοὺς τῷ παιδί προσήκοντας.

«Когда город погиб и Муммий, отыскивавший среди свободнорожденных детей тех, что знал грамоту, велел [мальчику] написать строчку, тот написал: «Трижды и четырежды блаженны данайцы, которые тогда погибли». Говорят, что Муммий расчувствовался и расплакался и отпустил всех близких этого мальчика из числа свободорожденных» (Plut. Quaest. conv. 737a).

Гомеровский стих, процитированный мальчиком, взят из сцены в «Одиссее» (Od. V, 306), когда Одиссей, попав в бурю, восклицает, что

завидует тем из ахейцев, кто погиб с честью в Трое, а не в пучине, как предстоит погибнуть ему. Мальчик из анекдота, приведенного Плутархом, процитировал гомеровский отрывок не целиком, опустив обстоятельство места Τροίη ἐν εὐρείῃ (Od. V, 307); это позволяет переосмыслить цитату – погибнуть вместе с городом оказывается предпочтительнее плена. Необходимо отметить, насколько сильно подействовала эта цитата, равно как и подразумеваемое сравнение судьбы коринфян с судьбой троянцев, на Муммия (παθεῖν τι τὸν Μόρμιόν φασι καὶ δακρῦσαι). Освобождением близких мальчика он показывает уважение к их горю при виде гибели родного города, которая в этой семье явно ощущалась как событие, по своей трагичности сопоставимое с падением Трои¹⁸⁵.

В «Тускуланских беседах», в разделе, посвященном утешению, в качестве примера того, что время помогает смириться со всем, приводятся современные Цицерону жители Коринфа, смилившиеся с разрушением своего города, тогда как сам Цицерон при первом виде руин был глубоко тронут (Cic. Tusc. III, 53)¹⁸⁶. Далее Цицерон сравнивает чувства, которые должны были бы испытывать коринфяне, с тем, что некогда чувствовала Андромаха, и сопровождает сравнение цитатой из Энния:

hi poterant omnes eadem illa de Andromacha deplorare: “haec omnia vidi ...”, sed iam decantaverant fortasse.

«Они все могли сетовать также, как Андромаха: «Я видела это все...», но они уже перестали сетовать» (Cic. Tusc. III, 53).

Как и в предыдущем случае, Цицерон ссылается на известный пассаж, описывающий взятие Трои, однако сокращает цитату, опуская выразительное

---

¹⁸⁵ Это не единственный пример цитирования Гомера при сравнении разрушенного города с Троей. Так, у Полибия в передаче Аппиана Сципион, при виде горящего Карфагена, процитировал стих из «Илиады»: ἔσθεται ἡμῶν ὅταν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρὴ / καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐνμμελίῳ Πριάμοιο: «Будет день, когда погибнет священный Илион, и Приам, и народ копыеносца Приама» (Horn. II. IV, 164–165). Поясняется, что Сципион опасался за возможную гибель Рима (Polyb. XXXVIII, 22=Appian. Pun. XIX, 132).

¹⁸⁶ Ср. [...] magisque me moverant Corinthi subito aspectae parietinae quam ipsos Corinthios, quorum animis diuturna cogitatio callum vetustatis obduxerat, «... и меня внезапно открывшийся вид руин Коринфа тронул больше, нежели самих коринфян, чьи души длительное размышление заволокло, словно толстой кожей давности [событий]» (Cic. Tusc. III, 53).

перечисление разрушений, которые приводится у Энния¹⁸⁷. Сокращение цитаты не делает ее менее эффектной: haec omnia позволяет домыслить те детали разрушения, которые относятся именно к Коринфу.

Напрямую падение Коринфа сопоставляется с судьбой Трои в эпиграмме Полистрата (Anth. Pal. VII, 297), причем Полистрат по-новому осмысляет этот мотив:

Τὸν μέγαν Ἀκροκόρινθον, Ἀχαικὸν Ἑλλάδος ἄστρον
καὶ διπλῆν Ἰσθμοῦ σύνδρομον ἡίονα,
Λεύκιος ἐστυφέλιξε· δорипτοίητα δὲ νεκρῶν
ὄστέα σωρευθεὶς εἰς ἐπέχει σκόπελος.
τοὺς δὲ δόμον Πριάμοιο πυρὶ πρήσαντας Ἀχαιοὺς
ἀκλαύστους κτερέων νόσφισαν Αἰνεάδαι (AP VII, 297=II Gow-Page).

«Акрокоринф величавый ахейцев, светило Эллады,
Как и истмийский двойной берег, дотла разорен
Луцием. Кости умерших, разбитые копьями, кроет
Груда большая одна нагроможденных камней.
Так отомстили ахейцам за гибель Приамова дома
Внуки Энея, лишив их погребальных торжеств»¹⁸⁸.

Полистрат точнее, нежели Антипатр, передает особое расположение Коринфа на перешейке между двумя заливами (διπλῆν Ἰσθμοῦ σύνδρομον ἡίονα). Коринф характеризуется как Ἑλλάδος ἄστρον (приложение, которое находит параллели и в римских источниках о взятии Коринфа¹⁸⁹): данное выражение, как указывают комментаторы, вероятно, отсылает к стиху неизвестного трагика, который сохранился у Диодора Сицилийского: Κόρινθος ἄστρον οὐκ ἄσημον Ἑλλάδος (TrGrFr, fr. 128, 1 = Diod. XXXII, 27, 1¹⁹⁰). Однако наиболее необычным элементом в эпиграмме Полистрата

¹⁸⁷ Цицерон цитирует Энния: haec omnia vidi inflammari, / Priamo vi vitam evitari, / Iovis aram sanguine turpata: «Я видела, как это все запылало огнем, как из-за насилия жизнь покинула Приама, как алтарь Юпитера был осквернен кровью» (Enn. 92–94).

¹⁸⁸ Как и в случае с эпиграммой Антипатра, мы цитируем стихотворный перевод Л. Блуменау (Греческая эпиграмма / Ред. Ф. Петровский. М., 1960. С. 148).

¹⁸⁹ Ср. Цицерон называет Коринф totius Graeciae lumen (Cic. Pro leg. Man. V, 11), а Флор – Achaiae caput, Graeciae decus (Flor. Epit. II, 16, 1 Lemaire); ср. также oculus orae maritimae (Cic. De nat. deor. III, 38). Подр. см. M. Tullii Ciceronis De natura deorum libri tres / Ed. J. B. Mayor, J. H. Swainson. Cambridge. 1885. Vol. III. P. 191.

¹⁹⁰ The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams / A. S. F. Gow, D. L. Page. Vol. II. P. 481, ad Polystrat. 2, 1.

является объяснение причин взятия Коринфа: по мнению Полистрата, римляне разрушили Коринф и оставили ахейцев без погребения, мстя за разрушение Трои, родины Энея, потомками которого считают себя римляне. Данное объяснение не встречается больше нигде (разумеется, оно совершенно не соответствует историческим причинам взятия Коринфа). Однако в рамках данного стихотворения Полистрату удастся связать воедино мифическую древность и исторические события недавнего прошлого: в частности, Ἀχαιοί отсылает одновременно и к гомеровскому обозначению греков (ср. также δόμων Πριάμοιο)¹⁹¹ и к Ахейскому союзу; обозначение же римлян как Энеадов (Αἰνεάδαι) также указывает на глубинную связь событий 146 г. с разрушением Трои¹⁹².

II.3. Образ театра в описаниях разрушения Коринфа

Одним из наиболее интересных образов, возникающих в рассказах о падении Коринфа, является образ театра: взятие города уподобляется трагедии, его географическое положение сравнивается с амфитеатром, и т.д. Применение данного образа очень многогранно, что усложняет поиски его истоков. Можно лишь с большой осторожностью предположить, что образ мог восходить к несохранившейся части повествования о взятии Коринфа у Полибия. В самом деле, образ театра у Полибия встречается регулярно: так, например, судьба (τύχη) может сравниваться с постановщиком пьесы¹⁹³, выводящим на всеобщее обозрение неразумие людей словно на экзостру или на сцену¹⁹⁴; с театральным зрелищем у Полибия могли сравниваться и

¹⁹¹ Гоу и Пэйдж обращают внимание на различие между реалиями, к которым отсылают прилагательное Ἀχαιικός в первом стихе и Ἀχαιοί в ст. 5: “Corinthus is so called (scil. Ἀχαιικός – A. C.) because it was a member of the Achaean league against whom Mummius was fighting” (The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams / A. S. F. Gow, D. L. Page. Vol. II. P. 481, ad Polystrat. 2, 1).

¹⁹² Говоря о мотиве разрушения ранее богатых городов, А. Хардер указывает, что эпиграммы регулярно подчеркивают, как велик промежуток времени после разрушения Трои и сколько изменений произошло: “This group of epigrams seems to thematize the perspective of later generations and shows an awareness of the huge lapse of time and of the historical changes which had taken place since the times of the Trojan War” (A. Harder. Op. cit. P. 422).

¹⁹³ ἡ τύχη δρᾶμα κατὰ τὸν αὐτὸν καιρὸν ἐπεισήγαγεν τὸ κατὰ τοὺς υἱοὺς: «Судьба в тот же самый момент поставила драму о сыновьях» (Polyb. XXIII, 10, 12).

¹⁹⁴ Καὶ ταῦτα πρότερον μὲν ἠγνοεῖτο· νυνὶ δὲ διὰ τῆς Ὀρειτῶν καὶ τῶν ταλαιπῶρων Αἰγινήτων ἅπασι γεγόναι καταφανεῖς, τῆς τύχης ὥσπερ ἐπίτηδες ἐπὶ τὴν ἐξώστραν ἀναβιβαζούσης τὴν ὑμετέραν ἄγνοιαν: «Раньше

военные действия, как, например, в описании тактики карфагенян в сражении на капуанской равнине, которая должна была выставить напоказ, словно на подмостках (ἐκθεατρίειν), трусость противников¹⁹⁵.

В данном разделе будут разобраны два пассажа, в которых при описании падения Коринфа задействуется образ театра. В разобранном выше пассаже из Флора¹⁹⁶ выражение *Corinthus...inter duo maria, Ionium et Aegaeum, quasi spectaculo exposita* (Flor. II, 16 Lemaire) отсылает в первую очередь к уникальному географическому положению города. В самом деле, тот факт, что Коринф омывают два моря, является одним из постоянных элементов описания города: так, Плиний Старший сообщает, что Коринф обращен к двум морям (*diversa duo maria prospectans* – Plin. Nat. Hist. IV, 4, 9). Это географическое положение было основой процветания города¹⁹⁷, с одной стороны, однако, с другой стороны, делало город и уязвимым. Так, когда Гораций характеризует Коринф как *bimaris*¹⁹⁸,

laudabunt alii clarum Rhodon aut Mytilenen
aut Epheson bimarisve Corinthi
moenia...

«Другие будут восхвалять славный Родос или Митилену или Эфес или стены
двуморного Коринфа...» (Hor. Carm. I, 7, 1–3)

он, вероятно, имеет в виду не только торговлю и богатство города: по мнению Р. Нисбет и М. Хаббард, упоминание стен скорее всего должно было отсылать к коринфским руинам, оставшимся в восстановленном городе после

это было неизвестно, теперь же из-за орейцев и несчастных эгинцев вы всем стали понятны, поскольку судьба как будто нарочно вывела на экзостру ваше безумие» (Polyb. XI, 5, 8). Здесь Полибий передает прямую речь родосского посла, однако вкладывает в нее свое понимание судьбы как движущей силы. Сходный образ возникает и в авторском повествовании: ...τῆς τύχης ὥσπερ ἐπίτηδες ἀναβιβαζούσης ἐπὶ σκηνὴν τὴν τῶν Ῥοδίων ἄγνοϊαν: «...поскольку судьба как будто нарочно вывела на сцену безумие родосцев» (Polyb. XXIX, 19, 2).

¹⁹⁵ διόπερ ἔμελλον εἰς ταῦτα καταστρατοπεδεύσαντες ὥσπερ εἰς θέατρον οἱ Καρχηδόνιοι καταπλήξεσθαι μὲν τῷ παραλόγῳ πάντας, ἐκθεατρίειν δὲ τοὺς πολέμιους φυγομαχοῦντας, αὐτοὶ δ' ἐξ ὁμολόγου φανήσεσθαι τῶν ὑπαίθρων κρατοῦντες: «из-за чего карфагеняне, расположившиеся лагерем в ней (sc. в долине) как на обозрение, собирались поразить всех неожиданностью, выставить на обозрение избегающих сражения врагов, а самим оказаться победителями тех, кто находился на открытом пространстве» (Polyb. III, 91, 10). О географическом положении как сцене для исторических событий см. подр. K. Clarke. *Between Geography and History. Hellenistic Constructions of the Roman World*. Oxford. 2002 (repr. 1999). P. 86.

¹⁹⁶ См. раздел о месте разрушения Коринфа в общем ходе истории.

¹⁹⁷ Strab. VIII, 6, 20; Thuc. I, 13, 5; Cic. Leg. agr. II, 87; Oros. Hist. V, 3, 5.

¹⁹⁸ *Bimaris* образованным по аналогии с ἀμφιθάλασος у Пиндара, Ol. VII, 33, обозначающим Родос – см. Q. Horatius Flaccus. *Oden und Epoden* / Ed. A. Kiessling, R. Heinze. Berlin. 1958. S. 40.

разрушения¹⁹⁹. Однако флоровское сравнение *quasi spectacula exposita* меняет перспективу, представляя взятие Коринфа как происходящее на сцене: расположение города трактуется Флором не как причина процветания, а как декорации для исторического события; историк намекает на уязвимость города и на его открытость врагу²⁰⁰.

В отличие от Флора, у которого *quasi spectacula exposita* является исключительно метафорой, отсылающей к расположению Коринфа на перешейке и о трагическом его конце, у Помпея Трога в пассаже, сохранившемся в эпитоме Юстина, само место сражения ахейцев с римлянами превращается в настоящую сцену:

Sed Achaei veluti nihil negotii Romano bello suscepissent, ita apud eos neglecta et soluta omnia fuere. Itaque praedam, non proelium cogitantes et vehicula ad spolia hostium reportanda adduxerunt et coniuges liberosque suos ad spectaculum certaminis in montibus posuerunt. Sed proelio commisso ante oculos suorum caesi lugubre his spectaculum et gravem luctus memoriam reliquerunt. Coniuges quoque liberique eorum de spectatoribus captivi facti praeda hostium fuere.

«Но ахейцы как будто не предпринимали никакого дела для войны с римлянами, так что у них все было в пренебрежении и распушенности. Поэтому, размышляя о добыче, а не о сражении, они доставили повозки для того, чтобы увезти вражескую добычу, и поместили жен и детей своих для обозрения сражения. Но после того как сражение состоялось, ахейцы, убитые на глазах своих (родственников), оставили им мрачное зрелище и тяжкую память о скорби. Также и их плененные супруги и дети из зрителей стали добычей врагов» (Iust. XXXIV, 2, 2–5).

Образ «театра» военных действий используется Трогом буквально: дважды повторенное слово *spectaculum* и *spectatores* указывают на несерьезное отношение ахейцев к войне с римлянами. Согласно Трогу, они воспринимали битву как приятное зрелище для их близких, поместив их на

¹⁹⁹ R. G. M. Nisbet, M. Hubbard. A Commentary on Horace. Odes. Book I. Oxford. P. 96. В свою очередь, А. Кисслинг и Р. Хайнце (См. Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden. S. 40) подчеркивают и выгодное местоположение города, и то, что он открыт с моря.

²⁰⁰ Cf. N. E. Lemaire: Quemadmodum autem Corinthus prospectat utraque maria, sic, ut innuit Florus, vicissim spectacula erat, seque ostendebat iis qui illa navigabant («Коринф обращен к обоим морям, так что, как отмечает Флор, был в свою очередь на виду и открывал себя тем, кто туда плыл»). См. Lucius Annaeus Florus. Epitome rerum Romanarum / Ed. N. E. Lemaire. Parisiis. 1827. P. 188.

возвышении, чтобы тем было удобнее наблюдать за сражением, будто происходящим на сцене. Источник этого рассказа неясен: кроме Трога, никто не использует столь яркий образ театра. Результат сражения оказался более трагичным и коснулся не только сражавшихся, но и наблюдавших за сражением: они будто оказались вовлечены в спектакль и стали добычей врагов, на которых они смотрели отстраненно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взятие и разрушение Коринфа римлянами нашло отражение не только в античной историографии, но и во многих литературных текстах. Их изучение обнаруживает, с одной стороны, целенаправленные попытки, как греков, так и римлян, объяснить произошедшее в 146 г.: авторы возлагают ответственность за обострение отношений между Ахейским союзом и Римом на отдельных политиков, на невмешательство и даже одобрение их действий народом Коринфа, и наконец, на общий ход истории. С другой стороны, сравнение источников обнаруживает целый ряд регулярно упоминаемых деталей и идей, которые со временем превращаются в постоянные мотивы при повествовании о событиях 146 г.

Из политических деятелей античные источники возлагают, чаще всего, ответственность за падение Коринфа на Критолая и Дизя, которые занимали должность стратегов в годы, непосредственно предшествовавшие падению Коринфа. Полибий, чьи свидетельства об Ахейской войне (хоть и отрывочные) представляют особую ценность как показания современника, бóльшую часть ответственности возлагает на Критолая, стратега 147–146 гг. (Polyb. XXXVIII, 11, 6–9; 12, 7–10; 13, 6–7; 16, 11–12). Полибий критикует желание Критолая развязать войну с Римом (ἐθέλοκακῶν), подчеркивая его безумие (ἄγνοια, μανία); представляет стратега демагогом, с легкостью управляющим толпой (ἐκίνει καὶ παρώξυνε τοὺς ὄχλους), и делает особый упор на расхождении между его словами и истинными намерениями. Из римских источников Флор характеризует Критолая как *causa belli*, усматривая причину Ахейской войны в оскорблении римских послов (Flor. II, 16); у Цицерона тот же Критолай (а не Муммий) назван разрушителем Коринфа (*Critolaus inquam evertit Corinthum*, Cic. De nat. deor. III, 91). Напротив, на Дизя возлагается меньшая доля вины, хоть он и был стратегом в год падения Коринфа: Полибий критикует меры, принятые им для усиления войска и пополнения казны, поскольку они привели к ἀκρίσια, ταραχή, δυσθυμία (Polyb.

XXXVIII, 15, 6–8), а Павсаний обвиняет стратега в упрямстве и отказе от предложенного Метеллом мира (Paus. VII, 15, 11); в римских источниках Дию отводится значительно менее важная роль, нежели Критолаю (ср. Liv. Perioch. 52; Oros. Hist. V, 3, 2–4). Стремление греческих историков найти первопричину несчастий уводит их к более отдаленной по времени фигуре, Калликрату, стратегу 178–177 гг. до н.э., которого и Полибий, и Павсаний характеризуют ἀρχὴ κακῶν, обвиняя Калликрата в желании подчинить политику Ахейского союза решениям сената (Paus. VII, 10, 1; 12, 8; Polyb. XXIV, 10, 8–10), что отразилось и у Ливия (Liv. XLI, 23, 9). Единственный автор, который возлагает ответственность за конфликт греков и римлян на третью сторону – Павсаний, когда оценивает как ἀρχὴ κακῶν македонского царя Персея (Paus. VII, 10, 5).

Античные авторы, описывая действия отдельных стратегов, регулярно подчеркивают, что они находили поддержку в народе. Большое внимание уделяет поведению народа Полибий, описывая его как безрассудную массу, охваченную страхом и подчиняющуюся воле стратегов (Polyb. XXXVIII, 12, 4–6). Наконец, отказываясь от поиска персонально ответственных политиков, античные авторы обращаются к идее судьбы (так, Полибий считает, что падение Коринфа стало спасением Греции (Polyb. XXXVIII, 18, 8–12), или к поиску глубинных причин конфликта в стремлении государства подавить сильного соперника: так, Цицерон (Cic. Leg. Agr. II, 87) и Трог, согласно эпитоме Юстина (Iust. XXXIV, 1, 1–3). Сожаление о разрушении Коринфа высказывает Цицерон (Cic. De off. III, 46) и Флор (Flor. II, 16).

Помимо попыток историографов осмыслить причины падения Коринфа, литературные тексты как греческих, так и римских авторов показывают, что разрушение Коринфа было важной вехой для обеих культур и повествование о событиях 146 г. обрастает рядом постоянных тем и мотивов. Так, богатство Коринфа, бывшее общим местом еще со времен Гомера, используется для противопоставления с разрушениями после взятия города римлянами. Разграбление и разрушение Коринфа, потеря многих предметов искусства в

пожаре компенсируются созданием легенды о том, что в пожаре возник новый сплав – *aes Corinthium* (Flor. II, 16; Petr. Sat. 50; Isid. Etym. XVI, 20, 4). Взятие Коринфа сопоставлялось с падением Трои (Plut. Quaest. conv. 737a; Cic. Tusc. III, 53; Anth. Pal. VII, 297), а также уподоблялось трагической театральной постановке (Flor. II, 16; Iust. XXXIV, 2, 2–5).

INDEX LOCORUM

AP VII, 297= Polyst. 2 Gow-Page	Paus. VII, 14, 3
AP IX, 151 = Antipater Sid. 59 Gow-Page	Paus. VII, 14, 4
Cic. De leg. Agr. II, 87	Paus. VII, 14, 6
Cic. De nat. deor. III, 91	Paus. VII, 15, 11
Cic. De off. I, 35	Paus. VII, 17, 1
Cic. De off. II, 76	Paus. VIII, 27, 1
Cic. De off. III, 46	Petr. Sat. 50
Cic. Pro leg. Man. V, 11	Plut. Quaest. conv. 737a
Cic. Tusc. III, 53	Polyb. XXII, 18, 1
Dio Cass. XXI, fr. 72	Polyb. XXIV, 10, 8–10
Diod. XXXII, 26, 4–5	Polyb. XXXVIII, 1, 1–2
Flor. Epit. II, 16	Polyb. XXXVIII, 3, 7
Hdt. III, 81, 2	Polyb. XXXVIII, 10, 8–9
Hom. Il. II, 569–570	Polyb. XXXVIII, 11, 6–9
Hom. Il. IV, 450–456	Polyb. XXXVIII, 11, 11
Hom. Il. V, 62–64	Polyb. XXXVIII, 12, 7–10
Hor. Carm. I, 7, 1–3	Polyb. XXXVIII, 13, 6–7
Isid. Etym. XVI, 20, 4	Polyb. XXXVIII, 15, 6–8
Iust. XXXIV, 1, 1–3	Polyb. XXXVIII, 16, 1–2
Iust. XXXIV, 2, 2–5	Polyb. XXXVIII, 16, 11
Liv. XLI, 23, 9	Polyb. XXXVIII, 16, 12
Liv. Perioch. 52	Polyb. XXXVIII, 18, 8–12
Oros. Hist. V, 3, 2–4	Polyb. XXXIX, 2, 1
Paus. VII, 10, 1	Polyb. XXXIX, 8, 1–2
Paus. VII, 10, 5	Strab. VIII, 6, 20
Paus. VII, 11, 2	Thuc. I, 13, 5
Paus. VII, 12, 2	Zon. Epit. IX, 31B
Paus. VII, 12, 8	

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1. Cicero. Pro Publio Quinctio. Pro Sexto Roscio Amerino. Pro Quinto Roscio Comoedo. De lege agraria / Ed. J. H. Freese. Vol. VI. Cambridge (Mass.), London, 1984.
2. Cicero. De officiis. Vol. XXI / Ed. W. Miller. Cambridge (Mass.), London, 1990 (repr. 1913).
3. Cicero. De natura deorum. Academica / Ed. H. Rackham. Cambridge (Mass.), London, 1994 (repr. 1933).
4. Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta / Ed. A. G. Roos. Vol. II.2: Excerpta de virtutibus et vitiis. Berolini, 1910.
5. Dio's Roman History / Ed. E. Cary, H. B. Forster. Vol. III. Cambridge (Mass.), London, 1989.
6. Diodorus of Sicily / Ed. F. R. Walton. Vol. XI. Cambridge (Mass.), London, 1980 (repr. 1957).
7. Florus. Œuvres / Ed. P. Jal. T. I Paris, 1967.
8. The Greek Anthology. Hellenistic Epigrams / Ed. A. S. F. Gow, D. L. Page. Vol. II. Cambridge, 1965.
9. The Greek Anthology. The Garland of Philip and Some Contemporary Epigrams / Ed. A. S. F. Gow, D. L. Page. Vol. II. Cambridge, 1968.
10. Lucius Annaeus Florus. Epitome rerum Romanarum / Ed. N. E. Lemaire. Parisiis, 1827.
11. Herodotus. Books III–IV / Ed. A. D. Godley. Cambridge (Mass.), London. 1921.
12. Q. Horatius Flaccus. Oden und Epoden / Ed. A. Kiessling, R. Heinze. Berlin, 1958.
13. The Iliad. Books I–XII / Ed., comm. W. Leaf. 2nd ed. London. 1900.
14. S. Isidori Hispalensis episcopi opera omnia / Ed. F. Arevalus T. IV: Etymologiarum libri X posteriores. Romae, 1801.
15. Justinii Historiae Philippicae / Ed. J. G. Graevius. Lugd. Batavorum, 1701.
16. Titus Livius. Ab urbe condita / Ed. W. Weissenborn, M. Mueller, O. Rossbach. Vol. IV: libri XLI–XLV, periochae omnium librorum. Stutgardiae, 1959.
17. Orose. Histoires (Contre les Païens) / Ed. M.-P. Arnaud-Lindet. T. II. Paris, 1991.
- Pausanias. Description of Greece / Ed. W. H. S. Jones. Vol. III. Cambridge (Mass.), London, 1988 (repr. 1933).

18. Pausanias. Description de la Grèce / Ed. M. Casevitz, Y. Lafond. T. VII. Paris. 2000.
19. Pausanias. Description de la Grèce / Ed. M. Casevitz. T. VIII. Paris. 1998.
20. Pausanias. Description of Greece / Ed. W. H. S Jones. Vol. III. Cambridge (Mass.), London, 1988 (repr. 1933).
21. Petronii Arbitri Cena Trimalchionis / Ed. E. V. Marmorale. Firenze, 1947.
22. Petronii Arbitri Cena Trimalchionis / Ed. M. S. Smith. Oxford. 1975.
23. Plutarch. Moralia / Ed. E. L. Minar, F. H. Sandbach, W. C. Helmbold. Vol. IX. Cambridge (Mass.), London, 1993 (repr. 1961).
24. Polybius. The Histories / Ed. W. R. Paton, F. W. Walbank, Ch. Habicht. Vol. VI. Cambridge (Mass.), London. 2012.
25. Strabo. The Geography / Ed. H. L. Jones. Vol. IV. Cambridge (Mass.), London, 1988 (repr. 1927).
26. Thucydides. The History of the Peloponnesian War / Ed. Ch. F. Smith. London, Cambridge (Mass.), 1919.
27. Ioannis Zonarae Epitome historiarum / Ed. L. Dindorfius. Vol. II. Lipsiae, 1869.

II. Издания надписей

28. Inscriptiones Graecae: Aeginae, Pityonesi, Cecryphaliae, Argolidis. T. IV / Ed. M. Fraenkel. Berolini, 1902.

III. Научная литература

29. Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. СПб. 1994. С. 5–33.
30. Aalders G. J. D. Cassius Dio and the Greek World // Mnemosyne. Vol. 39 (1986). P. 282–304.
31. Akujärvi J. Researcher, Traveller, Narrator : Studies in Pausanias' Periegesis. Lund. 2005.
32. Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. Cambridge, 1974.
33. Alonso-Núñez J. M. Drei Autoren von Geschichtsabrissen der römischen Kaiserzeit: Florus, Iustinus, Orosius // Latomus. T. 54 (1995). P. 346–360.
34. Beloch K. J. Griechische Geschichte. Berlin, Leipzig. Vol. IV. 1927.
35. Boedeker D. Early Greek Poetry as/ and History // The Oxford History of Historical Writing / Ed. A. Feldherr, G. Hardy. Vol. 1. Oxford University Press. 2011. P. 122–147.

36. Boedeker D. Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // Brill's Companion to Herodotus / Ed. E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees. Leiden, Boston, Köln. 2002. P. 97–116.
37. Cairns D. L. Hybris, Dishonour, and Thinking Big // JHS. Vol. 116 (1996). P. 1–32.
38. Champion C. B. Polybian Demagogues in Political Context // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 102 (2004). P. 199–212.
39. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968.
40. Clarke K. Between Geography and History. Hellenistic Constructions of the Roman World. Oxford. 2002 (repr. 1999).
41. Derow P. S. Rome, the Fall of Macedon and the Sack of Corinth // The Cambridge Ancient History / Ed. A. E. Astin, F. W. Walbank, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie. 1989 (1930). Vol. VIII. P. 290–323.
42. Feger R. Cicero und die Zerstörung Korinths // Hermes. Bd. 80 (1952). S. 436–456.
43. Fränkel H. Die homerischen Gleichnisse. Göttingen. 1921.
44. Fuks A. The *Bellum Achaicum* and Its Social Aspect // JHS. Vol. 90 (1970). P. 78–89.
45. Gomme A. W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxford, 1945.
46. Groningen B. A., van. Theognis. Amsterdam. 1966.
47. Gruen E. S. The Origins of the Achaean War // JHS. Vol. 96 (1976). P. 46–69.
48. Gutzwiller K. The Nautilus, the Halcyon, and the Selenai: Callimachus' Epigramm 5 Pf. = 14 G.–P. // Classical Antiquity. Vol. 11 (1992). p. 194–209.
49. Harder A. Epigram and the Heritage of Epic // Brill's Companion to Hellenistic Epigram. Down to Philip / Ed. P. Bing, J. S. Bruss. Leiden, Boston, 2007. P. 409–428.
50. Hornblower S. Thucydides and Pindar. Historical Narrative and the World of Epinikian Poetry. Oxford, 2004.
51. Hutton W. Pausanias and the Mysteries of Hellas // Transactions of the American Philological Association. Vol. 140. 2 (2010). P. 423–459.
52. Kazanskaya M. Les expressions homériques dans les *Histoires* d'Hérodote // *Lalies*. T. 34. 2014. P. 161–175.
53. Kirk G.S. The Iliad: A Commentary. Vol. I: books 1–4. Cambridge, 1985.
54. Kirkwood G. M. Thucydides' Words for "Cause" // The American Journal of Philology. Vol. 73 (1952). P. 37–61.

55. Lafond Y. Pausanias et l'histoire du Péloponnèse depuis la conquête romaine // *Entretiens sur l'antiquité classique*. T. 41 (Pausanias historien). Vandœuvres – Genève. 1996. P. 167–198.
56. Landauer M. “Parrhesia” and the “Demos Tyrannos”: Frank Speech, Flattery and Accountability in Democratic Athens // *History of Political Thought*. Vol. 33 (2012). P. 185–208.
57. Mendels D. Polybius and the Socio-Economic Revolution in Greece (227–146 B.C.) // *L'Antiquité Classique*. T. 51 (1982). P. 86–110.
58. Moulton C. *Similes in the Homeric Poems*. Göttingen. 1977.
59. Muller F. Ἀλάστωρ // *Mnemosyne*. Vol. 57 (1929). P. 116–124.
60. Murray O. Herodotus and Hellenistic Culture // *CQ*. Vol. 22, No. 2. 1972. P. 200–213.
61. Niese B. *Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea*. Teil III. Darmstadt. 1963.
62. O'Neil J. L. The Political Elites of the Achaian and Aitolian Leagues // *Ancient Society*. Vol. 15/17 (1984–1986). P. 33–61.
63. Parke H. W. Citation and Recitation: a Convention in Early Greek Historians // *Hermathena*. 1946. Vol. 67. P. 80–92.
64. Pédech P. Les idées religieuses de Polybe: étude sur la religion de l'élite gréco-romaine au IIe siècle av. J.-C. // *Revue de l'histoire des religions*. Vol. 167 (1965). P. 35–68.
65. Piganiol A. *La conquête romaine*. Paris. 1940.
66. Pretzler M. Pausanias and Oral Tradition. *CQ*. Vol. 55 (2005). P. 235–249.
67. Ruschenbusch E. Die Sprache der Vorlagen Diodors für die römische Geschichte // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 46 (1997). S. 185–195.
68. Salmon J. B. *Wealthy Corinth: A History of the City to 338 BC*. Oxford, 1984.
69. Schmeling G., Setaioli A. *A Commentary on the Satyricon of Petronius*. Oxford, 2011.
70. Strömberg R. *Greek Proverbs*. Göteborg. 1954.
71. Tillmans L. *Disputationis qua ratione Livius Polybi Historiis usus sit*. Bonnae. 1860.
72. Walbank F. W. *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. I. Oxford. 1957.
73. Walbank F. W. *A Historical Commentary on Polybius*. Vol. III. Oxford. 1979.
74. Walbank F. W. Polybius between Greece and Rome // *Entretiens sur l'antiquité classique*. T. 20 (Polybe). Vandœuvres – Genève. 1974. P. 1–31.
75. Wankel H. *Demosthenes. Rede für Ktesiphon über den Kranz*. Heidelberg. 1976.
76. Wooten C. The Speeches in Polybius: An Insight into the Nature of Hellenistic Oratory // *The American Journal of Philology*. Vol. 95. No 3 (1974). P. 235–251.